

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО № 39 СЕНТЯБРЬ 1987
«ПРАВДА», МОСКВА

РУССКИЙ
СОЛОВЕЙ

РОМАН
ЖОРЖА
СИМЕНОНА

С ВЕТРОМ
СПОРЯ

**СССР-
США:
ГОРИЗОНТЫ
СОТРУДНИ-
ЧЕСТВА**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 39 (3140)

26 СЕНТЯБРЯ —

3 ОКТЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1987.

Главный

редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

Д. В. БИРЮКОВ,

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель
главного редактора),

К. А. ЕЛЮТИН,

В. П. ЕНИШЕРЛОВ,

Н. А. ЗЛОБИН,

Д. К. ИВАНОВ

(ответственный
секретарь),

Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель
главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

А. Б. СТУКОВ,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

НА ПЕРВОЙ И ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦАХ ОБЛОЖКИ: На полигоне в Рыльске идет подготовка к советско-американскому научному эксперименту «Рарэкс-87» (см. в номере материал «Охота за пылью»).

Фото Геннадия КОПОСОВА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 251-89-83; Международного — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 4.09.87. Подписано к печати 22.09.87. А 00432. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2865. Заказ № 1177.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда» 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ЖАТВА

Борис РЯЗАНЦЕВ,
Павел КРИВЦОВ (фото).

П

оле.

Живописцы олицетворяли им
мир и тишину.

А наши фоторепортеры
фиксируют обратное.

Какой уж тут покой!

Интенсивная технология
требует постоянного ухода
за землей.

Звездный час поля—уборка.

Она — в гуле комбайнов,
в пелене пыли и половы,
оседающих на горячие лица
механизаторов.

Пора эта по душе экипажу
комбайна

Антон Антоновича

Трохимчука

и его сына девятиклассника
Виктора (колхоз «Дружба»

Коростенского района
Житомирской области).

Младший сын
второй сезон на страде.

А прежде отцу помогал
старший — Юрий,

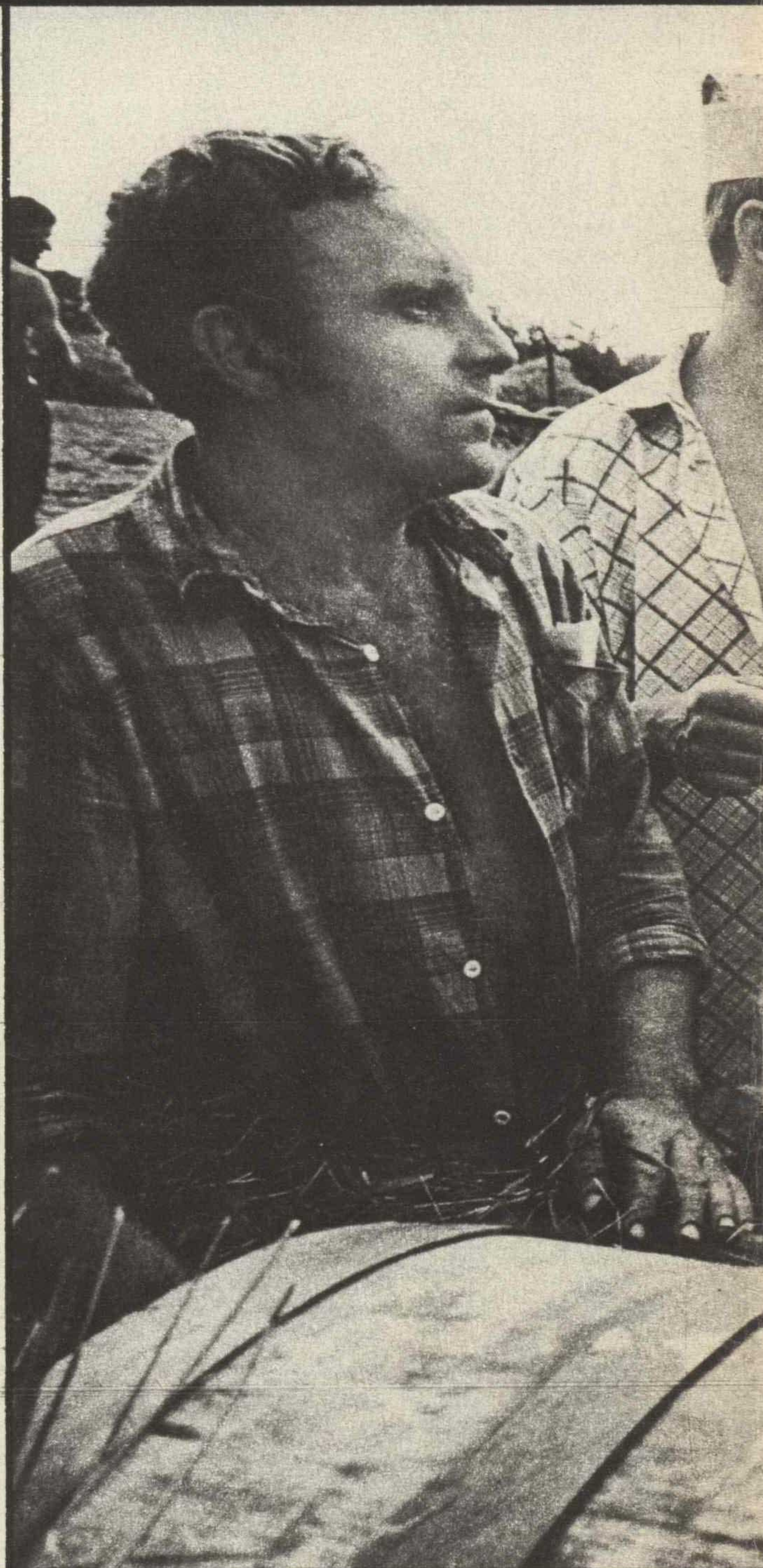
который сейчас служит
в армии.

...Дорог хлеборобам
каждый час,

каждый миг жатвы.

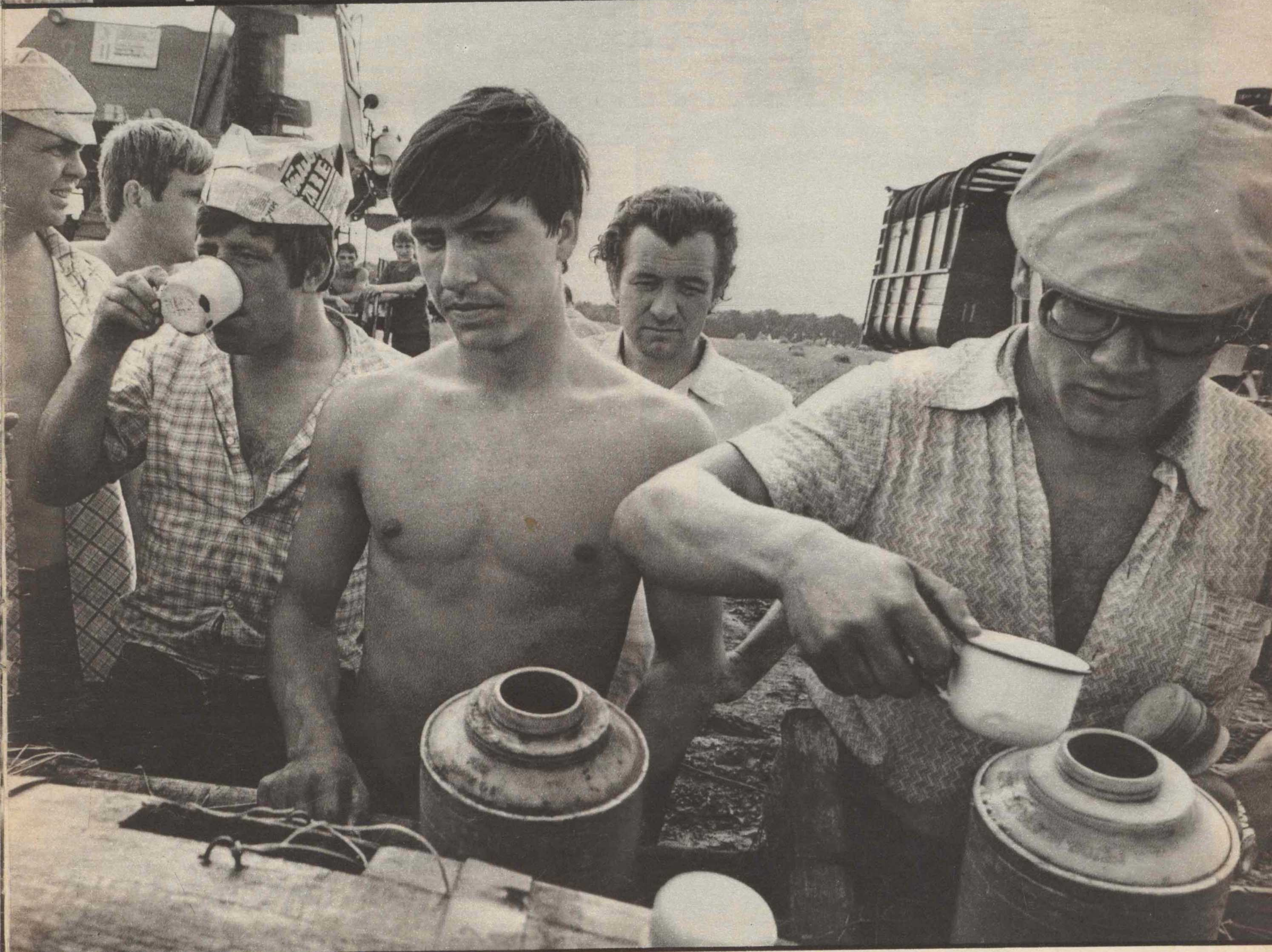
Она — венец года

для хлебороба,
его судьба и надежда.

СЕЙЧАС В ЦЕНЕ У НАС
СЛОВА КРАТКИЕ,
КОНКРЕТНЫЕ, ПО ДЕЛУ.
ВЕДЬ ИМЕННО ИМ
СИЛЕН И СЛАВЕН
ЧЕЛОВЕК.
НА ЛЮБОМ МЕСТЕ —
В ШАХТЕ
И ЛАБОРАТОРИИ,
НА ЗАВОДЕ И СЦЕНЕ,
В МОРЕ И ПОЛЕ.

ОДИН ГОД ИЗ ЖИЗНИ СЕРЕЖИ ФОКИНА

ЧТО В РЕБЯЧЬЕМ ГАРДЕРОБЕ?

СЕГОДНЯ, КОГДА ПАРТИЯ И ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОДДЕРЖАЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ О СОЗДАНИИ СОВЕТСКОГО ДЕТСКОГО ФОНДА ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА, ЗАБОТА О ДЕТЯХ И СЕМЬЕ ГАЗОВАНА ДЕЛОМ ОБЩЕПАРТИЙНЫМ, ОБЩЕНАРОДНЫМ. ПРОБЛЕМЫ КАЖДОЙ СЕМЬИ (И ОСОБЕННО МОЛОДОЙ) МОГУТ И ДОЛЖНЫ СТАТЬ ПОВОДОМ ДЛЯ ОТКРОВЕННОГО И СЕРЬЕЗНОГО РАЗГОВОРА. «ОГОНЕК» ПРОДОЛЖАЕТ РАССКАЗ О СЕМЬЕ МОЛОДЫХ МОСКВИЧЕЙ, В КОТОРОЙ ПОЯВИЛСЯ МАЛЫШ СЕРЕЖА. РЕДАКЦИЯ БЛАГОДАРИТ ВСЕХ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРИСЛАВШИХ ПИСЬМА О «БОЛЕВЫХ ТОЧКАХ» ЖИЗНИ И СЕМЬИ, И ЖДЕТ НОВЫХ ОТКЛИКОВ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ. МЫ ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР, НАЧАТЫЙ В «ОГОНЬКЕ» № 29 О ТОМ, ПОЧЕМУ МЫ ТЩЕТНО ИЩЕМ И ТАК РЕДКО НАХОДИМ ХОРОШУЮ НЕДОРОГУЮ ОДЕЖДУ И ОБУВЬ ДЛЯ ДЕТИШЕК. В ПОИСКАХ ОТВЕТА НА ЭТОТ ВОПРОС НАШИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ ПОБЫВАЛИ У ТОВАРОВЕДОВ ДЕТСКОГО УНИВЕРМАГА, ВСТРЕТИЛИСЬ С РУКОВОДСТВОМ ГОСКОМЦЕН СССР И, НАКОНЕЦ, ОКАЗАЛИСЬ В МИНИСТЕРСТВЕ ТОРГОВЛИ И МИНИСТЕРСТВЕ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Новелла ИВАНОВА,
Геннадий КОПОСОВ (фото)

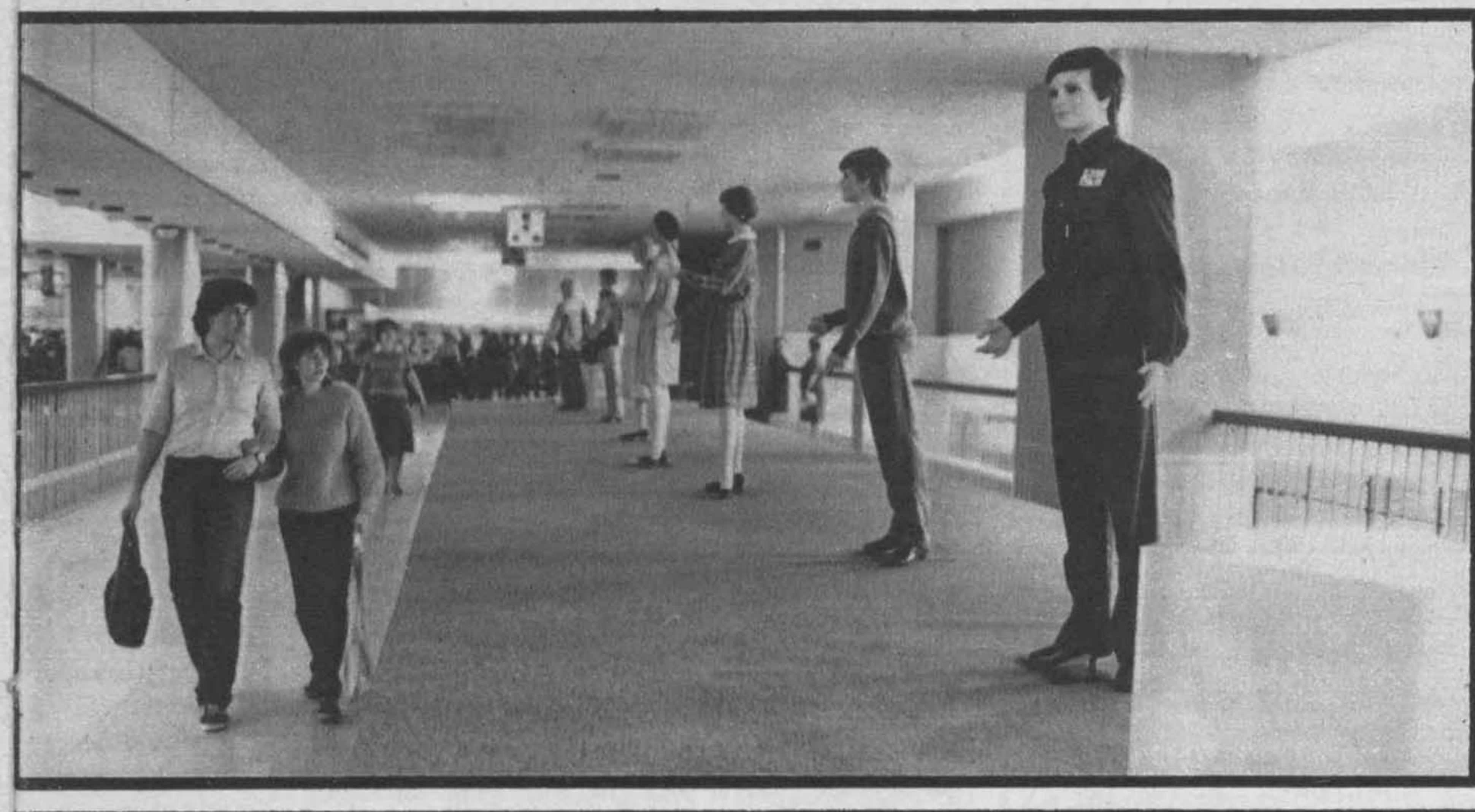
Вадим Евгеньевич Тихонов сравнительно недавно стал москвичом, заместителем министра торговли РСФСР и дедушкой. И я предполагаю, что его, как и меня, удивляет, почему у нас вот уже десятилетия не обновляется ассортимент товаров для новорожденных. Все, что когда-то покупала для сына, я теперь приобретаю для внуков! А между тем сколько новых товаров для малышей появилось в мире. Например, трусики из полиэтилена. Я купила их во время командировки в Прагу для героя наших репортажей Сережи Фокина. Они делаются на кнопках, на резинке и продаются не по размеру, а по весу ребенка. Очень удобная вещь — положишь малышке между ножек пеленочку, а сверху эти трусики и отправляйся спокойно на прогулку. Наши мамы, прослышав о чудо-трусиках, мастерят их сами из полиэтиленовых пакетов. Почему бы промышленности не делать такие трусики, а торговле не продавать их?

Вадим Евгеньевич выслушал меня с интересом и признался, что об этой новинке узнает впервые. Ну, а что касается ассортимента для новорожденных, то главная его забота в том, чтобы пеленок, распашонок и прочего было в достатке.

— А как, по-вашему, они в достатке?

— По количеству этих товаров у нас нет сейчас претензий к промышленности, она наш заказ выполнила почти полностью. А вот по качеству претензий много.

Но если заказ торговли выполнен, тогда почему так много писем из самых разных городов и сел республики, так много нареканий?

«Нашему Павлику уже 9 месяцев, но я ни разу не видела в магазинах теплых байковых ползунков. Нам такие привезли из Киева. А в магазине продается детское белье из вискозы, и как оно неприятно на теле — каждый знает!» Это письмо из Уфы от И. Данилюк. О. А. Смирнова живет в небольшом городке Кузнецке Пензенской области: «Сына я родила в 83-м году, и не было ни пеленок, ни распашонок фланелевых, ни ползунков. Через три года родилась дочка — появились пеленки, но... нет теплых распашонок и ползунков, а если появляются, то так редко, что не ухватишь!» И, наконец, письмо от будущей бабушки Шербалевой из села Николаевка, которая сообщила в редакцию о новой, а бы сказала, «уникальной» форме торговли. «У нас скоро должен появиться внук. Поехала я в Волгоград, чтобы купить кое-что. Таясь от всех, поехала, ведь не принято заранее покупать детям, но на первый-то случай пеленка, распашонка, чепчик нужны. И что вы думаете? Там продают все это по справке... врача-гинеколога! Конечно, роженице, а не бабушке! Так и поехала я ни с чем, только подумала — какая цель в этой продаже? Неужели эти вещи могут пойти куда-нибудь не по назначению? Ну а чтобы купить кроватку или коляску — об этом и мечтать не приходится. Их нет! Вы не подумайте, что я жалею, но пусть про этот «дефицит» узнают те, кому положено заботиться, чтобы у наших детей и внуков было все необходимое и в городе и в деревне, где мы живем. Так хочется верить, что коренная перестройка будет везде и во всем, а уж о детях и внуках надо бы позаботиться в первую очередь!»

Услышав об этом, заместитель министра ахнул: «Не может быть!» — и пообещал срочно разобраться.

Когда я ознакомилась с документами, подготовленными Минторгом специально к моему визиту (все они касались выполнения плана производства детских товаров на предприятиях Минлегпрома с 1981-го по нынешний год, и некоторые были размером с маленькую детскую пеленку), первое, что я обнаружила, раскрыв «пеленку», — того привидевшегося мне идеального образа двух министерств в виде сообщающегося сосуда, наполненного товарами для ребятшек, не существует. Да и откуда ему быть, если, например, по заявкам Минторга по детской верхней одежде едва ли не против каждого наименования поставлен минус, то есть невыполнение плана. Так, за пилетку сократилось производство пальто на 13 процентов, плащей — на 50, костюмов — на 60 процентов. Производство по годам росло всего на два процента, тогда как детское население в РСФСР растет на 4,5 процента. Получается, что половину детей промышленность не учитывала. А что же Минторг? Выжидал или все-таки сражался? «Мы неоднократно ставили вопрос на всех уровнях. Мы добились отмены «энки» — новых товаров с индексом «Н», когда увидели, что их цена не отвечает качеству. Мы приняли меры для заметного увеличения дополнительного пошива детской обуви...» Да, сражения, видимо, были. Но не было победы.

«Уже лето, а обуви в Пензе с 11-го по 14-й размер совсем нет. Где же работа о детях? Где ее покупать? Выход

один — идти на рынок и переплачивать втридорога. А спекулянтов у нас предостаточно». «У меня двое дочек — а одеть их не во что. Особенно остро стоит вопрос у нас в Астрахани с обувью от 10-го до 14-го размера». «У наших уфимских детей есть одна особенность — они не должны ходить до полутора или даже двух лет! Пока нога не дорастет до 14-го размера. Дело в том, что обуви меньших размеров у нас в продаже просто не бывает. Конечно, без обуви никто не остается, нам, например, привезли из Киева, Риги, Таллина».

И снова заместитель министра удивленно ахает — как раз недавно он побывал в Уфе, где на местном предприятии делают хорошую детскую обувь. Так в чем же дело? Мне назвали причину — нераспорядительность торговли на местах. Что ж, наверное, в этом есть доля истины. Но, честно сказать, я склонна больше присоединиться к мнению заместителя председателя Госкомцен СССР, который считает, что торговля далеко не всегда дает промышленности заказы, обоснованные на точном изучении спроса потребителя по разным регионам и разным возрастным группам. Например, Минторг действительно проделал большую работу, чтобы на прилавках появилось больше детской обуви, и в той справке, что мне дали, значит, что план по «гусариковой обуви» выполнен на 100,7 процента. Но именно ее-то безуспешно ищут родители! Что же им ответить? У ответственного сотрудника «Рособувторга» нашлось такое объяснение: «Просто покупатель пришел, когда товар уже продали, — он был утром, а покупатель зашел вечером. И второе — люди не верят торговле и часто закупают «на всякий случай» по 5—7 пар обуви, благо, она у нас дешевая. Хорошо бы, если бы об этом написали, чтобы покупатель задумался».

Увы, вернуть покупателю утраченную веру можно только одним способом — выложить на прилавок тот ассортиментный минимум, который есть в прейскуранте Государственного комитета СССР по ценам! И я спросила В. Е. Тихонова, как обстоят дела сегодня, год спустя после того, как было указано на необходимость полного обеспечения товарами в первую очередь трех основных групп населения — детей, молодежи, стариков? Есть ли надежда, что наши дети вскоре будут красиво одеты, а родители вместо беготни за дефицитными ботинками и платьями смогут больше внимания уделять их воспитанию?

— Для кардинальных перемен требуется, чтобы заказ торговли стал планом производства. Увы, так пока не получилось, и по-прежнему не хватает товаров. В Минлегпроме вам назовут причины — объективные и субъективные. Вот прошла текстильная ярмарка. И что же? Несмотря на наши постоянные требования дать новые ткани для детского ассортимента, на стендах все та же блеклая, невыразительная продукция!

Можно уже предвидеть, сколько будет подготовлено новых бумаг, справок и писем в разные инстанции, пока промышленность и торговля осуществят необходимую перестройку. «Минлегпром — вот кому надо в первую очередь перестраиваться. Мы не производим, мы только распределяем товары!» — прозвучала реплика одного из участников встречи в кабинете заместителя министра. Тревожная реплика! Она настраивает на выживание. Ну а если проявить чуть-чуть предприимчивости и попытаться снять остроту проблемы уже сейчас? Сколько хлопота, ситца, натуральных тканей лежит на прилавках магазинов, и торговля не знает, куда их девать. Вот выход: швейники не хотят шить девочкам брюки «бананы»? А мы возьмем да организуем продажу кройки этих «бананов», да и не только их — юбочек, штанишек с бретельками, курток, плащиков! И будем продавать крой вместе с фурнитурой — шейте, мамы, бабушки, на здоровье, дешево и сердито! Я представила, как застрочат в домах швейные машинки — их, как я узнала в Госкомцен, на сто семей с доходом на человека в 50 рублей — 74 штуки и на то же число семей с доходами в четыре раза выше — всего на семь машинок меньше.

— Ну, как, подходит такое предложение? — спросила я Вадима Евгеньевича.

— Это не так просто. Нужны дополнительные работники, но подумайте, пожалуй, стоит. Крой для взрослых у нас хорошо идет...

А вот еще одно предложение, как помочь семье уже сейчас справиться с дефицитом детских вещей.

Горный мастер Лавриненко Н. Н. из Маневки пишет: «У меня растут трое детей, и я знаю, как летят деньги на их одежду. Только курточку купили, а через год — мала. Сегодня платье купили, а через полгода уже не налезает. Вещи-то хорошие, а что с ними делать? Хорошо, если есть кому подарить. А если нет, идет все на тряпки и летит в мусорный контейнер. Это не по-государственному! Я предлагаю открыть комиссионные магазины детских товаров. Это будет помощь семье и уменьшит дефицит в торговле. Но магазины такие открыты не один на республику, а столько, сколько надо населению. Я уверен, такие магазины будут рентабельными».

И снова спрашиваю В. Е. Тихонова, как он относится к этому предложению. Я сама прекрасно помню: когда в Москве встречались такие магазины.

— Я приветствую это предложение! — откликнулся мой собеседник. — Кстати, уже есть решение о широком развитии в ближайшее время сети комиссионных магазинов, в том числе детских, и мы начинаем этим заниматься вплотную!

Что ж, хоть что-то обнадеживающее в конце встречи. Но, честно сказать, я ожидала услышать в этом кабинете не то, о чем уже знала, что промышленность не выполняет заказов торговли и потому налицо дефицит товаров для детей. Хотелось узнать о другом — как конкретно в штабе отрасли осуществляется сегодня экономическая и психологическая перестройка. Я ожидала услышать конструктивные и даже дерзкие по замыслу идеи о совершенно новом подходе к концепции торговли детскими товарами. Увы, об этом не было и речи.

Оставалось последнее звено в цепи нашего журналистского расследования — Министерство легкой промышленности. Товароведы в универсаме, Госкомцен СССР, Минторг РСФСР — все указывали на него. Дефицит товаров, плохое качество, наконец, высокие цены — все по вине промышленности. А кто это дирижирует? Минлегпром. И я попросила заместителя министра, ведающего в этом министерстве детскими товарами, ответить на вопрос: «А что же будет, чем, как говорить, сердце успокоится?»

Виктор Ефимович Пантелеев не пожалел времени на то, чтобы я ушла от него действительно с надеждой. Нет, он не убеждал меня в том, что дела в его ведомстве идут хорошо. Он прямо и честно признал, что заявки торговли действительно не выполнялись по многим показателям из года в год. И даже теперь, когда началась перестройка промышленности и появилась реальная возможность сделать рывок, чтобы полнее насы-

тить рынок детскими товарами. Он не стал жонглировать цифрами, а опять-таки честно сказал, что в этом году еще не удастся выполнить свои обязательства перед торговлей и покупателями. Зато реально и твердо можно говорить о том, что это произойдет в течение двенадцатой пятилетки и уже в этом году опережающими темпами планируется производство детских товаров, которые составят половину объема всей продукции министерства, так что за пятилетку произойдет резкий рост детского ассортимента.

Понятное дело, я хотела знать, за счет чего будет осуществлен такой скачок и почему его не было раньше. Ответ — за счет внедрения новой техники, дополнительных комплексных механизированных линий. Было принято решение — закупить несколько комплектов импортного оборудования, чтобы резко увеличить выпуск детских курток, брюк, пальто.

И еще! Если прежде главным показателем выполнения плана был все тот же злополучный вал, то теперь с ним покончено и детский ассортимент взят под особый контроль. А чтобы предприятия были заинтересованы в выпуске ассортимента, они будут стимулироваться за перевыполнение установленных заданий из централизованного фонда министерства.

Перспектива, как видите, обнадеживающая. Но это все в будущем. А что делается для борьбы с дефицитом уже сегодня?

— У нас есть такие предприятия, где изготавливают и взрослые и детские вещи. Решено там развивать дополнительные участки, причем мы начали создавать их в поселках городского типа, на селе. Но нам пока не хватает рабочих рук. Мы решили привлекать к работе в таких филиалах школьников, учащихся ПТУ, студентов, заинтересованных в заработке. Я хотел бы воспользоваться случаем и обратиться к читательницам «Огонька», тем, кто сидит дома с детьми, и тем, кто вышел на пенсию, — приходите в отдел кадров на наши предприятия, и я гарантирую, что к вам отнесутся внимательно. У нас уже работают 19 тысяч надомников. Если вам удобнее работать дома, вам заплатят за амортизацию швейной машинки и за электричество. Приходите к нам и помогите поскорее одеть наших детей в красивую одежду!

Вот так совсем неожиданно закончилось это интервью. Впрочем, была еще одна неожиданность. Статья была написана, когда раздался звонок из Минторга РСФСР и я услышала голос заместителя министра торговли: «Я хочу, чтобы читатели журнала знали: мы обсудили предложение о продаже детского кроя и будем его организовывать. Что же касается полиэтиленовых детских трусиков для самых маленьких, мы ознакомились с чешским образцом и тоже решили, что этим стоит заняться!»

Итак, выводы. А может быть, лучше с ними не торопиться и поступить так, как советует молодой отец Владимир Апенько?

«Разговор о проблемах молодой семьи, который вы ведете в рубрике «Я и семья», очень важен и нужен уже за одно желание помочь нам, молодым родителям. Вы поставили простые, волнующие всех вопросы — где купить приличную коляску, детскую кроватку, почему не хватает детских вещей... Нужно обязательно довести начатый разговор до конца, а итогом его должны стать не ответы должностных лиц, отвечающих за ассортимент на прилавках «Детского мира», а наши читательские письма, которые мы вам пришлем через год-полтора. Почему я так ставлю вопрос? Да потому, что именно наши письма отражают истинное положение на местах, в то время как заверения на всех уровнях (с процентами и справками) всем прилично поднадевали и лишь уведат порой от ответов на острые вопросы».

С огромной пользой для себя прочитал материал «Человек и экономика» в №№ 29 и 30.

Пишу я вам в связи с такой фразой академика Аганбегяна: «Вы никогда не задумывались о том, почему мощные мужчины работают вдруг шоферами «персональных» легковых автомобилей? Таких машин в СССР сотни тысяч. Ни в одной другой стране такого разврата нет».

Смачно, как говорят на Украине, но правильно! Только вопрос можно сформулировать и по-другому: «Вы никогда не задумывались о том, почему у нас в СССР руководители предприятий и организаций (кстати, вполне здоровые мужчины и женщины) не садятся за руль персональных машин и не возят самих себя?»

В течение восьми лет я использую служебный автомобиль без штатного водителя. Теперь могу со знанием дела сказать, что при определенной тренировке и опыте это совершенно безопасно. К тому же экономически выгодно (бензина расходует меньше, экономится зарплата водителя), более оперативно решаются вопросы (я не теряю времени на ожидание автомобиля, вызов его и т. п.).

Почему же руководители не отказываются от штатных водителей? (В Киеве я не встречал ни одного из них за рулем служебной машины, в то же время многие водят личные). Могу назвать несколько причин.

Если работа заканчивается поздно, да еще в

другой организации? Куда девать автомобиль? По правилам его надо поставить в государственный гараж по месту «прописки», а если гараж на другом конце города?

К тому же принятая система оформления путевых листов рассчитана на штатного водителя и совершенно неприемлема для руководителя за рулем.

Еще один немаловажный момент связан с тем, что любой милиционер, остановив машину и даже не обнаружив нарушения правил движения, подозрительно задает вопросы: куда и зачем вы едете, кого везете?

Кроме того, служебный автомобиль не страхуется за счет организации, следовательно, в случае аварии все убытки относятся на счет виновного — руководителя за рулем.

Вот основные причины, по которым многие не желают водить служебную машину.

Не спорю, вопросов много. Но еще раз скажу, что этот метод весьма экономичный, а потому считаю должным поддержать его. Готов участвовать в разработке правил использования служебных автомобилей руководителями. Хотелось бы, чтобы эти правила поддержали не только местные власти, но и Совет Министров СССР.

А. Ф. АКСЕНОВ,
ректор Киевского института
инженеров гражданской авиации,
член-корреспондент АН УССР,
профессор

Мне не хотелось бы вступать в полемику с подполковником в отставке С. Каракозовым («Огонек» № 33). И не потому, что я хочу ее избежать. Отнюдь. Причина в моем глубоком убеждении, что никакие аргументы для С. Каракозова не существуют. К сожалению, он не одинок. Число сторонников точки зрения С. Каракозова достаточно велико, и главное заключается не в их позиции, а в том, что они могут оказать негативное влияние на молодежь, которая ныне, в условиях перестройки и борьбы за гласность, тянется к старшим, особенно к фронтовикам, надеясь получить от них ответ на многие острые и злободневные вопросы. И среди этих вопросов — проблема оценки роли И. В. Сталина.

Эта роль и в области внутренней, и в области внешней политики нашей страны была огромна. О Сталине уже написаны и будут написаны сотни и сотни книг и статей. Вырубить его имя из истории нельзя. Такова правда истории. Но сказать молодежи о тех личных качествах Сталина, которые привели нашу страну к неисчислимым бедствиям, мы обязаны. Среди этих качеств, быть может, главные, по моему мнению, — это присущие Сталину лицемерие и глубокое презрение к людям. «Винтиками» — вот чем они были, по его убеждению. Об этом уже много было сказано нашими литераторами, и распространяться на эту тему нет необходимости.

Я назвал эти качества Сталина по той причине, что выступление С. Каракозова и являет собой образец подобного же лицемерия и презрения к людям. Как можно говорить, что только «некоторые» из многих советских, партийных и военных деятелей «пострадали безвинно»? Это же кощунственно — утверждать, что лишь «в какой-то мере здесь есть и вина Сталина». Не некоторые, а все люди имеют право на жизнь. Исключение — матерые преступники. А посему требование С. Каракозова о «правильной и необходимой «чистке общества» является не чем иным, как оправданием репрессий Сталина, которые он проводил не только в 1937—1938 годах, но и в 1941 году, и в последующие годы, обрушивая их поочередно на различ-

ные слои советского общества. Поэтому ссылка С. Каракозова на решение Пленума ЦК ВКП(б), прошедшего в начале 1938 года, который якобы остановил произвол, чинимый не Сталиным, а некими «нечестивыми людьми», столь же лицемерна, как и все прочие сделанные С. Каракозовым заключения.

Кстати, пора уже покончить с мифом о «незнающем» Сталине. Ни один волос не падал с головы крупных государственных, партийных и военных деятелей без его ведома и личного указания. А ведь среди пострадавших после начала 1938 года достаточно назвать сугубо выборочно имена таких выдающихся ученых, как историк академик Н. М. Лукин, арестованный в августе 1938 года, биолог академик Н. И. Вавилов, арестованный в 1940 году, общественный деятель и публицист М. Е. Кольцов, арестованный в декабре 1938 года, военачальники-генералы дважды Герой Советского Союза Я. В. Смушкевич, Герои Советского Союза П. В. Рычагов, Г. М. Штерн, расстрелянные в октябре 1941 года, в самые тяжелые для нашей столицы дни, когда место им было на фронте. А жертвы 40-х и 50-х годов? И все это, говоря словами С. Каракозова, необходимая «чистка общества».

Неудивительно, что решения XX съезда КПСС С. Каракозов именует «охлаждением всего того, что мы достигли во главе со Сталиным». Повторяю, спорить с С. Каракозовым считаю бессмысленным. Цитировать же его я был вынужден.

Но тот путь, который избрала сегодня наша страна, — путь перестройки и гуманного отношения к человеку — уже становится единственно возможным для большинства советских людей и, что особенно отрадно, для нашей молодежи. Пример тому — письмо наладчика Н. Мочалова («Огонек» № 34). Убежден, что будущее за такими, как он и его ровесники и их единомышленники — представители последующих поколений советской молодежи.

В. А. ДУНАЕВСКИЙ,
доктор исторических наук,
инвалид Великой Отечественной войны

С неизъяснимой душевной горечью прочитал размышления Юрия Черниченко «Мускат белый Красного Камня» в вашем журнале. И — уже в который раз с той поры, как мы начали открыто говорить о недостатках в нашей стране, — задал себе самому беспощадный шукшинский вопрос: что с нами происходит?

В Крыму, устав бороться против административной неумности — а я подобное приравнял бы к явлению социально опасному, вроде холодного оружия, — покончил с собой обыкновенный выдающийся человек, посвятивший всего себя делу выращивания на земле винограда. Он не вынес тупости обладающих властью людей, приступивших под знаменами борьбы за трезвость к уничтожению знаменитейших и уникальнейших крымских виноградарей...

Прочитайте «Огонек» № 33 за 1987 год, и вы внутренне ахнете: только за минувшие полтора года в стране выкорчеваны навсегда сотни тысяч гектаров с виноградной лозой!

Зачем?! Почему?! При чем тут борьба за трезвость?

Вчера (пишу эти строки в конце августа) мой товарищ захотел купить своей больной дочери на Центральном рынке столицы пару гроздей безосточкового винограда — кишмиша. Думаете, во сколько оценил его заезжий негоциант? В 16 рублей за килограмм.

А если задуматься: все ли из нас, живущих в СССР сегодня, пробовали его хоть раз, а? Ну, конечно же, далеко не все. И моя бы воля, я уже сегодня издал бы Указ о передаче всех виноградников державы в Советский детский фонд. Не хотим получать вина — отдайте эти гроздья детям. И не закупайте на Кипре и в других разных странах виноградный сок.

Когда нас предостерегают от злоупотребления тем, чего мы еще правильно употреблять не умеем, всегда можно опасаться того, что при встрече с опасным предметом мы прямо начнем злоупотреблением. Эта мысль принадлежит историку Василию Осиповичу Ключевскому. И, вдумываясь в нее, я, как мне кажется, естественно выхожу на вопросы: а разве трезвость и культура вообще — одно и то же? Неужели уж трезвый-то человек — обязательно культурный, а культурный — непременно трезвый?

Сегодня мы атакуем бульдозерами виноградники. А завтра начнем, следовательно, громить аптеки? Ведь в них покупают всеми правдами и неправдами свой «кайф» нынешние наркоманы и токсикоманы. А если и дальше шагать по той же «воинствующей» логике, то борьбу с проституцией легче всего и эффективнее, значит, начать с уничтожения лиц женского пола?

Вспомнился знаменитый эпизод из грузинского киношедевра «Отец солдата», где старик воин — потрясающая работа покойного Серго Закариадзе! — останавливает наши танки, готовые растоптать чужеземные виноградники. Какую же гордость испытывали мы, глядя на это мужество и благородство советского солдата!

Так, может быть, сегодняшний ретивый «борец» за трезвость завтра выстрижет этот эпизод из прославившейся по всему миру кинокартины?

Я за трезвую трезвость. То есть за разумное проявление ее. И хотя сам я лично не пью двадцать один год кряду — причем ничего и никогда, — гордиться этим совсем не желаю. Я допился до своей абсолютной трезвости. И — по собственному желанию — навсегда отделил себя от вина.

Культура, как и виноград, требует упорного возделывания и обрабатывания.

Бульдозер и тупое администрирование для этого негодны.

Юрий СКОП, писатель,
лауреат Государственной премии РСФСР

Меня очень тревожат призывы «беспощадно карать», «выжигать каленым железом» и так далее. Подобные суждения особенно часто приходится слышать в разговорах с людьми, далекими от юриспруденции. Они считают смертную казнь надежным средством борьбы с преступностью. Обыватель жаждет крови. Не потому ли, что в годы репрессий человеческая жизнь обесценилась и из общественного сознания было надолго вытравлено представление о жизни как о высшей и абсолютной ценности?

Большое спасибо за публикацию интервью с профессором А. М. Яковлевым в «Огоньке» № 33. На мой взгляд, самое важное, самое ценное в этом интервью — принципиальное осуждение смертной казни.

Последняя отмена смертной казни в нашей стране имела место 26 мая 1947 года. Однако уже в 1950 году это наказание было установлено законом за некоторые контрреволюционные (по терминологии того времени) преступления. В последующие годы круг преступлений, за которые может быть назначена смертная казнь, расширялся.

Я пишу об этом для того, чтобы наглядно подкрепить свою основную мысль: смертная казнь отнюдь не неизбежна. В настоящее время уголовные кодексы предусматривают исключительную меру наказания за 7 общеуголовных, 11 государственных и 16 воинских преступлений в военное время и 2 — в мирное. Известно ли это тем, кто сетует на мягкость наших законов?

Судебная статистика, увы, до сегодняшнего дня остается для нас тайной за семью печатями. О количестве выносимых, а тем более исполняемых смертных приговоров можно только догадываться. В США, например, такая статистика публикуется.

В 13 из цитатов США смертная казнь отменена в законодательном порядке, а еще в шести она длительное время не применяется (фактическая отмена смертной казни). С 1981 года, когда Франция отменила смертную казнь, ни в одной из стран Западной Европы это наказание практически не применяется. В 1987 году смертная казнь отменена в ГДР. Чего же мы боимся? Сейчас наше государство сильно, как никогда. Так неужели на семидесятом году Советской власти мы не в состоянии отказаться от самого бесчеловечного и наименее эффективного средства борьбы с преступностью?

Общезвестно, что страх наказания не останавливал и не останавливает преступников, надеющихся на безнаказанность. Ни публичная, ни тайная казнь не обладает воспитательным воздействием. Даже наоборот, как справедливо заметил А. М. Яковлев, подталкивает к более жестокому преступлению. И уж конечно, смертная казнь не может исправить и перевоспитать самого осужденного, в отношении которого наказание вообще не достигает своей цели. Его запоздалые раскаяния и страдания бесполезны и бессмысленны.

Смертная казнь в отличие от всякого другого наказания делает судебную ошибку непоправимой. Никогда не поздно освободить осужденного из заключения. А вот казенного, увы, не оживить. По смертной реабилитации восстанавливает доброе имя, а жизнь, отнятую по приговору суда, не вернуть. Для предотвращения даже одной-единственной судебной ошибки следовало бы отменить смертную казнь раз и навсегда.

Я также не сторонник пожизненного заключения. Это наказание, как и смертная казнь, не только жестоко, но и, по моему мнению, бессмысленно: сознание невозможности освобождения может толкнуть осужденного на новые тяжкие преступления — терять уже нечего. Думаю, что особо тяжкие преступления следовало бы наказывать бессрочным лишением свободы, то есть таким наказанием, срок отбывания которого будет зависеть от исправления осужденного. Само собой разумеется, что освобождение от бессрочного лишения свободы не может произойти ранее срока, равного максимально возможному для срочного лишения свободы (например, 15 или 20 лет). Неисправимых преступников нет, есть неисправленные. И каждому из них, независимо от тяжести совершенных преступлений, надо дать шанс искупить свою вину. Этот шанс должен быть в равной степени гарантирован всем преступившим закон.

Необходимым условием для отмены смертной казни будет формирование правильного общественного мнения об этой проблеме. Дело, как видно, нелегкое. Но медлить нельзя.

О. ЛЮБИЧ, адвокат
Минск.

«Не время миловать, а время карать» — вот мое мнение. Я решительный сторонник жестких мер. А потому не согласен с профессором А. М. Яковлевым. Смертную казнь отменять нельзя. Государство без смертной казни — это не государство: пока на земле живут люди, она должна быть.

Сколько можно миловать? Мы-то «милуем», а они насилуют, убивают, проламывают череп из-за кошелька. Ужесточить закон, ужесточить... По телевизору показать пару расстрелов или «курортную» жизнь в тюрьме — может, это остановит других. Воруя рубить руку по локоть. Стыдно за наших юристов, которые пытаются оспаривать закон: от пьяниц, наркоманов и преступников не будет житья до тех пор, пока у нас «время миловать».

Д. ПЕТРОВ
Новосибирск

Хочу обратиться к вам с деловым предложением. В статье «Поможем братьям меньшим» мелькнула мысль о возможности проведения лотерей в помощь зоопаркам. Думается, что такие лотереи могли бы проводиться с участием художников-анималистов. Сам я в зоопарк не хожу: слишком печальное зрелище (особенно, наш, ленинградский). Предпочитаю наблюдать животных в естественной среде, насколько это возможно. Но уверен, что зоопарк — заведение весьма необходимое, если к тому же он создаст по подобию берлинского ZOO.

Если сочтете мое предложение конструктивным, я готов предоставить в распоряжение фонда пятнадцать гравюр безвозмездно. В подтверждение того, что предлагаю не «лежалый товар», высылаю буклет с моей выставки.

А. КОЛОКОЛЬЦЕВ
Ленинград.

На протяжении ряда лет «Союзпечать» сокращает нашей библиотеке бюджетную подписку. Однако этот год превзошел все наши «ожидания». Выполняя приказ министра связи (сократить подписку на тридцать процентов), мы вынуждены были отказаться от очень нужных для нас, то есть для учебного процесса, периодических изданий.

После того, как мы сдали уже оформленную заявку на 1988 год, работники «Союзпечати» самостоятельно, без нашего ведома, стали вычеркивать издания, которые они посчитали ненужными вузовской библиотеке.

Что же это за так называемая «ненужная» нам периодика? «Книжное обозрение», без которого библиотека не может заниматься комплектованием своего фонда, «Литературная газета» и журнал «Огонек». Вычеркнули также «Советский спорт», «Новое время», «Науку и религию»...

Однако это еще не все. Работники «Союзпечати» исключили из подписки журналы «Новый мир», «Дружба народов», «Звезда» и другие.

Для сведения. Ежегодно в студенческих группах библиотекарями-кураторами проводится около восьмидесяти библиографических обзоров по новинкам литературы. Студенты и профессорско-преподавательский состав обращаются в читальные залы за первоисточниками, которых и до этого катастрофически не хватало. Так что же будет в новом году?

Несколько слов об общежитии, в котором живут более тысячи студентов. Для них «Союзпечать» сократила «Правду», «Экономическую газету» (а ведь у нас есть экономический факультет), «Агитатор», «Коммунист».

В заключение хочется добавить, что в опалу попали «Календарь знаменательных дат» и даже журнал «Библиотекарь».

Вот такие дела у нас. Мы понимаем, что с бумагой тяжело и государственные деньги надо тратить разумно, но оставить шесть тысяч читателей без остро необходимых им изданий — разве это дело?

Коллектив библиотеки
Харьковского института
общественного питания

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Уважаемая редакция!

Мы вынуждены снова обратиться за помощью в связи с достройкой нашего молитвенного здания.

В № 13 «Огонька» за этот год в статье С. Владова «Если рассудить по-людски» мы прочитали, что нам разрешено наше молитвенное здание достроить. В той же статье секретарь Краснодарского крайкома КПСС Б. Кибирев сообщал о принятом решении узаконить строительство.

В строящемся молитвенном здании купола не запрещались вообще, а исключались из проекта из-за недостаточно просчитанной конструкции кровли. Учитывая вышеприведенные соображения и отказ отдела строительства и архитектуры ст. Красноармейской произвести доработку проекта в связи с загруженностью, мы заключили трудовое соглашение с инженером-конструктором Моспроекта тов. Макарьевым Н. Н., а также с Краснодарским отделением Гидрорыбпроекта.

10 июня с. г. неоконченное молитвенное здание посетила комиссия райисполкома и приняла решение о завершении строительства, удовлетворяющего всем архитектурно-техническим требованиям, причем внешний вид молитвенного здания не оговаривался.

Казалось бы, все идет к возобновлению работ. В конце июня нас пригласили в райисполком и вручили паспорт на строительство. Однако в архитектурно-планировочное задание были введены новые, ранее даже не упоминавшиеся требования, прежде всего исключались купола на кровле.

В документах (постановлениях Совета по делам религий при Совмине СССР, райисполкома, крайисполкома) нигде не оговаривается внешний вид молитвенного здания, а ограничивается только его площадь. Насколько нам известно, не существует законодательного акта, определяющего внешний вид молитвенного здания. Религиозная община, являясь лицом юридическим и заказчиком на строительство, имеет все основания определять внешний вид молитвенного здания. И мы считаем: требования, введенные в архитектурно-планировочное задание без согласования с исполнительным органом общины, являются нарушением наших прав и оскорблением чувств верующих. Подчеркиваем: тов. Б. Кибирев в своем сообщении в журнале «Огонек» не отвергал возведения куполов как таковых, а предлагал отказаться от их возведения из-за ошибок в проекте.

Отсутствие строительных нормативов на сооружение культовых зданий и законодательных актов, предусматривающих требования к их внешнему виду, предполагает традиционное решение вопроса, то есть наличие купола над кровлей и креста над ним. Ведь купол — древнейший элемент русской церковной архитектуры.

Прошло пять месяцев после выступления «Огонька», но у нас ничего не изменилось, мы даже не приступили к продолжению строительства. На основании субъективно принятых архитектурно-планировочных требований наш доработанный проект не утвержден.

Что будет с нашим строительством в дальнейшем, неизвестно.

По поручению исполнительного органа
православного религиозного общества
ст. Красноармейской
председатель церковного Совета
А. МИХАЛИЦЫНА

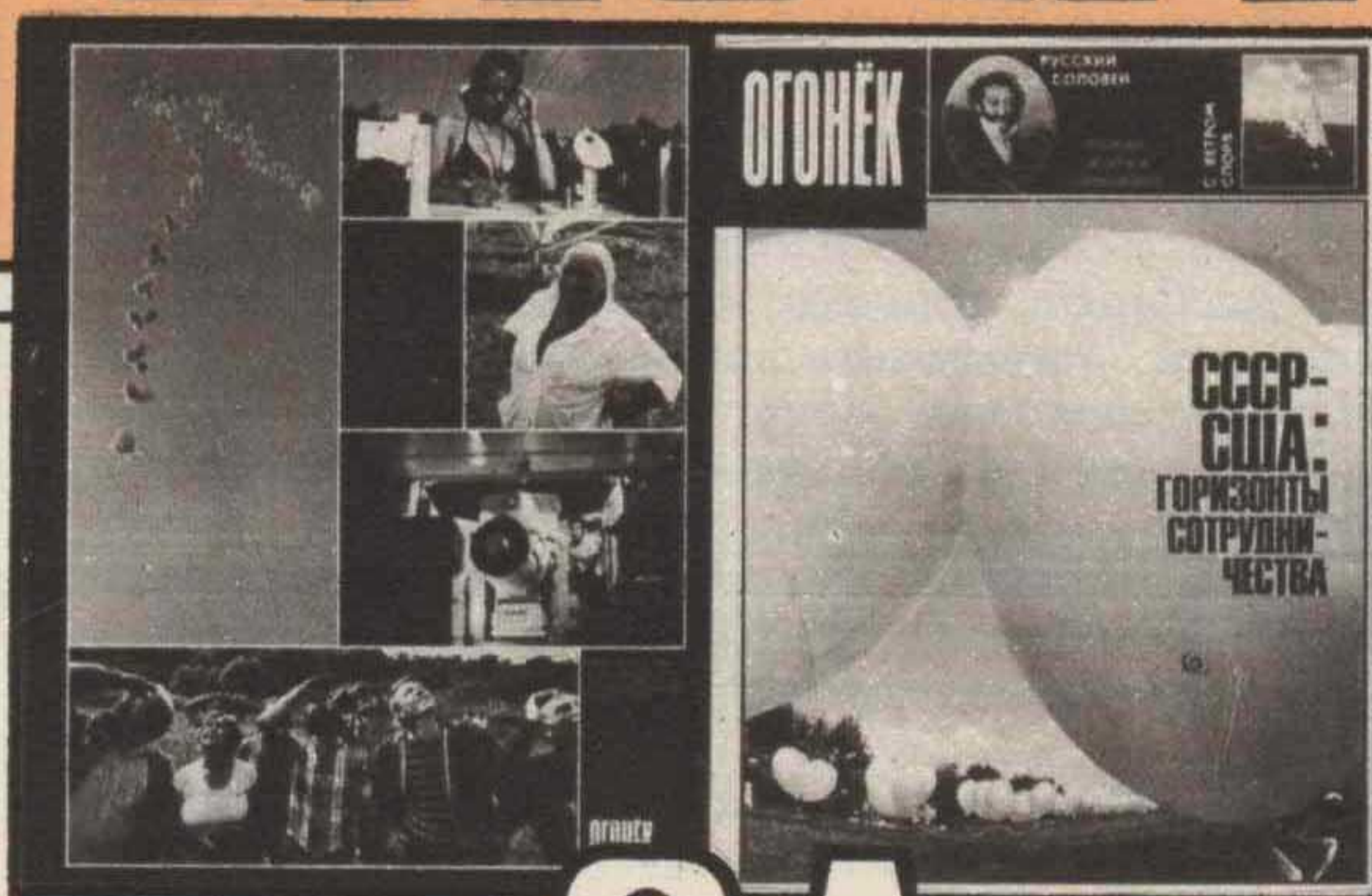
ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя это письмо, мы надеемся получить ответ от всех заинтересованных лиц. А ведь на самом деле: как быть?

Наш адрес:
101456, Москва,
Бумажный проезд, 14.

**«РАРЭКС-87» — ТАК НАЗЫВАЕТСЯ
НОВЫЙ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЙ
НАУЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ.
ЦЕЛЬ ЕГО — ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕРХНЕЙ
АТМОСФЕРЫ ЗЕМЛИ.
РЕПОРТАЖ С ПОЛИГОНА ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЭРОЛОГИЧЕСКОЙ**

ОХОТА

ЗА ПЫЛЬЮ

Над полигоном едва забрезжил рассвет, а работа уже шла полным ходом: к восходу солнца надо было наполнить более ста шаров диаметром в два метра. В утреннем тумане они висели как серебристые мини-аэростаты. Но потом поднимется ветер, и они замечутся, как воздушные детские шарики. Тогда никакими грузами их не удержат.

Уже более недели ученые, собравшиеся со всех концов страны и из США, с надеждой еще и еще раз анализировали прогноз погоды. А он был неутешителен. И все-таки исследователи решились первый запуск сделать. Природа как бы услышала мольбу и образовала «окно» с тихой и солнечной погодой. А затем снова полил дождь...

Первое знакомство со старейшим «аэростатчиком» — Александром Соломоновичем Мосенкиным. Ему уже за восемьдесят лет, но уходить на пенсию пока не собирается. Смеется: «Пока прессу на аэростате не покатаю — не уйду».

Шары наполняет не менее знаменитый человек — Ксения Тихоновна Кондрашова, которая работала в воздухоплавании более полувека. Ее называют «творцом дирижаблей». Действительно, все первые советские дирижабли «кроила и шила» Кондрашова. Во время войны командовала парком привязных аэростатов, которые охраняли небо Москвы от налетов вражеской авиации.

Для нас памятна встреча с нею на закрытии Олимпийских игр в Лужниках в 1980 году. Когда в небо плавно и торжественно поднялся олимпийский Мишка под звуки прощальной песни, у многих на глазах выступили слезы. Плакала и пожилая женщина, которая отправляла Мишку в полет.

«Как же вы будете его ловить? — поинтересовались мы, узнав, что Мишка начинен водородом. — Это же надо закрыть все аэропорты!» «А он у нас ученый — приземлится куда надо!» — ответила она. Так и было: ведь управляла Мишкой Кондрашова.

Эти шары тоже наполнялись водородом. Поднимаясь до расчетной высоты, они просто лопаются. Если наполнять их дорогим гелием — в трубу вылетит.

Говорить с учеными во время эксперимента — дело рискованное: все топчется у приборов, напряженно ждут запуска и неохотно отвечают на вопросы.

Первое интервью у доктора физико-математических наук Игоря Леонидовича Кароля. Он заведует лабораторией теории климата Главной геофизической обсерватории имени А. И. Воейкова. А новый советско-американский эксперимент ищет «виновников» колебаний погоды.

— Давно замечено, что после каждого крупного извержения вулканов на Земле наступает некоторое похолодание, — объясняет нам ученый. — Первая научная публикация об этом появилась еще в 1783 году. Утверждалось, что «пыль вулканов поднимается в верхние слои атмосферы и затеняет солнце. Это и является причиной похолодания». Но в последнее время ученые стали предполагать, что есть и другие причины. Они нам пока неизвестны. Их надо изучать, что мы и делаем.

Во время первого глобального эксперимента — его назвали ПИГАП — в 1979 году метеорологи наблюдали за атмосферой всей планеты в точках, удаленных друг от друга примерно на пятьсот километров. Но ряд процессов подчас зарождался в радиусе ста километров и, ускользая от наблюдений, может принести самые неожиданные изменения в погоде.

— Тут невольно возникает парадокс: чтобы учесть все факторы погоды, надо увеличить количество точек наблюдения. Допустим, покрыли мы всю планету станциями наблюдения, но получим ли мы точный прогноз? Стоит ли игра свеч? Ведь такая сеть обойдется в копейку! — спрашиваем мы.

— Ваши опасения справедливы. Слишком сложны и случайны эти процессы, чтобы можно было создать их математическую модель, аналогичную природной «кухне погоды». Конечно, мы приближимся к идеальной модели, но избежать неточности в прогнозе едва ли сумеем, — отвечает Кароль. — Имеется множество причин, предложено много гипотез, но пока нет обоснованной теории климата. Выходит, любой случайный глобальный процесс может сыграть решающую роль в его изменении.

Взять, к примеру, те же мощные извержения вулканов. Их выбросы значительно засоряют стратосферу — до высоты 35 километров. Каждый выброс — мощный удар по атмосфере, после которого она несколько лет приходит в себя. А каков механизм — неизвестно. Только в 1961 году мы впервые получили количественные данные об аэрозоле в стратосфере. Огромное облако пыли, выкинутое молчащим более века вулканом Эль-Чичон в Мексике, стали наблюдать затем на Гавайских островах, в Японии, на Африканском побережье. Так был выделен «стратосферный аэрозольный слой Юнга», который практически совпал с озоновым слоем — основным фильтром для коротковолнового ультрафиолета. На высоте 20—25 километров над поверхностью Земли оказалась своеобразная «тепловая крышка», которая фактически и определяет тепловой режим атмосферы.

Солнечная радиация для погоды — решающий фактор, а уровень ее регулируется озоновым слоем. Недавно установлено, что при накоплении в стратосфере промышленных выбросов ряда газов содержание озона может уменьшиться на 8—10 процентов. Есть гипотеза, что озоновый и аэрозольный слои как-то взаимодействуют. Но как! Это тоже мы пытаемся выяснить.

— За рубежом настоящую панику вызвал феномен «озонной дыры», обнаруженной английскими учеными в Антарктиде. Что же это такое!

— Да, это сенсация. Мощность озонового слоя на Антарктиде в весенние периоды начала систематически падать с 1979 года и к 1985 году упала до 40 процентов. Впрочем, здесь находится американский профессор Джим Розен, который готовит специальную экспедицию в Антарктиду. Будет изучаться и «озонная дыра».

Пока мы разговаривали с Каролем, лучи солнца уже высветили весь шариковый змей, который растянулся на несколько сот метров и шевелился от каждого порыва ветра. Вся аппаратура готова, и ученые держали ее на руках. Наступил самый торжественный момент — пуск.

...Уже через несколько секунд аппаратура была в облаках, сверкая на солнце своим перламутровым блеском. После бурных эмоциональных реакций на запуск возникла пауза, которой мы воспользовались, чтобы поговорить с участником эксперимента из США профессором Джимом Розеном.

— Вы известный ученый в области исследования аэрозолей. Расскажите, как вы пришли к этой проблеме, давно ли?

— Я был студентом университета штата Вайоминг и много думал, как завоевать свое место в науке. Да, было это четверть века назад. Руководитель моего диплома занимался измерением пыли у поверхности Земли. Дал мне прибор, из которого я сделал счетчик частиц. Я взял известные — фильтр, мини-насос, датчики, мини-ЭВМ — и получил довольно надежный прибор, который стал работать в стратосфере...

**ОБСЕРВАТОРИИ В РЫЛЬСКЕ, ГДЕ
ПРОХОДИЛ ЗАПУСК НА ВОЗДУШНЫХ
ШАРАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ
ПРИБОРОВ, ВЕДУТ СПЕЦИАЛЬНЫЕ
КОРРЕСПОНДЕНТЫ
«ОГОНЬКА» НИКОЛАЙ ХЛЕБОДАРОВ И
ГЕННАДИЙ КОПОСОВ [фото].**

С этим прибором Джим объездил почти весь мир, сделал множество замеров, стал обладателем уникальных данных. Их желательно подтвердить другими методами, в частности запусками приборов на шарах.

— В чем вы видите конечную цель ваших исследований? Помнится, в 1972—1975 годах американские ученые уже осуществляли подобные исследования стоимостью более 100 миллионов долларов. Каковы были их результаты?

— Все наши исследования так или иначе связаны с прогнозом климата. Будет ли он изменяться и каков механизм этих изменений? Сейчас важно знать фоновую картину распределения аэрозоля по планете. Возможно, на характер распространения влияет и хозяйственная деятельность людей.

Теперь об исследованиях озонового слоя. В то время вводились в эксплуатацию суперлайнеры «Конкорд», «Ту-144», «Боинги» с высоким потолком полета, нужно было знать, как влияют выхлопы реактивных двигателей на озоновый слой, фактически определяющий уровень радиации на Земле.

Тогда были детально изучены состав атмосферы и роль каждого ее компонента в зависимости от высоты. Детально были изучены и выхлопы. Оказалось, что основные составляющие выхлопов — азотистые окислы — играют роль сильных катализаторов при разрушении озонового слоя...

Но суперлайнеры летают, а о разрушении ими озонового слоя забыли. К сожалению, так бывает часто. Более серьезной представляется проблема фреонов. Это очень удобный инертный газ, недорогой и нетоксичный в приземных слоях атмосферы. Но, поднимаясь в стратосферу, он разрушается ультрафиолетом, и осколки, его молекулы «съедают» озон. Если темп мирового производства фреонов сохранится, то озоновый слой может разрушиться. Ведь его толщина всего-то чуть более... трех сантиметров. А избыток ультрафиолета разрушает в первую очередь белки, влияет на генетический код. Рак кожи — первопримечательный жесткого ультрафиолета. Разрушение озонового слоя приподнимает «тепловую крышку», и климат может резко измениться. Это равносильно экологической катастрофе.

— В США даже было рекомендовано вообще прекратить выпуск фреонов, особенно номеров 11 и 12 — наиболее распространенных, объем производства которых давно перевалил за 500 тысяч тонн, — продолжает Джим. — Но химические концерны были, конечно, против, и все постепенно затихло. Правда, ученые не обнаружили доказательств связи «озонной дыры» в Антарктиде с фреонами.

— Что же такое «озонная дыра»?

— Мой коллега по университету Дэвид Хофман через несколько недель отправится в Антарктиду для изучения этого феномена. Конечно, явление необычное. Скажу одно: случись такое над экватором, жить там было бы невозможно даже при понижении мощности озонового слоя на 20 процентов. А в Антарктиде он понизился на 40.

Эти данные подтверждают более надежные наблюдения английских ученых, выполняемые с помощью наземных приборов. Итак, в 1980 году мощность озонового слоя понизилась на 20 процентов, в 1983-м — на 30, в 1984-м — на 35 и в 1985-м — на 40 процентов. А ведь стабильность этого слоя определяет и стабильность в развитии всего живого на Земле.

Феномен вызвал бурные споры среди ученых. Тут сразу всплыли и проблема искусственных аэрозолей, и «парниковый эффект», и выхлопы ракет и суперлайнеров. Ведь «озонная дыра» огромна — ее площадь сопоставима с территорией США...

А исследования на полигоне продолжаются.

Вот в вечернем небе высветился зеленый луч, уходящий вверх до предела видимости. Это лидар — своеобразный гибрид лазера, ЭВМ и современной электроники — исследует околосферное пространство. Большая группа ученых из Главной геофизической обсерватории имени А. И. Воейкова, Ленинградского университета, НПО «Тайфун» и институтов Белорусской Академии наук толпится вокруг научного руководителя эксперимента, заместителя директора Центральной аэрологической обсерватории Вячеслава Усеновича Хататова. Только что ученые получили профили концентрации аэрозоля, замеренные «приборами Розена». И вот данные лидарного зондирования их почти полностью подтверждают. Исследования, проведенные в Рыльске, показали, что в атмосфере существенно увеличилось содержание аэрозолей различного происхождения и ранее известный «слой Юнга» сегодня, оказывается, значительно «разбух». Это вызывает тревогу ученых.

Метеорологи все глубже и тоньше исследуют природную кухню погоды. Атмосферные явления не признают государственных границ, поэтому требуют объединения усилий всех стран. Уникальный советско-американский эксперимент РАРЭКС-87 идет успешно...

**ЗА ДОЛГУЮ АДВОКАТСКУЮ ЖИЗНЬ КОГО ТОЛЬКО
НЕ ПРИХОДИЛОСЬ МНЕ ЗАЩИЩАТЬ!
СРЕДИ МОИХ КЛИЕНТОВ БЫЛИ РУКОВОДИТЕЛИ
ПРЕДПРИЯТИЙ И БУХГАЛТЕРЫ, ИНЖЕНЕРЫ И ВРАЧИ
И ДАЖЕ ПРОШТРАФИВШИЕСЯ СУДЬИ И ПРОКУРОРЫ...
НО НАРОДНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ! ПРИЗНАЮСЬ,
ЗАЩИЩАТЬ ИХ МНЕ ПРИХОДИТСЯ ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ.
МЕЖДУ ТЕМ ОБВИНЕНИЯ, КОТОРЫЕ СЕГОДНЯ
ПРЕДЪЯВЛЯЮТСЯ МОИМ ПОДЗАЩИТНЫМ,
ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНЫ.
ЗДЕСЬ И ПАССИВНОСТЬ ПРИ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ
ДЕЛ В СУДАХ, ЗДЕСЬ ФОРМАЛИЗМ И БЕЗДУШИЕ
ПРИ РЕШЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУДЬБЫ.
МОЖЕТ БЫТЬ, ВМЕСТО ЧЕСТНЫХ, ЧУТКИХ
И ДОБРОСОВЕСТНЫХ ИЗБИРАЕМ МЫ В НАРОДНЫЕ
ЗАСЕДАТЕЛИ ЗАВЕДОМО ЧЕРСТВЫХ
И БЕЗОТВЕТСТВЕННЫХ ЛЮДЕЙ! И С ДРУГОЙ СТОРОНЫ,
НЕ ОБВИНЯЕМ ЛИ МЫ ИХ В ТОМ, ЧЕГО ОНИ САМИ
НЕ В СИЛАХ СДЕЛАТЬ, НЕ В СОСТОЯНИИ РЕШИТЬ!
ПОЗВОЛЬТЕ ПЕРЕЙТИ К РАЗБОРУ КОНКРЕТНЫХ
ОБВИНЕНИЙ, ВЫДВИНУТЫХ ПРОТИВ МОИХ ПОДЗАЩИТНЫХ.**

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ НАРОДНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

ПРОШУ СЛОВА!

Только чистая случайность — задержание действительных убийц — предотвратила приведение в исполнение смертного приговора в отношении ни в чем не повинных людей. Приговора, подписанного всем составом суда — председателем и двумя народными заседателями. Впрочем, принимали ли действительное участие народные заседатели в разбирательстве дела?

Как часто, выступая в суде даже по элементарным правовым вопросам, ловлю себя на мысли о том, что все аргументы и адвоката, и прокурора нередко обращены да и могут быть проанализированы лишь одним членом суда — председателем. Судья, прошедший высшую школу юридического образования. Не отсюда ли пассивность наших народных заседателей?

Недостатки в работе суда мы склонны объяснять незнанием ими своих прав. В этом есть доля истины, но далеко не вся. Ведь недостаточно знать свои права, надо уметь их реализовать, а это задача куда более сложная.

Вспоминаю разговор с одной преклонных лет женщиной уже после вынесения приговора. «А знаете, — сетовала она, — и я, и второй народный заседатель не были согласны с судьей. Мы говорили, что надо оправдать подсудимого. Но судья сказал: если так считаете, пишите приговор сами. А какой приговор мы можем написать, если сроду никаких подобных бумаг не составляли? Я женщина старая, образование у меня три класса, всю жизнь работала вахтером — разве смогу написать приговор? Правда, второй народный заседатель — бухгалтер, но и он никогда таких бумаг не писал. Вот и пришлось подписать тот приговор, на котором настаивал судья».

«Я был против обвинительного приговора, — вспоминает другой народный заседатель. — Тогда судья сказал, что я могу написать особое мнение. А как оно пишется, это особое мнение, представления не имею. Так и не стал писать...»

Давайте задумаемся: в состоянии ли многие из народных заседателей принимать активное и равноправное участие при постановлении приговора в совещательной комнате? В состоянии ли они, например, решить один из важнейших правовых вопросов, которые обязан по закону разрешать суд при постановлении каждого приговора, — вопрос о том, содержит ли деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, состав преступления и каким именно уголовным законом следует его квалифицировать? (Ст. 303 УПК РСФСР.)

Участие народных заседателей в постановлении приговора в совещательной комнате зачастую сведено, на мой взгляд, к пустой формальности. Сложно ли при таких условиях председательствующему (профессиональному судье) подавлять заседателей своим авторитетом квалифицированного юриста? Безусловно, большинство судей честны и глубоко порядочны в работе. Но если, хоть изредка, встречаются недобросовестные, надо сделать все для того, чтобы пресечь саму возможность их существования, ибо один из основных конституционных принципов правосудия должен осуществляться суд, коллегиально, и ни в коем случае не единолично народный судья.

Циркуляр, рассчитанный только на добросовестных исполнителей, — плохой помощник делу. Сила закона в том, что он призван исключить всякую возможность злоупотребления со стороны нерадивых исполнителей.

Запомнилась мне беседа с одним заседателем,

принимавшим участие в разбирательстве весьма запутанного дела. Суд приговорил человека к десяти годам лишения свободы. Но судебный вердикт был недолговечен — буквально через три недели городской суд отменил приговор и полностью реабилитировал осужденного. Через несколько лет, случайно встретив этого заседателя, я поведал ему о дальнейшей судьбе того страшного приговора, который был им подписан. Он буквально ничего не знал. В подобном неведении нет ничего удивительного, ведь приглашаются народные заседатели в суд для исполнения своих общественных обязанностей на короткий срок (по закону — на четырнадцать дней), после чего возвращаются к месту постоянной работы. И не интересуются они судьбой «своего» приговора по той простой причине, что в вынесении его они, по сути, порою не принимают никакого участия, а лишь формально ставят свои подписи.

Говоря о причинах судебных ошибок, многие юристы не без основания ссылаются на нарушение независимости судей от «местных влияний». Но если судьбу приговора реально будет определять не один профессиональный судья, но и народные заседатели, это будет дополнительной гарантией ликвидации подобных явлений.

Наше правосудие в целях дальнейшего укрепления социалистической законности должно идти по пути демократизации судопроизводства, широкой гласности процесса на всех его этапах — от дознания и следствия до суда. При этом, разумеется, развитие советского судопроизводства, как и всякой другой науки, должно базироваться не только на собственном опыте, но и впитать в себя все ценное, полезное и прогрессивное, накопленное в мире, памятуя о том, что отрицать не просто означает сказать нет, что всякое отрицание включает в себя преемственность.

Известно, что более ста двадцати лет тому назад, в 1864 году, в России был учрежден суд присяжных заседателей. Провозглашение судебной реформы, равно и реформы 1861 года об отмене крепостного права, стало результатом борьбы прогрессивных сил общества и совершенно справедливо расценено как серьезное поражение самодержавия.

Автор монографии «Отцы и дети судебной реформы», один из крупнейших деятелей культуры России второй половины XIX века, А. Ф. Кони, высоко ценил учреждение в России суда присяжных. А. Ф. Кони писал: «Судебная реформа призвана была нанести удар худшему из видов произвола, произволу судебному, прикрываемому маской формальной справедливости».

Высоко ценил суд присяжных заседателей В. И. Ленин, которому довелось по окончании юридического факультета работать в этом суде в качестве помощника, а затем и присяжного поверенного — адвоката. «Суд улицы, — писал впоследствии Ленин, — ценен именно тем, что он вносит живую струю в тот дух канцелярского формализма, которым насквозь пропитаны наши правительственные учреждения... Улица своим чутьем, под давлением практики общественной жизни и роста политического сознания, доходит до той истины, до которой с таким трудом и с такой робостью добывается сквозь свои схоластические пути наша официально-профессорская юриспруденция... По этой причине и ненавидят — да и не могут не ненавидеть — суд улицы реакционные публицисты и реакционное правительство».

Прогрессивный характер судебной реформы, «неуправляемость присяжных заседателей», игнорирование ими указаний свыше серьезно взволновали царское правительство, вынудили его принять ряд контрмер, сводящих на нет деятельность суда присяжных заседателей. Выразилось это прежде всего в изъятии и передаче огромного числа дел на рассмотрение суда сословных представителей и особого присутствия, расширении слушания дела в закрытых процессах, в издании серии законов, предопределя-

ющих отбор присяжных заседателей из числа лиц «благонадежных», представителей купечества и буржуазии. Все это и дало основание В. И. Ленину впоследствии характеризовать буржуазный суд как слепое тонкое орудие беспощадного подавления эксплуатируемых.

Характеризуя поход реакции против суда присяжных, В. И. Ленин в 1912 году писал: «Участие народных представителей в суде есть, несомненно, начало демократическое. Последовательное применение этого начала состоит, во-первых, в том, чтобы для выбора присяжных не было ценза, т. е. ограничения избирательного права условиями образования, собственности, оседлости и проч. Среди присяжных в настоящее время, вследствие исключения рабочих, преобладает нередко особенно реакционное мещанство. Лекарство от этого зла должно состоять в развитии демократизма до его последовательной и цельной формы, а вовсе не в подлом отречении от демократизма».

Октябрьская революция вместе с уничтожением государственного аппарата царской России уничтожила и всю систему царской юстиции с ее буржуазно-помещичьим судом, который был аппаратом буржуазной эксплуатации.

Новый народный суд стал подлинным органом диктатуры рабочего класса, орудием в борьбе с преступными посягательствами на интересы Советского государства и советского народа. В настоящее время с ликвидацией эксплуататорских классов в повестку дня ставится вопрос о дальнейшей демократизации судопроизводства, привлечении к отправлению правосудия все больших народных масс, широкой гласности следствия и суда. При решении этих вопросов мы, как представляется, должны опираться не только на богатый опыт созданных революцией судов, но и использовать все то ценное, полезное и прогрессивное, что дает нам опыт отечественного судопроизводства и прежде всего опыт суда присяжных заседателей. Народные заседатели, умудренные жизненным опытом люди, призваны к тому, чтобы, не вдаваясь в правовые, юридические нюансы, житейски, по-человечески разобраться в случившемся и в личности привлеченного к суду. Виновен подсудимый или не виновен (да, нет), заслуживает снисхождения или не заслуживает (да, нет), необходима ли изоляция виновного от общества или нет, нужна ли лишить его свободы (да, нет). Вот примерный перечень тех вопросов, которые должны решать в суде народные заседатели. А он, судья, профессиональный юрист, должен облечь их решение в надлежащую правовую форму — в судебный приговор. Собственно, в этом и заключалась суть суда присяжных заседателей, разделившего суд в соответствии с разными задачами, стоящими перед различными его членами, на две совершенно независимые и самостоятельные части: коллегию присяжных заседателей и коронных судей.

Сама жизнь, на мой взгляд, подсказывает необходимость преобразования нашего суда в суд народных заседателей с неперменным соблюдением двух условий: увеличением количества народных заседателей и отделением их от профессиональных судей. Мы все вместе должны бороться за правовые основы нашей жизни, нарушение которых дорого обошлось нашей стране и которые надо беречь во имя настоящего и будущего.

Вот, собственно, все, что хотелось бы мне сказать в защиту наших народных заседателей.

А. МОВЕ,
адвокат, председатель секции
уголовного права и процесса Московской
областной коллегии адвокатов.

Узнав,
что в «Огоньке»
будет опубликован его роман,
Жорж Сименон,
проживающий ныне в Лозанне,
дал журналу краткое интервью.
Писатель не совсем здоров,
он плохо слышит.
Поэтому разговор поистине
телеграфный.

ЖОРЖ СИМЕНОН:
«ПРИВЕТСТВУЮ
НОВШЕСТВА,
ШЛЮ
ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ...»

— Как вы чувствуете себя, как ваше настроение перед почтенным юбилеем 85-летия?

— Я чувствую себя как человек 85 лет.

— Главный герой вашего романа «Мегрэ и его мертвец» — лицо вымышленное или реально существовавшее в жизни?

— Герои моих романов — настоящие люди, но их истории выдуманы.

— Мы слышали, что вы дали слово не возвращаться к своему прославленному герою. Так ли это?

— Более десяти лет я уже не пишу никаких романов.

— Мы знаем ваше мнение о многих писателях, а сейчас хотелось бы спросить вот о чем: в Советском Союзе печатается Владимир Набоков, проводивший последние годы жизни в Швейцарии. Как вы расцениваете творчество Набокова?

— Что касается Набокова, то это, конечно, талантливый писа-

тель, но я упрекаю его за использование персонажа несозревшей девочки в его преувеличенно сексуальном романе «Лолита».

— Вам известно о том, что в СССР на Урале живет яростный поклонник вашего таланта Алексей Орлов, что он собрал уникальную «сименониану», сделал библиографию ваших публикаций?

— Алексею Орлову я однажды написал, но библиографии не получал.

— Как вы относитесь к нашей перестройке, к гласности?

— Приветствую новшества, которые произошли и будут происходить у вас, и от души поздравляю Михаила Горбачева.

— Ваши пожелания нашим читателям?

— Шлю горячий привет моим друзьям из «Огонька».

Интервью подготовил
Феликс МЕДВЕДЕВ.

УСТНЫЙ ВЫПУСК «ОГОНЬКА»

В разгаре подписная кампания, и наш журнал продолжает отчитываться перед своими читателями. Только в последнее время огоньковцы встречались с библиотекарями Москвы, выступали в Бабушкинском и Кунцевском районах столицы. Встреча с «Огоньком» в Доме культуры «Правды» длилась четыре часа. Гора записок, вопросы из зала, полемический настрой участников...

Многих интересовало, увеличится ли тираж журнала, какие книги выйдут в «Библиотеке «Огонек», как идет подготовка к встрече 70-летия Великого Октября, какие материалы из истории нашего прошлого будут напечатаны в ближайших номерах, кто из наших современников будет героем огоньковских публикаций, продолжатся ли выпуски поэтической антологии «Русская муза XX века»...

На этот раз гостями правдивов были В. Коротич, А. Дементьев, В. Солоухин, В. Енишерлов, И. Зильберштейн, В. Долина, А. Рошаль, Т. Лещенко-Сухомлина, Ф. Медведев, Д. Давиташвили, С. Лукницкий, М. Генин, М. Чудакова, А. Боровик.

РОДНИКИ АРКАДИЯ ПЛАСТОВА

Нарастающее влечение к искусству вызвало к жизни передвижные выставки не только собраний полотен, но и показ одной картины. Первой у нас была неувядаемая Мона Лиза («Джоконда») Леонардо да Винчи из Луврского собрания. В Пензе создан музей одной картины, снят короткометражный фильм об экспонировании работы В. И. Сурикова «Взятие снежного городка». В том же ряду можно было бы назвать вернисаж картины Аркадия Александровича Пластова «Полдень», направленной в Ульяновск из фондов ленинградского Русского музея. Но тут есть одна особенность. Просторный зал для картины был выделен в Пластовской галерее, открытой летом 1986 года и владеющей сегодня самым богатым собранием работ выдающегося русского художника, вскормленного приволжской землей.

Пластов, как известно, провел большую часть своего долгого века в родном селе Прислонихе, что в 60 километрах от областного центра и в нескольких верстах от поселка Языкова, освященного именем даровитого поэта, с которым был дружен Пушкин.

В «Полдне», как и во многих сотнях работ Аркадия Пластова, сказана причастность художника ко всему, чем живет село: «Деревня вошла в мою жизнь как нечто бесконечно родное, органичное и цельное. Это сказывается на всем моем творчестве. И вот, когда мне иногда говорят, что картина удалась, в этом я обязан в значительной мере правилу: никогда не писать того, чего не знаешь и не любишь».

Невооруженным глазом, как говорится, обнаруживаешь в творчестве Пластова следование традициям русской реалистической живописи. Но эта лежащая на поверхности традиционность открывает более глубокую преемственность. Верность традициям — в отношении к человеку, живущему на земле, и определяет направление поиска, не давая довольствоваться послушной зеркальностью, а выявлять духовное естество человека, основу его героизма и скромности, трудолюбия и удачи. В этом своем качестве живопись Аркадия Пластова, как и всякое подлинное искусство, соединяет национальное своеобразие с интернационализмом. О его мастерстве уважительно отзывался М. В. Нестеров. Нравственную стойкость художника, борющегося за искусство, «делающего честь великому народу», приветствовал неистовый Мартирос Сарьян: «Все те качества, которыми

обладает русский народ, чувствуются в каждом Вашем мазке». И эта мощь, сказавшаяся в картине из собрания Русского музея, широко и разнообразно разлита в других полотнах Пластовской галереи.

Сопоставление полотен художника позволяет глубже проникнуть в тайное тайных автора. Так, «Полдень» чувствуешь ярче и глубже в единстве с написанным еще в 1952 году «Родником». То же богатство окружающего мира, пронизанного солнцем («отец стремился соединить непосредственные, «плерные» радости с задачей проникновения в глубинный мир человека», — заметил Н. А. Пластов). А «прописана» картина в Ереване. Или другой пример. В портретной галерее Аркадия Пластова запечатлены по-особому дорогие художнику односельчане, он их перенес и в свои многоплановые полотна, они узнаваемы и в книжной графике. Одним из таких людей был его сосед, которого мы видим и в иллюстрации к рассказу Л. Н. Толстого «Три смерти», и на картине «Смерть дерева» (1962 г.).

Перед зрителем могучая береза, виден надраз у основания ствола, который вот-вот рухнет под напором молодого рубщика, а стоящий позади старик ожидает этого в каком-то оцепенении. Лето в разгаре, вокруг зелень, и береза еще живая... Аркадий Пластов рассказывал: «Когда валит сильное, многошумное дерево, то сама возвышенность этой трагедии снимает ее горечь; это надо видеть. Красиво и страшно! ...И остальные деревья закачались... словно от страха». Картина — в собрании Государственного художественного музея в Минске.

18 января 1963 года художник писал одной из корреспонденток, искусствоведа: «...Хожу как потерянный, и сколько это продлится — бог ведает. А беда такая: умер тот самый старик, что фигурирует в картине «Смерть дерева». Был он мне большой друг, жил в «шабрах», или, по-другому, был наш сосед; жили мы, как здесь говорится, за один дом...»

Ушел... богатырь телом и младенец душой, безропотный работник до последнего вздоха, на все руки мастер, да какой еще, настоящий крестьянин во всем очаровании крестьянства, если кто еще понимает что-нибудь в этом деле или когда-нибудь задумывался, что такое был когда-то «мужик»... Вот через это горькое происшествие я и вышел из строя и что-то никак не сдвинулся с той мели, на какую толкнула судьба...»

Через десять лет майским днем

А. А. ПЛАСТОВ. ЭСКИЗ К КАРТИНЕ «ДЕТИ». 1968—1970.

В «ИЗВЕСТИЯХ» НЕ ТАК ДАВНО ПОЯВИЛАСЬ СТАТЬЯ ПОД ЗАГОЛОВКОМ «ИСТОРИЯ УМАЛЧИВАЕТ». СКАЖУ, НЕ БОЯСЬ ВЫЗВАТЬ ОГОНЬ НА СЕБЯ, ЧТО ПРИНАДЛЕЖУ К ТЕМ НЕ НАЗВАННЫМ ГАЗЕТОЙ И ЕЕ КОРРЕСПОНДЕНТОМ АВТОРАМ ШКОЛЬНОГО УЧЕБНИКА, КОТОРЫХ ОНИ ПОЩАДИЛИ СО ССЫЛКОЙ: А ЧТО ОНИ МОГЛИ СДЕЛАТЬ: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА БЫЛИ ТАКИЕ. СКИДОК НЕ НАДО. ДЕЛАЛИ МЫ, ЧТО МОГЛИ, И ЭТО СЧАСТЬЕ, ЧТО ВРЕМЯ ОБОГНАЛО НАС. ЗНАЧИТ ЛИ ЭТО, ЧТО ХОЧУ ОПРАВДАТЬСЯ? СНЯТЬ ВИНУ ЗА ТОРЖЕСТВУЮЩУЮ СЕРОСТЬ, ЗА БЕСКОНЕЧНОСТЬ ПСЕВДОИССЛЕДОВАНИЙ С ПОЛНЫМ НАБОРОМ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И ДОГМАТИЧЕСКОЙ КАНОНИЗАЦИЕЙ ИДЕЙ, ВЫВОДОВ, ПОЛОЖЕНИЙ, ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК, КОТОРЫЕ, КАК ЭТО НИ ПРИСКОРБНО, ДОЛГОЕ ВРЕМЯ ОПРЕДЕЛЯЛИ ДА, ЧТО ГРЕХА ТАИТЬ, ВО МНОГОМ ОПРЕДЕЛЯЮТ И СЕЙЧАС ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ЗНАЧИТЕЛЬНОГО ЧИСЛА ЛЮДЕЙ. ИХ ОЦЕНКИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ. НЕТ. НО СТАТЬЮ ПИШУ И НЕ ДЛЯ САМОБИЧЕВАНИЯ. ХОТЕЛОСЬ БЫ ПУБЛИЧНО ИСПРАВИТЬ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ, К КОТОРОЙ ПРИЧАСТЕН. ПЕРВЫЙ РАЗ ЭТО СЛУЧИЛОСЬ ЛЕТ ПЯТНАДЦАТЬ НАЗАД, КОГДА ШЛА В НАБОР МОЯ КНИГА О МАРШАЛЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА А. И. ЕГОРОВЕ. ВТОРОЙ — НЕДАВНО, КОГДА ОНА ПЕРЕИЗДАВАЛАСЬ. НИ ПЕРВЫЙ, НИ ВТОРОЙ РАЗ ТАК И НЕ СМОГ ДОБИТЬСЯ, ЧТОБЫ ИМЯ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРОГО ХОРОШО ЗНАЮ И ДРУЖБОЙ С КОТОРЫМ ГОРЖУСЬ, ЗАСЛУЖЕННО ПОМИНАЛОСЬ БЫ В НЕЙ. КАК НЕ СМОГ ДОБИТЬСЯ И ТОГО, ЧТОБЫ БЫЛА ДАНА ХОТЯ БЫ ФОТОГРАФИЯ, НА КОТОРОЙ ОН, ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ ВРАЧЕВ, 24-ЛЕТНИЙ НАЧАЛЬНИК ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНОЙ КАВКАЗСКОЙ АРМИИ, СНЯТ ВМЕСТЕ С ЕЕ КОМАНДУЮЩИМ А. И. ЕГОРОВЫМ В ГРУППЕ ДЕЛЕГАТОВ I ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ, НА КОТОРОМ УЧРЕЖДАЛСЯ СССР. И КТО БЫ НИ ВЫЧЕРКИВАЛ ЕГО ФАМИЛИЮ ИЗ МОЕЙ РУКОПИСИ, КТО БЫ НИ ОТБРАСЫВАЛ В СТОРОНУ ЭТУ ФОТОГРАФИЮ, ВИНУ С СЕБЯ НЕ СНИМАЮ. НЕ ДОКАЗАЛ. НЕ ОТСТОЯЛ. ДОЛЖЕН БЫЛ, А НЕ СМОГ.

Иван Яковлевич Врачев. Воронеж, 1917.

В Воронежском Совете рядовой Врачев избран членом бюро Военной секции Совета. Вошел в Исполком. Летом 1917 года, когда контрреволюция повсеместно перешла в наступление, а большевики подвергались публичным расправам, стал членом Воронежского комитета партии и председателем бюро Военного района Воронежской организации РСДРП(б). Выезжал на Московскую областную конференцию большевистской партии. Делегат II Московского областного съезда Советов. Встречался с А. С. Бубновым, В. Н. Яковлевой, А. Ломовым (Г. И. Оппоковым) и другими. Работа с ними была прекрасной, пусть и краткой, школой.

В октябрьские дни Врачев возглавил Воронежский штаб Красной гвардии. Входил в состав боевого центра при Воронежском комитете РСДРП(б), был членом ВРК.

Природный ум, обаяние, прекрасные ораторские и организаторские данные, умение быстро решать и прояснять любые вопросы влекли к нему людей. В декабре 1917 года на очередном, III Московском областном съезде Советов Врачева избирают членом Московского областного исполнительного комитета и кандидатом в члены Московского областного бюро РСДРП(б). От Воронежского губернского крестьянского съезда его делегируют в Питер, на III Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Готовился созыв Учредительного собрания, и от позиции крестьянской массы зависела судьба пролетарской власти и всей революции.

На первом же заседании съезда пе-

ти, будем строить мощное, светлое здание социалистического общества.

Потом Врачев будет иметь счастье неоднократно слушать В. И. Ленина, даже беседовать с ним. Но этот день запомнился особо. Ленин говорил «будем строить», а это относилось и к нему. И он этим проникся.

На съезде И. Я. Врачев стал самым юным, ему было 19 лет, членом ВЦИК. Его оставили для работы в Петрограде. 21 февраля на пленуме ВЦИК по предложению Я. М. Свердлова ввели в состав Расширенного Президиума. Солдатский депутат стал одним из руководителей первого трудового парламента России.

КАК ГОТОВИЛСЯ ПЕРЕЕЗД ПРАВИТЕЛЬСТВА В МОСКВУ

В ночь на 2 марта 1918 года Врачева вызвал к себе в кабинет в Таврическом дворце председатель ВЦИК Я. М. Свердлов.

— Мы едем в Москву, — сказал он. — Есть задание ЦК партии и Владимира Ильича. Дел в Москве будет много. Вы едете со мной. Собирайтесь как можно быстрее.

Сборы были недолги. Врачев лишь сбегал в общежитие членов ВЦИК в Смольном за своим вещевым мешком. На Николаевский вокзал прибыл глубокой ночью. В специальном вагоне их ждали революционные матросы из отряда, охранявшего Смольный.

Состав с места резко набрал скорость. Загромыхали колеса на стрелках.

В Москве предстояло склонить так называемых «левых коммунистов», вы-

У ВРЕМЕНИ

СОЛДАТСКИЙ ДЕПУТАТ

Биография его весьма схожа с биографиями тех, кого подняла к активной жизни революция.

Мальчишка из рабочей семьи, окончивший церковноприходскую школу, с 11 лет работал по найму: на пивоваренном заводе, макаронной фабрике, в типографии, парикмахерской, театрах.

С началом первой мировой не сразу, но понял угарность лжепатристических лозунгов. Попал под влияние большевиков.

А вскоре наступил и февраль 1917 года: революция, митинги, демонстрации, споры. В такое время взрываются быстрее. В марте вступил в члены РСДРП(б), получив в Бутырском районном комитете партии билет за № 1 («Тогда не было общей нумерации, — рассказывает он смущенно. — Я оказался в райкоме, когда из типографии поступили билеты, мне и выдали первому»).

В апреле 1917 года призван Временным правительством на воинскую службу. Отправили в Воронеж, рядовым 58-го пехотного запасного полка.

Партийные поручения выполнял споро, толково. Вел активную агитационную работу. Однополчане избрали председателем ротного, затем и полкового комитета. Стал членом президиума полкового комитета, депутатом гарнизонного, а затем и городского Совета.

В дни переломные энергия и энтузиазм ценятся особо. На молодого солдата обратили внимание. Его поддерживали и выдвигали. И всякий раз вверх по ступеням, что возводились революционным народом.

Альберт
НЕНАРОКОВ

ПЛЕНУ

ред собравшимися выступили председатель ВЦИК Я. М. Свердлов и лидер партии левых эсеров М. А. Спиридонова. Было принято решение объединиться с проходившим параллельно III съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, чтобы «одной братской трудовой семьей разрешить стоящие перед Российской Советской Республикой трудные задачи». Вечером того же 13(26) января 1918 года в Таврическом дворце начались заседания единого III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

18(31) января Врачев первый раз увидел и услышал В. И. Ленина, выступившего с заключительным словом перед закрытием съезда:

— ...Теперь всем, даже, уверен, нашим врагам видно, что новый строй, власть Советов, не выдумка, не партийный прием, а результат развития самой жизни... Теперь мы, на расчищенном от исторического хлама пу-

стывавших против заключения Брестского мира, на сторону ленинского большинства ЦК и подготовить переезд Советского правительства в Москву. В Москве же в случае подписания мирного договора надлежало созвать IV Чрезвычайный съезд Советов для его ратификации. Волею судеб Врачев попал в центр событий исторической важности.

По приезде, на второй день, в здании Московского Совета было созвано экстренное заседание его Президиума. Яков Михайлович сообщил:

— Совнарком принял решение о переезде правительства из Петрограда в Москву. Оно продиктовано сложнейшей обстановкой на фронте. Надо выбрать месторасположения правительственных учреждений и наметить, где будем собирать IV Чрезвычайный съезд Советов.

Среди членов объявленной комиссии по подготовке переезда правительства в Москву Свердлов назвал и И. Я. Врачева.

В год, когда исполнялось 65-летие переезда Советского правительства в Москву, Иван Яковлевич, по моей просьбе, записал:

«Наиболее оживленный обмен мнениями произошел по первому из поставленных на обсуждение вопросов. Было предложено три варианта размещения правительства в Москве. Прежде всего некоторые товарищи, по аналогии с Петроградом, стали называть здания, схожие со Смольным. Предлагалось здание дворянского женского института, в прошлом запасного дома дворцового ведомства,—большой дом у Красных Ворот, на углу Садовой-Черногрязской и Новой Басманной улиц. Называлось и здание Воспитательного дома на Солянке, построенное в 1765—1770 годах. Предлагался и Кремль.

Предложение разместить правительство в Кремле было наиболее заманчивым. Кремль — подлинный центр Москвы. В нем много зданий. На случай контрреволюционных выступлений он был удобен и для обороны. К тому же в Кремле в то время хранились самые ценные фонды молодой республики.

Однако звучали и выступления против: Кремль — излюбленное место прогулок москвичей. С размещением в нем правительства свободный доступ придется ограничить, а то и вовсе закрыть. В Кремле находятся храмы. Не будут ли оскорблены религиозные чувства верующих? Не вызовет ли это недовольство у населения?

Историк-коммунист Михаил Николаевич Покровский дал обстоятельную справку об историческом значении Кремля с его замечательными памятниками. Он подчеркнул, что в случае избрания Кремля в качестве резиденции правительства на их сохранность надо будет обратить самое серьезное внимание. Для размещения правительства рекомендовал использовать малоценное в историческом отношении здание Судебных установлений.

Споры разгорались.

Кто-то, фамилии не помню, высказывался против Кремля «по принципиальным соображениям»: нельзя-де избирать для размещения правительства первой в мире республики трудящихся резиденцию русских царей.

— Правительство пролетарской революции не может находиться там, где короновались русские самодержцы! — патетически восклицал оратор. — Ведь штаб нашей революции в Питере размещался не в Зимнем или другом дворце, а в Смольном...

— Но рабоче-крестьянский парламент заседает в Таврическом дворце, — подал реплику Свердлов.

Выступили и с рядом веских соображений и в пользу Кремля. Кстати, я высказался также за Кремль.

В конце обсуждения слово взял Я. М. Свердлов. Он отверг предложение относительно здания бывшего дворянского женского института из-за его расположения — рядом были основные московские вокзалы, да и от центра по тем временам было далеко.

— Если наше правительство пребывает теперь в Смольном институте, это не значит, что и в Москве ему надо подыскивать институт благородных девиц, — иронически заметил Яков Михайлович.

Отклонил он и предложение об избрании для размещения правительства здания Воспитательного дома и высказался в пользу Кремля.

— Кремль удобен во всех отношениях, — подчеркнул он. — Мы не можем пренебрегать соображениями безопасности, а с этой точки зрения Кремль наиболее подходящее место.

Не обошел он и того, что мотивы

против выбора Кремля также серьезные:

— Несомненно, буржуазия и мещане подымут вой — большевики, мол, оскверняют святыни, но нас это меньше всего должно беспокоить. Интересы пролетарской революции выше предрассудков.

Большинством голосов решение было принято в пользу Кремля. На следующий день Я. М. Свердлов уехал в Петроград.

Врачев оставался в Москве. Он был среди тех, кому надлежало провести в жизнь принятые решения.

ВЦИК и СНК было предоставлено здание Судебных установлений. Здание бывшего дворянского женского института отдали Народному комиссариату путей сообщения. В 1930 году его надстроили и даже «украсили» башенкой. В нем и сейчас размещаются службы Министерства путей сообщения. В бывшем Воспитательном доме в течение многих лет работали ВЦСПС и ЦК ряда профессиональных союзов. Теперь там военная академия имени Ф. Э. Дзержинского.

Комиссия деятельно готовилась к встрече членов ВЦИК, Совета Народных Комиссаров, Центрального Комитета партии и народных комиссаров. Командант Кремля регулярно докладывал о подготовке здания. ВЦИК отвели второй этаж, с входом в центре. Совнаркому предназначили третий, с довольно скромным входом.

Предусмотрели и меры по охране кремлевских дворцов, Грановитой и Оружейной палат. Поздней сформировали особую комиссию Московского Совета по охране памятников искусства и старины под руководством старого большевика П. П. Малиновского и художника Е. В. Орановского.

В воскресенье 10 марта 1918 года Врачев был среди тех, кто на Николаевском (ныне Ленинградском) вокзале встречал первый правительственный поезд из Петрограда, а на следующий день В. И. Ленина. Москва стала столицей первого в мире социалистического государства.

НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ В АРМИИ

В августе 1918 года И. Я. Врачев добивается, чтобы его отпустили в действующую армию. Военным комиссаром 3-й Воронежской пехотной дивизии, преобразованной впоследствии в 13-ю стрелковую, он прибывает на Южный фронт. С тех пор и до 1923 года на многих ответственных постах в армии: военком 40-й стрелковой Богучарской дивизии, помощник командующего Кавказской трудовой армии по политической части, а одно время и ее командарм; с 1921 года — начальник политуправления последнего из оставшихся к тому времени фронтов — Туркестанского.

Здесь развернулся его дар организатора и руководителя.

Я видел в архивах его документы. Молодой человек с тремя классами церковноприходской школы, пройдя горнило революции, стал действительно, без всяких скидок, блестящим администратором, прекрасным партийным воспитателем, командиром.

Он редактировал один из лучших в РККА политических журналов — орган Политического управления Туркестанского фронта (ПУТУРКА) «Бженедельник политработника».

В бытность командующего Ферганской группой войск занялся составлением схемы родовых связей почти всех басмаческих лидеров. Это обеспечило возможность нужных контактов и переговоров, сначала через посредников, затем напрямую. За его подписью для служебного пользования была даже издана специальная брошюра, содержащая нужные для командного состава сведения данного

рода. В ней же обобщались и первые итоги мирной борьбы за массы.

Врачев умел замечать, поддерживать и выдвигать людей.

Именно он дал путевку в большую армейскую жизнь будущему Маршалу Советского Союза Василию Даниловичу Соколовскому, которого рекомендовал на должность помощника начальника оперативного управления Туркестанского фронта.

В августе 1922 года Врачев по просьбе Г. К. Орджоникидзе, поддержанной И. В. Сталиным, переезжает в Закавказье начальником Политуправления ОКА. Этому предшествовала любопытная история.

На X съезде партии, куда Врачев был избран по троцкистской платформе (в те дни это не являлось криминалом, одновременно с ним по этой же платформе на съезд прошли Ф. Э. Дзержинский, В. Н. Яковлева и др.), он выступил с отводом кандидатуры Г. К. Орджоникидзе при выборах в состав Центрального Комитета партии.

Мотивировал это тем, что Орджоникидзе не выдержан, груб, кричит на нижестоящих, а это может привести к срывам и вообще не красит руководителя. Когда Сталин попытался поддержать Орджоникидзе, аудитория плохо восприняла его аргументы. И тогда выступил Ленин. Он свел все к шутке:

— Да, Орджоникидзе кричит. Он на всех кричит. Он и на меня кричит. Но ведь он плохо слышит...

Аргументация была по-человечески проста и понятна. Орджоникидзе в ЦК избрали. В личной беседе с Врачевым (его вызвали из зала заседания, что зафиксировано в Биохронике, т. 10, с. 211) Владимир Ильич сказал, что, конечно, меняться Орджоникидзе надо: выдержки ему не хватает, вспыльчив. А работник отличный.

Через полтора года Орджоникидзе приехал с партийной проверкой в Туркестан, в том числе и в Ферганскую группу войск, которой командовал Врачев. И вот тут произошло то, что лучше всего свидетельствует о том, какая высоконравственная атмосфера царил в партии. Не держа обид, поняв и приняв все начинания молодого командарма, Орджоникидзе добивается его перевода в Закавказье. Он высоко оценил способность Врачева вести партийно-политическую, воспитательную работу не только в армии, но и среди местного многонационального населения. Этот опыт имел для Закавказья особое значение.

На новом месте Врачев обжился быстро. Он был тогда человеком легким, открытым, общительным. Его делили то в горных районах Армении, то в пограничной зоне Грузии, то на Каспии в Азербайджане.

Самое серьезное внимание, помимо армейской службы, уделял развращению шефской работы населения над частями ОКА. По инициативе Врачева при Президиуме ЗАКЦИКа создается Совет по шефским делам. Его возглавил Миха Цхакая, старейший революционный деятель Закавказья: в партию вступил с момента основания, в революционном движении с 1896 года. Человек он был загруженный — председатель Президиума ЦИК Грузинской ССР, один из председателей ЦИК ЗСФСР, член Президиума ЦИК СССР, но против напора начал устоять не смог. Секретарем Совета стал сам Врачев.

В первый же год для лагерного сбора было собрано 30 тысяч рублей золотом. Сумма по тем временам огромная. 10% отчислений от шефства шли на печать. 10% — на военную операцию: чтобы кормить красноармейцев, надо было разводить огороды, вести свое хозяйство. Дневной

рацион бойцов составляли полтора фунта хлеба пополам с ячменем и овсом, суп из ржовой селетки, ложка каши и два золотника (8 граммов) масла. Мясо было большой редкостью.

С Николаем Павловичем Чаплиным, который руководил тогда закавказским комсомолом, Врачев ездил в самые отдаленные части, следя за тем, чтобы и политработники, и командиры проявляли максимум чуткого подхода, внимательности к молодежи национальных дивизий. К особенностям быта, национального характера, религиозным чувствам.

По настоянию Врачева в специальном циркулярном письме «Всем комиссарам и командирам дивизий, военкомам армейских управлений, командирам и комиссарам полков и всему ответственному командному и политическому составу Отдельной Кавказской армии» указывалось: «Командирам и комиссарам необходимо помнить, что поддержание авторитета начальника достигается не только путем строгого обращения с подчиненными, но и знанием своего дела, умением работать, учить и воспитывать красноармейцев».

В том, чтобы это стало стилем всей работы, Врачев опирался на армейских политработников Н. С. Окуджаву, Г. А. Осеяна, Е. В. Стельмаху, А. Х. Хумарьяна, командиров корпусов А. И. Тодорского, Н. В. Куйбышева и других. Вместе с некоторыми из них он был избран на X Всероссийский и I Всесоюзный съезды Советов. Его подпись на основных документах, учреждающих образование Союза Советских Социалистических Республик. На I съезде Советов СССР Врачев стал кандидатом в члены ЦИК СССР. Насколько мне известно, на сегодняшний день он единственный здравствующий из числа учредителей нашего великого многонационального государства.

Почему же мы совсем не слышим о нем? Почему даже пенсия ему определена без учета того, что он участник Октября и гражданской войны? Перехожу к самому сложному в моем рассказе.

В РЯДАХ ОППОЗИЦИИ

К сожалению, так уж сложилось, что мы привыкли к тому, будто герои революции непременно идеальны. Ошибок им не прощаем. А если они их совершали, то этим автоматически перечеркивалось все, что делалось ими до этого. Вспомним, как пытались опорочить Раскольникову, выискивая у него ошибки и колебания. Но сделать из него троцкиста, как показал В. Д. Поликарпов (см. «Огонек», 1987, № 26), не удалось ни начальственным чиновникам, ни категоричным и односторонним историкам и писателям. С Врачевым хуже. Его «делать» троцкистом не надо. Он им был. И это разом изменило не только его судьбу. Это отняло у него прошлое. Любые заслуги в этом прошлом.

Мне кажется, что мы слишком расточительны. Дело не в личной судьбе Ивана Яковлевича, а в том, что, оценивая собственную историю и ее героев сквозь призму лишь более поздних оценок и выводов, мы лишаем ее светотени. Безлюдность именно отсюда: из страха помянуть добрым словом отступника.

Делегат XIII партийной конференции И. Я. Врачев активно отстаивал интересы оппозиции. Протестуя против утвердившихся, как он говорил, методов борьбы с оппозицией, ставших к тому времени практикой и которые, по его словам, трудно сочетались с принятым курсом на демократию, Врачев, обращаясь к тем, кто прерывал его, сказал довольно резко:

И. Я. Врачев (третий слева в первом ряду) на I съезде Советов СССР.

— Товарищи, может быть, у нас осталось всего несколько часов полной демократии, так разрешите нам этими часами воспользоваться...

Он защищал Троцкого, ибо, не зная еще оценок последнего ленинского письма, считал, что основной причиной грядущего раскола стали отношения между Сталиным и Троцким. Вот почему Врачев спрашивал Сталина прямо:

«...1. Как ЦК думает проводить резолюцию, которая объединяет всю партию,— все с ней согласны,— резолюцию, которую партия приняла восторженно и с приветствиями...

2. Будет ли ЦК и дальше продолжать борьбу со всяким, кто не одобряет целиком и полностью линию ЦК, теми методами, которые осуществлялись в последнее время, или от них откажется? Будет ли ЦК применять систему смещения с советской и партийной работы представителей оппозиции, симптомы чего мы теперь уже видим? И, в частности (и эта частность имеет громадное значение для всей нашей партии, для нашей страны и для мирового рабочего движения), какой политики ЦК думает держаться по отношению к тов. Троцкому? Станет ли он и здесь на путь изоляции этого выдающегося деятеля нашей партии или нет?

Пусть тов. Сталин даст на эти простые и ясные вопросы простые и ясные ответы».

Ответов не было.

По поводу выступления Врачева на XIII партконференции скажу: он выступил так, что и другой, менее капризный, более лояльный, помнил бы это долго. Сталин помнил всю жизнь.

Реакция была резкой и незамедлительной. Решением ЦК Врачева снимают с партийно-политической работы и отзывают в Москву. Он назначается заместителем председателя Маслоцентра Центрального союза молочной кооперации.

Летом 1926 года Врачев подписал известное заявление 83-х, а позднее присоединился к Заявлению 15-ти, препровождавшему в ЦК «платформу оппозиции». В декабре 1927 года он был в числе тех, кто обратился в защиту Троцкого к XV съезду партии. Постановлением съезда в числе дру-

гих активных деятелей троцкистской оппозиции был исключен из партии.

И о таком человеке я решаюсь писать? Уж не «диссидент» ли я, как не постеснялся спросить меня за гораздо меньшую вольность лет пять назад мой шеф? Нет, я не защищаю троцкистскую оппозицию, не любитель «жареного», сенсационного. Я хочу рассказать правду о сложной жизни человека из оппозиции, реабилитированного, но в партии не восстановленного.

Было у Врачева много взлетов и падений. В одном уверен твердо: был он искренен всегда. Как искренен и сейчас, на 90-м году жизни.

В 1928 году Врачев работал уже в Вологодской кооперации. Из Москвы его выслали. Через год он подал заявление о восстановлении в партии и разрыве с оппозицией. Пройдя испытательный срок, установленный XV съездом для оппозиционеров, Врачев решением ЦКК от 17 января 1930 года был восстановлен в рядах ВКП(б). И что при этом он не таил злых умыслов и был до конца искренен, что после отхода от оппозиции занимал правильную партийную позицию, есть публичные свидетельства А. И. Микояна (см. Микоян А. И. «Мысли и воспоминания о Ленине». М., Политиздат, 1970. С. 145; его же. «Дорогой борьбы». М., Политиздат, 1971. С. 436). Однако при обмене партийных билетов 1936 года он вновь оказался вне партийных рядов, теперь уж навсегда, с формулировкой в протоколе: «как в прошлом активный троцкист». С тех пор апелляции результатов не давали.

После известных судебных процессов над бывшими членами оппозиционных групп (в январе 1935 г., августе 1936 г. и в январе 1937 г.) постановлением Особого Совещания при НКВД СССР Врачев вместе с семьей (женой и тремя детьми) выселяется в село Кослан Удорского района Коми АССР. Лишь после январского Пленума ЦК ВКП(б) 1938 года, рассмотревшего вопрос об ошибках парторганизаций при исключении из партии и о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных, ему разрешили поселиться в радиусе 101 километра от Москвы. Он выбрал Серпухов.

ОТБЛЕСК КОСТРА

В первый же день войны, 22 июня 1941 года, Врачев отправил телеграмму в адрес И. В. Сталина о предоставлении себя в распоряжение ЦК, с просьбой направить на фронт. Он все еще мыслил категориями старыми. Ему, естественно, никто не ответил.

Когда фронт приблизился к Серпухову, Врачев с семьей эвакуировался в Москву. От Серпуховской межрайонной конторы Главкинопроката, где работал до войны, устроился в Московской областной конторе. Затем начал служить в Главном управлении кинофикации. Мечтал лишь об одном: попасть в Действующую армию. Вновь дважды писал Сталину. И вновь безответно. Подал заявление в Военный отдел ЦК с просьбой использовать для работы в партизанском подполье. Начальник штаба партизанского движения П. К. Пономаренко принял приветливо. Сказал, что лично считает возможным привлечь его к работе, но решение будет зависеть от маршала Ворошилова, который в то время был главнокомандующим партизанского движения. Через несколько дней Врачеву по телефону сообщили, что будут считать его в резерве.

В феврале 1943 года, не дождавшись вызова, он ушел в армию добровольцем. Начал рядовым — стрелком и минометчиком, а кончил старшиной, командиром отделения боепитания стрелкового батальона и отдельного лыжного батальона. За отличное выполнение боевых заданий, за отвагу и мужество, проявленные в боях на Центральном, Западном, 3-м Белорусском, 1-м Дальневосточном фронтах, И. Я. Врачев награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», пятью другими медалями (все в настоящее время имеет 12 правительственных наград).

После демобилизации в 1946 году вернулся на работу в свой кинопрокат. Но 2 сентября 1949 года по ордеру, подписанному тогдашними министрам государственной безопасности Абакумовым и генеральным прокурором Сафоновым, был арестован.

Инкриминировалась ему принадлежность в прошлом к троцкистской оппозиции. Словно не прошло с того

времени без малого 25 лет. Постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 18 марта 1950 года лишен свободы сроком на 25 лет и направлен для заключения в исправительно-трудовой лагерь строгого режима на Крайний Север.

Лишь после смерти Сталина 29 августа 1956 года Комиссией Президиума Верховного Совета СССР освобожден со снятием судимости. Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 10 октября 1956 года признано, что после разрыва с троцкистской оппозицией в 1929 году никаких элементов уголовного наказания действий за ним не значится и постановление Особого Совещания при МГБ СССР от марта 1950 года отменено, а дело за отсутствием состава преступления прекращено.

Кстати, факт, как бы специально предназначенный для историка литературы. В лагере, уже ближе к освобождению, Врачев совершенно неожиданно для себя получил бандероль. В ней была книга: Ольга Берггольц. Лирика. Государственное издательство художественной литературы. М., 1955. На титуле надпись: «Ивану Яковлевичу Врачеву — от сердца. Ольга Берггольц. «Не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремление». 1956. Ленинград».

На странице 187 тогда же, в лагере, Иван Яковлевич отчеркнул:

Но как сквозь терний колючий —
сквозь ложь, клевету, обиды,
к тебе по любой дороге,
везде — у чужих и в дому,
в вагоне, где о тебе же
навзрыд поют инвальды,
в обычных трудах и заботах,
к сиянию твоему.
И только с чистейшим сердцем,
и только склонив плечо,
тебе присягая как знамени,
целую его края,
Трагедия всех трагедий —
душа моего поколения,
единственная,
прекрасная, большая душа моя.

...По утрам у газетного киоска, что на Ленинском проспекте у ресторана «Гавана», можно видеть подтянутого пожилого человека. На первый взгляд он суров и не очень приветлив. Говорит резко, не пытаясь смягчить сказанное. Словом, обычный пенсионер. Он скупает всю центральную прессу. Серьезно прорабатывает материалы очередных Пленумов ЦК. Высоко ценит наступившие перемены.

В архиве Врачева воспоминания о В. И. Ленине, Я. М. Свердлове, работа о 40-й Богучарской дивизии, историко-мемуарные и историко-биографические очерки. Часть из них он сдал в Институт марксизма-ленинизма.

На вечере, посвященном 60-летию Ю. В. Трифонова, сына его давнего друга, Иван Яковлевич Врачев, влюбленный в писателя и высоко ценящий его гражданскую смелость и принципиальность, назвал его документальную повесть «Отблеск костра» исследованием, нарушившим «заговор молчания» со стороны тех, кто самоустранился от правдивого освещения истории гражданской войны.

Врачев не самоустранился. Он продолжает работать и сейчас.

Его комната в коммуналке начала 60-х годов как бы застыла в том времени, когда хозяин обрел радость свободы. И дело не только в обстановке, которая с тех пор не менялась. Дело в настроении. В книгах, в газетных вырезках конца 50-х — начала 60-х годов. В том, что в центре книжной полки наряду с работами В. И. Ленина материалы XX съезда КПСС. Сейчас рядом с ними стали документы XXVII съезда.

ОКНА, КОТОРЫЕ СМОТРЯТ В МИР

ФОТОВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»

В ЛИЧНОМ АРХИВЕ
СЕМЕНА ФРИДЛАНДА
ХРАНИТСЯ СНИМОК, НА КОТОРОМ
С ОГРОМНЫМ БУБНОМ,
В ОТОРОЧЕННОЙ МЕХОМ ШАПКЕ,
В ОДЕЖДЕ, ОБШИТОЙ КИСТЯМИ
И ЛЕНТАМИ, ОТПЛЯСЫВАЛ ЛИХОЙ
ТАНЕЦ РЕПОРТЕР.
МОЖНО БЫЛО ПОДУМАТЬ,
ЧТО ЭТО ПРОСТО ШУТКА,
НО ВОТ ЧТО РАССКАЗЫВАЛ
ОБ ЭТОМ САМ КОРРЕСПОНДЕНТ:

«С

ъемка задерживается. Окружившие меня широким кольцом ойроты выжидающе молчат. Их смуглые лица так же непроницаемы, как и высокие зубчатые горы, замкнувшие глубокую горную котловину. Нам нужно сфотографировать религиозные танцы. Костюм — пестрые, цветные лоскуты с бубенцами и огромный бубен — готовы, но никто не решается начать. Шаман тоже сидит в кругу. Его глаза враждебно поблескивают, и на него с опаской поглядывают колхозники — они еще не до конца изжили неясный страх перед «божьей карой». Нужен был только повод, чтоб до конца развеять остатки языческого суеверия. И повод нашелся. Через минуту они с изумлением, а потом с веселым смехом смотрели, как фоторепортер, нагнувшись на себя пестрое одеяние, лихо начал отплясывать и ударять в бубен, имитируя бесноватый танец шамана. Долго еще глухо гудел бубен и звенели колокольчики, переходя из рук од-

ного ойрота к другому. Не было отбоя от желающих...»

Лед был растоплен, репортер отлично провел задуманную съемку.

«Какой же должна быть увлекательной эта профессия, если ей можно без остатка отдать всю жизнь, день в день, с щедрой прибавкой многих ночей и праздников! Профессия, в которой причудливо сливается романтика дальних странствий с ясной и строгой дисциплиной мысли», — писал спустя долгие годы тот же репортер, уже прикованный к постели неизлечимым недугом. «Вся жизнь, день в день...»

Детство и юные годы Семена прошли в Киеве. Ранняя смерть отца вынудила подростка сменить гимназическую форму на фартук ремесленника — стал тачать сапоги. Вскоре в Киев нагрянула родня из Белостока — двоюродные братья Миша и Борис. Борис рисовал. В лаконичных, живых рисунках оживали знакомые и незнакомые истории. Толстые тетради пре-

вращались в целые рисованные повести. Талант брата скоро стал известен не только в семье. С двадцатых годов и по сегодняшний день со страниц журналов и газет не сходят злободневные рисунки, подписанные знакомым росчерком «Бор. Ефимов».

Старший брат, Миша, серьезно занимался журналистикой. Его перо уже было известно читателям. Через несколько лет Миша переехал в Москву. Его передовицы, статьи, а особенно фельетоны буквально не сходили со страниц печати. Раскрывая утренний номер «Правды», читатели искали знакомую подпись «Мих. Кольцов». По инициативе молодого журналиста создается журнал, редактором которого он и становится на долгие годы, — журнал «Огонек». Вскоре и Семен, оставив сапожную мастерскую, переезжает в Москву...

● В НОЧЛЕЖКЕ.
Двадцатые годы.

● ВОЛЖАНОЧКА.
Шестидесятые годы.

По совету старшего брата Семен решает изучить фотографию. Но насколько жадно и въедливо брат увлечется новым делом, не предполагал и Михаил Ефимович. В 1925 году — первое знакомство с фотоаппаратом. «Ика-клап-камера Неттель» — вот как называется это чудо. А бесконечные вечера — в лаборатории «Огонька», бессистемные, казалось бы, опыты, эксперименты — словом, колдовство.

На первой же выставке советского фоторепортажа новичку вручают два диплома: за динамичное построение кадра и за отличную печать...

Еще через год о нем пишут: «У Фридлянда — свое лицо. Фридлянд работает на максимальных, предельных скоростях... Это дает особый стиль его работам...»

А еще через пару лет — наступил уже 1930 год — «Огонек» выступает с большим отчетом о жизни Советской страны в лондонском Камера-Клабе. Репортеры А. Шайхет, С. Фридлянд и Е. Микулина предоставили свои работы на выставку «150 иллюстраций». И вот что писал собственный корреспондент журнала по поводу этой выставки из Лондона:

«Популярность, которую принесла

клубу советская выставка, оказалась горькой, тяжелой, беспокойной — до того беспокойной, что члены клуба вынуждены были резко сломать свои привычки и даже перенести свои 5-часовые чаи из клуба в соседний ресторан: посещающая клуб публика говорит нестерпимо громко, держится развязно, подолгу обсуждая каждую фотографию, и грубо нарушает весь строгий уклад клубного поведения... О, клубмены знают теперь, почему они не любят Советскую Россию. Клубмены никогда не поймут и не одобряют Бернарда Шоу, урожденного англичанина, который тем не менее заявил, что советское искусство оставило далеко позади современное западноевропейское...»

Конец двадцатых — начало тридцатых годов — бурное время дискуссий.

С одной стороны, группа «Октябрь» во главе с «конструктивистом» А. Родченко — головокружительные ракурсы, сумасшедшие точки съемки, мир, до неузнаваемости перекроенный фотокамерой. С другой — РОПФ — Российское объединение пролетарских фотографов, в котором С. Фридлянд, А. Шайхет, Р. Кармен (в дальнейшем — выдающийся кинодокументалист) и многие другие репортеры. Их девиз — доходчивость форм, простота. Недолговечными оказались группировки: время примирило их. Но фотография выиграла, обогатившись образностью одних и трезвостью взгляда других...

Фотография — такая профессия, которая требует не только влюблен-

ности в нее, но и постоянного азарта.

Без этих качеств репортер теряет способность зажигаться и зажигать зрителя. Весь процесс создания снимка от самого первого этапа — съемки — до последнего — заделывания царапин ретушной кисточкой на готовом отпечатке, — все доставляет Семену удовольствие. Но этого мало: он пишет статьи об искусстве фотографии, ввязывается в дискуссии, получая от противников шпильки: «...судьбы фотографии его волнуют, к сожалению, больше, чем собственная творческая судьба. Он очень разбрасывается...» Оппонент оказывается прозорливым: почти оставив собственное творчество в последние годы, он стремится вдохнуть любовь к фотографии входящим в нее. Указывает им те ориентиры,

массу подражаний. А до того — «Разбуженная тайга» — символическая фотография для времени освоения новых пространств, «Выход на путину», «Забойщик Прохоров». Сейчас некоторые из этих снимков кажутся слишком «картинными», но не надо забывать: фотография в те времена любила «романтизировать» действительность.

В последние свои годы Фридлянд возглавлял фотографический отдел «Огонька». Чутье на оценку работ коллег у него было очень тонким: он уважал чужие манеры, не позволял себе вкусовщины, мог сказать: «Фотография отличная, хотя лично мне она и не нравится...» Но уж чего он не любил — небрежности, безразличного отношения к делу.

...Узкая одноместная палата. Подслеповатый свет, больничная пижама. Семен Осипович знаком просит: «Кислород...» Глоток, еще один — больше нельзя. И снова разговор о фотографии.

В девятом часу мы попрощались. А среди ночи он умер. «Вся жизнь, день в день...»

Дома на столе остались бумаги: не-написанные главы, подобранные материалы — крупницы, зерна опыта. Не успел...

«Фотоснимки на газетной полосе, — говорил когда-то Фридлянд молодым репортерам, — мне представляются своеобразными окнами, через которые десятки миллионов читателей заглядывают в жизнь нашей огромной страны». И стремился, чтоб окна эти всегда были чистыми.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ

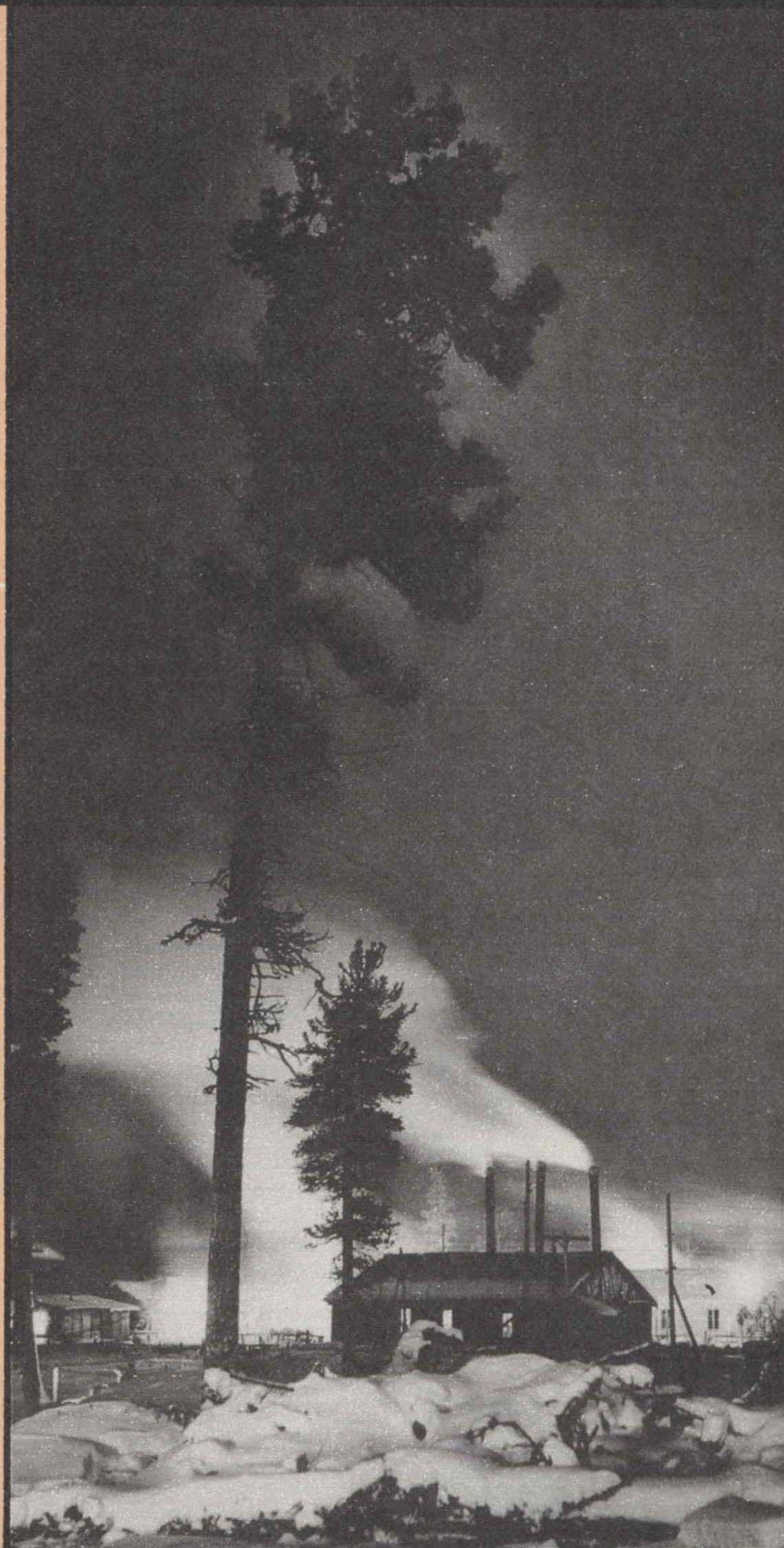
НЕФТЯНИКИ ГАЗЛИ.
1959.

РАЗБУЖЕННАЯ ТАЙГА.
Пятидесятые годы.

РЕГУЛИРОВЩИЦА.
Тридцатые годы.

которые самому уже были недоступны, окружает себя учениками...

«Особенно умело и удачно Фридлянд снимает молодежь...» — писал один из рецензентов в тридцатые годы. Может, потому, что понимает ее?

В 1959 году он едет на съемку в Среднюю Азию, в Бухару, оттуда маленьким самолетом добирается до мало кому еще тогда известного местечка Газли.

«...На пустынном плато Джаркак нестерпимый зной — 56° выше нуля. Неумолимая жажда... Ветер кружит тонкую завесу пыли. Сквозь нее вырисовываются очертания огромной металлической конструкции. Ноги монтажников утопают в песке...» Этот снимок «Нефтяники Газли» сразу же стал широко известен, даже вызвал

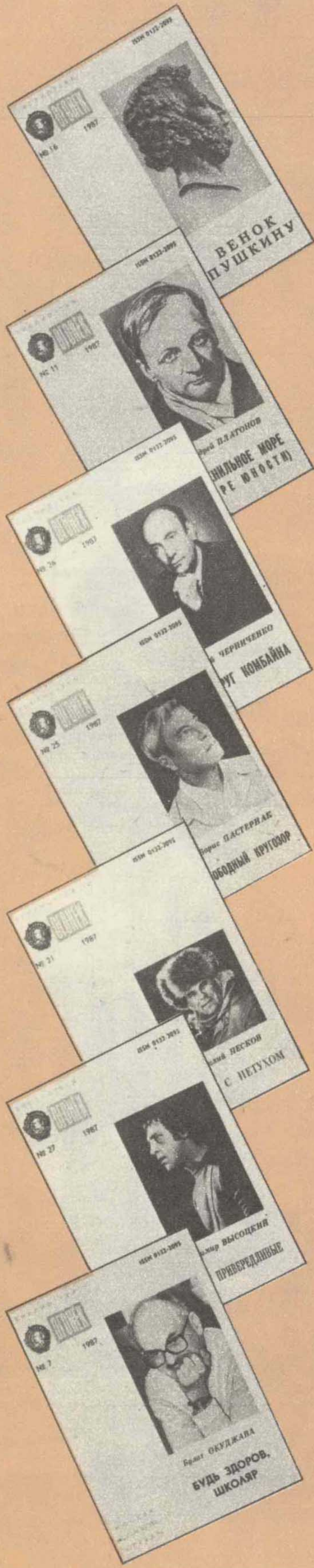
В последнее время в киосках «Союзпечати» невозможно даже увидеть книжечки серии «Библиотека «Огонек». Что случилось? Какие книги вашей «Библиотеки» вышли в этом году, что редакция намерена издать в будущем, 1988 году? Как и где можно подписаться на «Библиотеку «Огонек» или она поступает только в розничную продажу, становясь сразу недоступным дефицитом.

Ответ на эти вопросы ждут многие читатели «Огонька» и его «Библиотеки».

П. Иванов, инженер. Москва.

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

1987—1988

Серия «Библиотека «Огонька» имеет давнюю традицию. Произведения многих советских прозаиков, поэтов, публицистов, критиков, зарубежных художников слова приходили к читателям в этих маленьких белых книжечках. В год в «Библиотеке «Огонек» издается 52 книжки — по числу номеров нашего журнала. То есть каждую неделю читатели «Огонька» могут получить одну книжку «Библиотеки».

В 1987 году в нашей серии среди других вышли книги: Б. Окуджавы «Будь здоров, школяр»; сборники рассказов Ф. Искандера, М. Рождина, В. Конечного; повесть А. Платонова «Ювенильное море»; воспоминания Н. Ильиной об А. Вертинском «История одного знакомства»; записи бесед писателя П. Лукницкого с А. Ахматовой «Из двух тысяч встреч»; сборник воспоминаний В. Лакшина «Булгакиада»; сборник статей и очерков «Венок Пушкину»; сборник интервью, проведенных Ф. Медведевым с известными советскими писателями; книги стихотворений А. Деметьева, Д. Самойлова, Ю. Воронова; очерков Ю. Черниченко, В. Пескова, А. Боровика. В цикле «Литературное наследие «Библиотеки «Огонек» вышли книги стихов Б. Пастернака «Свободный кругозор», В. Высоцкого «Кони привередливые», будут изданы в этом году сборники М. Булгакова и Ю. Трифонова.

Этот далеко не полный перечень дает представление о работе «Библиотеки» в 1987 году.

В следующем, 1988 году редакция планирует издать в «Библиотеке «Огонек» сборники повестей и рассказов А. Битова, В. Маканина, В. Быкова, Р. Инанишвили, Г. Бакланова, В. Набокова, П. Романова и других авторов. Готовятся к публикации книги стихов А. Жигулина, Ю. Кузнецова, В. Корнилова, Б. Слуцкого, Н. Гумилева. Будут изданы очерки А. Стреляного, А. Басманова, Т. Ивановой. Готовятся сборники воспоминаний о В. Высоцком и М. Цветаевой, книга прозы поэта Арсения Тарковского.

В «Библиотеке «Огонек» выйдут также лучшие очерки на международные темы, опубликованные в нашем журнале в 1987—1988 годах, журналист О. Спасский и заслуженный тренер СССР Ш. Тарпищев работают над книгой-диалогом «Живой теннис». Будет выпущена книга «Интервью-1988».

В 1988 году редакция намерена издать книги крупнейших советских ученых, историков, литературоведов и искусствоведов С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова, Л. Н. Гумилева, И. С. Зильберштейна, Д. С. Лихачева, С. В. Ямщикова.

Подписка на «Библиотеку «Огонек» принимается без ограничения во всех отделениях связи. Цена подписки — 52 книжки в год — 3 рубля 12 копеек. Индекс 70668.

ГОРОД у ПОДНОЖИЯ СОЛНЦА

ОТЕЧЕСТВО МОЕ

Борис ЕРМАКОВ,
Дмитрий НЕБОГАТОВ (фото)

Так величали его еще до нашей эры. Называли его и «невестой мира». Бежит поодаль полноводная река. И она уносила на волнах в прошлое свои имена. Всякий завоеватель крестил ее по-своему: Яксарт, Танаис, Сайхун. Ныне ее зовут Сырдарья, что означает «Секрет-вода». Почему Секрет? А потому, говорят, что вода ее целебна...

Но не целительная влага влекла сюда чужеземцев. Место тут особое — перекресток торговых путей, один из коих — «шелковый». А еще тут плодородные долины, щедрое солнце, мягкий воздух, насыщенный ароматами цветов и трав, и горный хребет Моголтау, богатый, как сокровищница.

Несколько лет назад археологи пробили шурфы. Один из них достиг материка на глубине двадцать девять метров. Такова толщина культурного слоя, где сегодня находят материальные свидетельства живших тут за много веков до нас! Этот стратиграфический шурф пробит на территории сохранившейся крепости. Хотя какая там «сохранившаяся»? На снимках, давность которых можно измерить несколькими десятилетиями, графически четко видны грани и окружая башен и бастионов, зубчатые стены цитадели и древнего дворца Арка. А сегодня крепость напоминает, увы, глинистый бугор.

Берега Сырдарьи соединены мостом. За рекой выросли микрорайоны. Нужда в них была колоссальная. В 1985 году город испытал мощное землетрясение, от него пострадали и потеряли крышу над головой тысяча четыреста семей. В наиболее пострадавшем квартале Бофанда (Шелкоткач) выросли многоэтажные красавцы корпуса, а из тех семей, лишившихся крова при сейсмических толчках, в очереди на квартиру осталось примерно полтора. Многие сделано всего за два года! Но главный архитектор Ленинабада Д. Р. Рахматов не радуется.

— К сожалению, мы вынуждены строить так, как нам предписывают документы Госстроя СССР, — пояснил Джумабой Рахматович. — По сути, они демонстрируют формальное отношение к традициям. Люди прежде жили у нас в самостоятельной городской ячейке — квартале-махалля. В каждом был своеобразный центр с небольшой чайханой, прудом-хаузом, лепешечной. Словом, было место, где люди собирались, обсуждали насущные дела, отмечали сообща праздники.

Окна смотрят в окна — чего хуже! Но во дворах новая зелень: кустарники, молодые деревья, цветы. Видимо, еще срабатывает привязанность к хошарным [общим] работам. Но не придется ли местным социологам через несколько лет вводить в свою лексику непривычный для этих мест термин — некоммуникабельность?

Впрочем, у горсовета сегодня немало иных, не менее важных забот. Скажем, одна из самых актуальных — снабжение населения продовольствием. С заместителем председателя исполкома А. А. Абдулладжановым мы отправились в кооперативное подсобное хозяйство, у которого шестнадцать владельцев. В их числе — заводы молочный и консервный, строители, транспортники, газовики. Каждое предприятие вносит свою лепту — снабжает отходами производства для откорма скота, материалами и оборудованием. Построили довольно оригинальный коровник — углубили бульдозером балку в овраге, поставили стены, накрыли плитами и присыпали. В результате летом прохладно, зимой тепло. В подсобном хозяйстве неплохие для этих мест удои — намечено получить по 2300 литров от коровы. Глава семейной бригады, бывший газозлектросварщик Бирот Хакимов решил довести удои до 2500 литров.

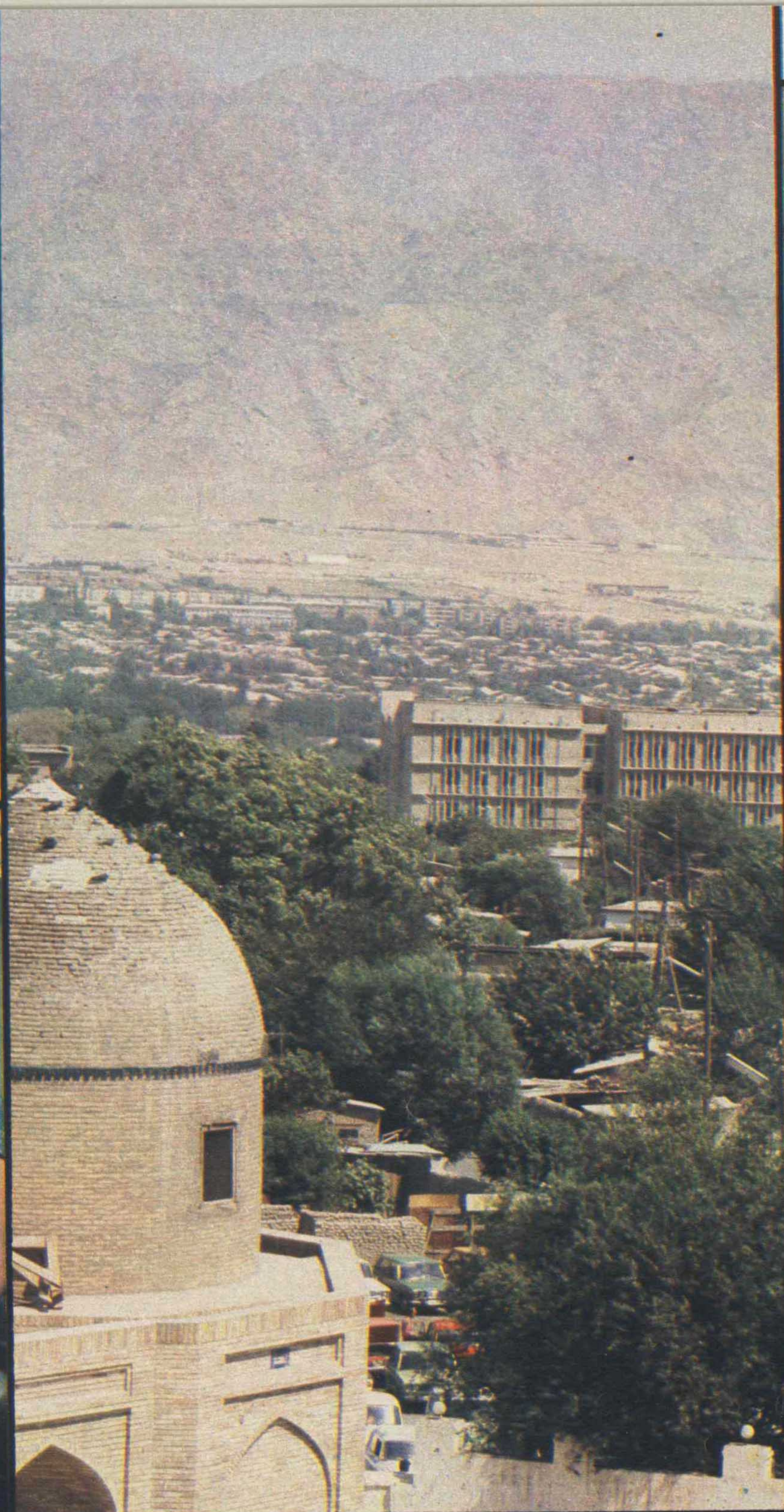
Со временем для коллектива подсобного хозяйства намечено возвести Дом культуры, и детский сад, и школу. Кстати, в Ленинабаде подобным новостройкам уделяют особое внимание.

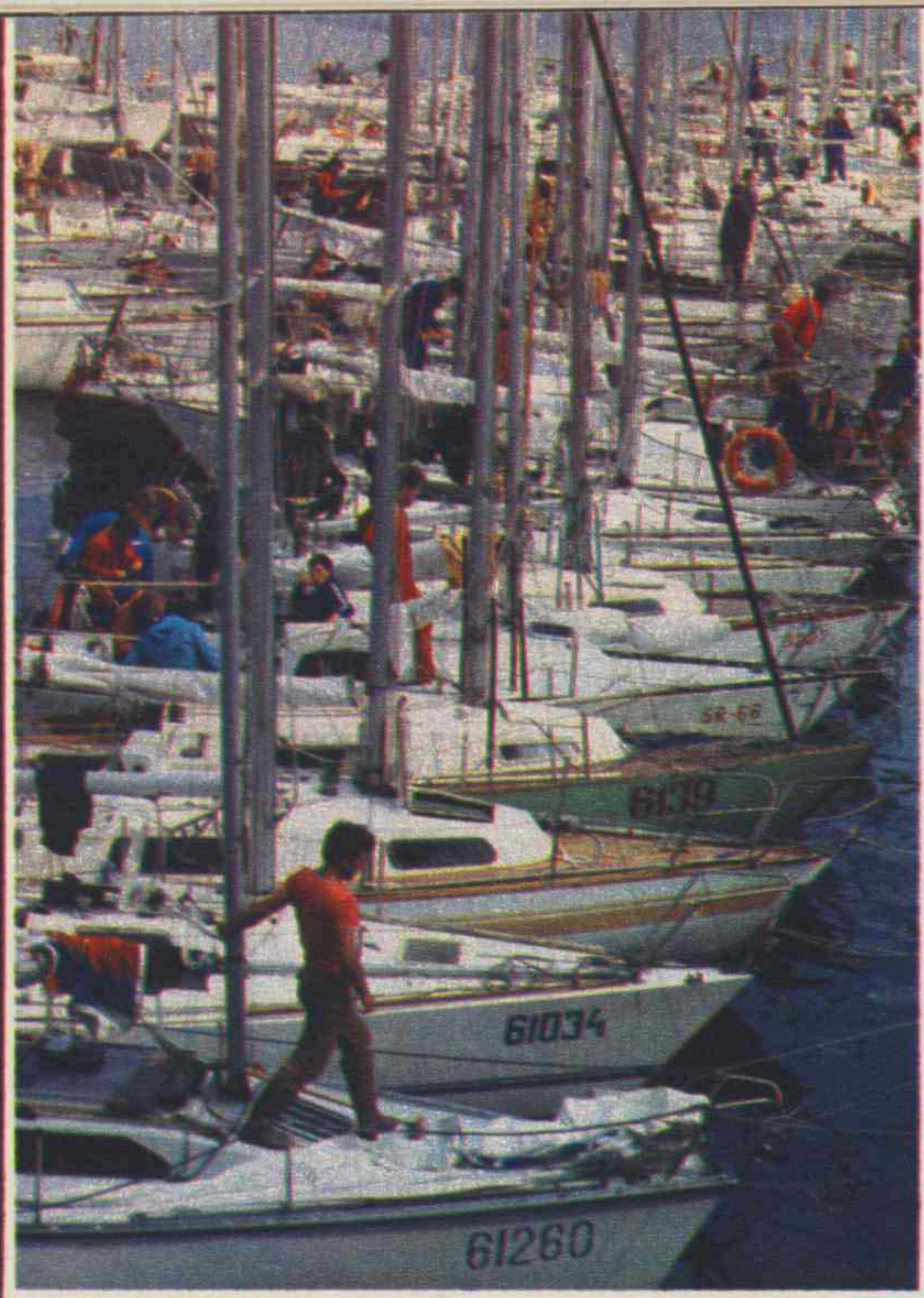
— В этом году сдадим сразу пять школ, — сообщил Д. Р. Рахматов. — А их мы без тира и бассейна не мыслим. В комплексе — стадион, столовая и кинозал на пятьсот мест. Строим кардиологическую больницу с поликлиникой на восемьсот посещений в смену, родильный дом, библиотеку на полмиллиона томов. Готов стадион для хоккея на траве, велотрек, входящий, по отзывам специалистов, в число лучших в стране. К 1990 году планируем построить крытый спорткомплекс...

Мы шли по городу, и главный архитектор показывал новые жилые дома с разнообразными лоджиями, цветные и яркие, они органично вписывались в зеленый наряд улиц, несколько не умаляя древних сооружений. Напротив, они не просто соседствуют, но и мирно уживаются.

...Пожилые люди степенно собирались у прохладных хаузов и пили чай. Мы решили последовать их примеру и отправились в облюбованную чайхану «Сырдарья» на берегу реки. Почему туда? Потому, что в ее оформлении участвовали лучшие народные мастера: резчик Абдуманон Хайдаров, художник по потолочным росписям Хасрулло Саидов. Они, их коллеги и друзья активно связаны с жизнью города, делают ее краше, многоцветнее, уютней.

ПОСЛЕ
ПРИСОЕДИНЕНИЯ
ХОДЖЕНТА
К РОССИИ
В 1866 ГОДУ
МНОГО ВОДЫ
УТЕКЛО
В СЫРДАРЬЕ.
9 ЯНВАРЯ
1936 ГОДА
ОН БЫЛ
ПЕРЕИМЕНОВАН
В ЛЕНИНАБАД.
О ТОМ,
КАК ЖИВЕТ
ГОРОД,
КОТОРОМУ
ИСПОЛНИЛОСЬ
2500 ЛЕТ,
РАССКАЗЫВАЮТ
СПЕЦИАЛЬНЫЕ
КОРРЕСПОНДЕНТЫ
«ОГОНЬКА».

ВСЕСОЮЗНАЯ РЕГАТА «ОНЕГА-87»
ПРИВЛЕКЛА НА СТАРТ БОЛЕЕ
СТА ШЕСТИДЕСЯТИ
ЭКИПАЖЕЙ
ЯХТ.

ПЕСНИ ВЕСЕЛЮ

Ш

Борис
РЯЗАНЦЕВ
Николай
КОЗЛОВСКИЙ
[фото]

квал

опаснее штиля. Но парусу любезен ветер, без него он бескрыл и немощен. И что может быть для яхтсмана тягостнее погасшего грота, поникшего стакселя!

А еще если туман, то и вовсе не по себе. Словно небо перевернулось и висишь вверх килем неизвестно в какой стихии. Без береговых примет, без солнца и звезд. Только с компасом, с курсом «вслепую»... То ли дело гонка!

Лодка взлетает на крутом ветре и, кажется, лишь днищем задевает веселые «барашки». Висят матросы на открене, и румпель, как живой, играет в жесткой руке капитана. Летит яхта, летит!

Яхтсмены говорят — глиссирует. Скользит по волнам все быстрее, все ближе к буйку, у которого крутой вираж, и — к новой цели. И уж тут, поймав свой ветер, умножь его на миг удачи. На свою безудержную тягу к финишу и стремление к победе. И тогда, быть может, на попутном, под гул спинакера, надувшегося колоколом, и обойдешь другие лодки. А их так много! — у причала просто лес мачт.

Все представительнее становится всесоюзная регата на призы газеты «Советская Россия». В «Онеге-87» участвовало на этот раз более ста шестидесяти яхт из РСФСР, Украины, Белоруссии, Латвии, Эстонии. Через все сюрпризы погоды прошли в своих классах с лучшими результатами экипажи яхт «Шаман» из Чебоксар, московский «Бигль», одесский «Маэстро», «Северное сияние» и «Асмодей» из Ленинграда.

Приз «За волю к победе» заслужила ярославская команда «Каприз», приз «За честную борьбу» получили экипажи «Дэви», «Глория», «Пингвин», «Заря», помогавшие на воде своим соперникам.

О ВЕТРА

А. А. АЛЯБЬЕВ.
1820-е гг.
Неизвестный
художник.

Жизнь Александра Алябьева — это поток стремительных событий и загадочных ситуаций: война и музыкальные салоны, опасные боевые походы и сверкающие водевили, знатное происхождение и длительное изгнание, блеск таланта и крушение надежд, ссылка и великолепный взлет творчества, замечательные сочинения и клеймо убийцы, и долгое забвение самого лучшего из того, что он создал. Его знаменитый «Соловей» начал свой триумфальный полет по свету из зарешеченного окна тюремной камеры.

РУССКИЙ СОЛОВЕЙ

Эдда ЗАБАВСКИХ, Тамара МАКАРОВА

«Соловей мой, соловей, голосистый соловей...» Наверное, на всей земле нет любителя музыки, который не знал бы этого романса. «Соловей», «русский соловей» — называем мы наших выдающихся певцов. А первый, кому дали это имя, — создатель романса, волею судеб ставшего самым известным, навек прославившим его произведением.

В этой славе его счастье и трагедия. Русская песня «Соловей» таит в себе драматичный рассказ о трудной судьбе. Александр Александрович Алябьев — автор не только замечательного «Соловья», «Иртыша» и других романсов. Современник М. Глинки, А. Грибоедова, А. Пушкина, П. Булахова, А. Верстовского, А. Варламова, он одновременно один из основателей русской классической музыки, оперной, симфонической, камерной, инструментальной и вокальной. Большинство его сочинений малоизвестны, но не потому, что недостойны великих современников Алябьева. Случай, искалечивший жизнь этого человека, сыграл ту же роль в судьбе его творений.

Александр Алябьев родился в 1787 году в городе Тобольске, тогдашнем административном и культурном центре Сибири, в семье правителя (губернатора) Тобольского наместничества. И так сложилось, что город, ставший свидетелем наивысшего расцвета его таланта, местом рождения и звучания самых значительных его произведений, стал и постылой, томящей и горькой тюрьмой: именно здесь (потом в Оренбурге) отбывал он долгую ссылку за несовершенно преступление.

Друг прославленного поэта и гусара-партизана Дениса Давыдова, горячий и пылкий, Алябьев сражается рядом с ним с тем же романтическим воображением и страстью к приключениям в составе партизанского отряда, участвует в знаменитом взятии Дрездена. Его доблесть особо отмечена в сражении у реки Кацбах в Силезии, где он принимал непосредственное участие в захвате в плен «неприятельского генерала по сдаче его с двумя батальонами и двумя пушками». Горячие бои и героические атаки в рядах Ахтырского гусарского полка, командиром которого вскоре был назначен Денис Давыдов... Ордена Анны 3-й степени и Владимира 4-й, медаль в честь войны 1812 года... В боевом формуляре Александра Алябьева записано, что он, будучи «употреблен в самых опаснейших местах, везде отлично исполнял данные препоручения». Мог ли он знать, что скоро с позором будет лишен заслуженных наград!

...Катастрофа разразилась в феврале 1825 года. Один день изменил всю жизнь. В гостях в доме Алябьева воронежский помещик Времев, давний приятель композитора, нечестно повел себя в карточной игре. Пощечина, оскорбления, угрозы вызова на дуэль, но в конце концов миролюбивое расставание. Однако через три дня Времева скоропостижно скончался под Москвой на постоялом дворе в деревне Чертаново. Городовой лекарь свидетельствовал смерть от апоплексического удара. Тем не менее через полмесяца после похорон Алябьев и его друзья были арестованы по обвинению в убийстве.

«...Плохо попасть в полицию, имея при себе деньги, но еще хуже попасть туда, не имея их совсем», — горько констатировал композитор. Все дальнейшие действия «правосудия», эксгумация и новый судебно-медицинский осмотр тела имели цель во что бы то ни стало установить факт убийства. И его установили, вопреки здравому смыслу: смерть наступила от разрыва селезенки при побоях. (Хотя было ясно, что при таком диагнозе человек не мог бы прожить и суток, тем более три дня, во всяком случае, без невыносимых болей, между тем Времев эти три дня продолжал обычную свою деловую жизнь).

Лжесвидетельства, донос, фабрикация новых уличающих фальшивых документов, странная «память» свидетелей обвинения, подкуп и запугивание слуг, подписание городовым лекарем свидетельства о смерти (полностью опровергающего его первый протокол), подтасовка доказательств в пользу обвинения и сокрытия материалов, цен-

ных для защиты, — все это еще не полный перечень действий представителей законности. Разбирательство закончилось обвинительным приговором: Алябьева и троих его друзей, лишив чинов и дворянства, отдать в солдаты, а за негодностью к военной службе сослать в Сибирь на поселение, подвергнув к тому же церковному покаянию...

Чем же объяснить столь заинтересованные и целенаправленные действия обвинителей? Ведь полицейские чиновники постарались, чтобы дело приняло широкую огласку, чтобы аргументы обвинения приняли в обществе формы бесспорных фактов.

На этот счет есть разные мнения и догадки. Отсутствие в то время единого свода законов и устаревшие, противоречивые законоположения, процветающие взяточничество и крючкотворство чиновников, возможно, даже зависть к положению, таланту. И, конечно же, сыграло свою роль роковое стечение обстоятельств: приговор по делу смерти Времева был вынесен через девять дней после восстания на Сенатской площади. Напуганные политическими событиями, московские судьи особенно выслуживались, строго карая всех «преступивших закон».

Судебное дело затянулось на несколько лет.

Обвиненные тем временем томились в заключении. Алябьева содержали в городской тюрьме почти три года в тяжелых условиях. Удивляет и восхищает мужество впечатлительного человека с хрупкой, легко ранимой душой художника. Тюремная камера стала его рабочим кабинетом. Здесь он создал много замечательных сочинений: музыка к водевилю «Три десятки, или Новое двухдневное приключение» (совместно с А. Верстовским), оперу-водевиль «Утро и вечер», несколько сложных концертных произведений, фортепианные пьесы, песни и романсы.

Большинство его произведений этого периода поражает своим внутренним светом, безмятежностью, радостным мироощущением: композитор не чувствовал себя виновным, его совесть была чиста, но подспудно прорываются смутные предчувствия, а главное, гнетет разлука с друзьями, близкими, любимой девушкой. (В тюрьме Алябьев узнал, что ее, Екатерину Александровну Римскую-Корсакову, насильно выдали замуж). В самый разгар судебного разбирательства написан прекрасный Третий струнный квартет, в основу третьей части которого — адажио — положена мелодия романса «Соловей». Теперь эта тема станет для него символом тоски, неволи, разлуки. Истина реального страдания естественно выплеснулась глубокой искренностью, художественной правдой.

Автор текста А. А. Дельвиг назвал свое произведение Русской песней. Поэтическая и мелодическая образность, задушевность, выразительная простота действительно впитали в себя интонации крестьянских и городских песен. Народен и сам образ соловья, героя многих легенд и сказок.

Увы, наши современники не знают того «Соловья», каким он был рожден авторами. Уже давно поется всего одна строфа Русской песни Дельвига, а благородно-простая мелодия Алябьева обильно украшается виртуозными руладами, имитирующими соловьиные трели. Сегодня мы и не можем представить романс без этих красивых рулад. Однако в оригинале их не было. Зато была горестная песня-рассказ о печальной судьбе. Вот дальнейшие строки этого рассказа, которых мы не слышим:

Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаячи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря
На чужие берега.
Побывай во всех странах,
В деревнях и городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли у молодой

Дорог жемчуг на груди,
У меня ли у молодой
Жар-колечко на руке,
У меня ли у молодой
В сердце миленький дружок:
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел;
В зимнюю ночь на руке
Распаялось кольцо.
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.

«Иногда в музыке нравится что-то совсем неуловимое и не поддающееся критическому анализу», — писал П. И. Чайковский. И дальше говорил о «Соловье» Алябьева: «По отзыву авторитетов — это верх пошлости... а я не могу без слез слышать» этот романс.

Петр Ильич думал о том, что можно написать на тему «Соловья» оркестровую фантазию «со всем аппаратом серьезной симфонической разработки». А. Глинка, написавший в 1833 году на мелодию «Соловья» фортепианные вариации, в конце жизни вновь вернулся к этой теме, создав переложение для голоса с малым симфоническим оркестром.

Для каких только инструментов, ансамблей, оркестров не перекладывали романс Алябьева, в какие только жанры он не перевоплощался! Известны переложения и новые сочинения на темы «Соловья». А. Гурилева, гитариста М. Высоцкого, скрипачей, виолончелистов, пианистов, арфистов. Вся Европа услышала «Соловья» в знаменитой транскрипции Ф. Листа.

Впервые романс прозвучал 7 января 1827 года на сцене Большого театра. Хотя в песне Алябьева — Дельвига о печальной судьбе своей толкает девушка, первыми исполнителями «Соловья» были не певички, а известные певцы-тенора: Павел Булахов, Александр Бантышев, которого называли «московским соловьем», Николай Иванов. Анна Петровна Керн вспоминала: «Бывая у Дельвига, Иванов пел его соловья и своим мягким, симпатичным голосом придавал этому романсу прелесть и значение, которых жаждал поэт».

«Соловей» сразу зазвучал повсюду — в театрах, на великосветских концертах и провинциальных вечеринках. Его пели русские артисты, цыгане, приезжие гастролеры: воспетая Лермонтовым Прасковья Бартенева, завовавшая Пушкина цыганка Таня, гордость немецкой оперы Генриетта Зонтаг — первая иностранка, исполнившая «Соловья», по мнению современников, понявшая душу его, украсившая «конец всякого куплета... русского вкуса вариациями собственного сочинения», сохранившая «песне сей всю ее трогательную красоту». И с той поры не было в Европе певички, обладающей высоким голосом, что не пела бы «Соловья». А знаменитая Полина Виардо включила его в оперу Россини «Севильский цирюльник» в сцену урока. Ее примеру последовали виднейшие европейские артистки, среди которых была и очаровательная Аделина Патти.

...А для самого Алябьева «соловьиная тема», ставшая для него темой разлуки и печали, не кончилась. Перед отъездом композитора в ссылку (в феврале 1828 года) один из его знакомых, Николай Андреевич Кашинов, написал стихи, которые какое-то время тоже приписывали Дельвигу. Алябьев сочинил на них новый романс, названный «Прощание с соловьем»:

Ты прости, наш соловей,
Голосистый соловей!
Тебя больше не видать,
Нам тебя уж не слышать.
Твоя воля отнята,
Крепко клетка заперта...

Песня об узнике вызвала большое сочувствие публики: она напоминала об осужденных декабристах. Не случайно текст нового романса (еще с одним, названным «Разлука с милой») был доставлен в тайную канцелярию Бенкендорфу с сообщением: о том, что «оба романса в Москве

производят фурор; они поются и слушаются с величайшим вниманием». Не случайно и то, что даже в памяти современников композитора слились воедино разные события разных лет: отъезд в изгнание композитора Алябьева, первое исполнение «Соловья» в Большом театре и отправка на каторгу декабристов.

После нескольких лет сибирской ссылки, когда больному композитору разрешили выехать лечиться на Кавказские Минеральные Воды, переводчик Тобольского почтамта Иван Иванович Веттер поднес ему новый «соловьиный» текст, на который Алябьев написал музыку. Так появился романс «Прощание с соловьем на Севере» (с хоровым припевом «Ты прости, наш соловей, голосистый соловей»), заключивший своеобразный музыкальный триптих о соловье, объединенный темой расставания:

Улетай, наш соловей,
С хладна Севера скорей,
Отдохни в стране родной
После бури роковой...

Соловей-Алябьев не оставлял ставшую любимой и важной тему. Он вновь вернулся к ней на новом месте ссылки, в городе-крепости Оренбурге, создав новое сочинение на слова И. И. Лажечникова «Сладко пел душа-соловушка»:

...Не забыл он песнь заветную;
Все про край родной поет,
Все поет в тоске про милую,
С этой песней и умрет.

В 1840 году пятидесятилетный Александр Александрович обрел наконец свое гнездо, женившись на овдовевшей Е. А. Римской-Корсаковой (по мужу Офросимовой). Но в гражданских правах не был восстановлен до конца жизни. Изменилось, правда, место ссылки — теперь это была Коломна. Но и близко от любимой Москвы он был лишен возможности бывать в столице, общаться с дорогими друзьями. Случалось, по нескольку дней жил композитор в дорожной карете, пользуясь правом бывать в Москве проездом...

* * *

Александр Александрович Алябьев скончался в 1851 году. Шестьдесят четыре года жизни, из них двадцать шесть в тюрьме и изгнании. Но, несмотря на тяготы судьбы, написал более 450 произведений. Среди них шесть опер, балет, более двадцати опер-водевилей, много сочинений для симфонического и духового оркестров, музыка к драматическим спектаклям, для голоса с оркестром, хоры «a cappella» и с сопровождением, пьесы для различных инструментов с фортепиано, камерные ансамбли, обработки песен различных народов России, наконец, свыше ста шестидесяти романсов. И все это создания высокохудожественные, одухотворенные выдающимся талантом, нередко стоящие в одном ряду с сочинениями великих русских композиторов.

Еще до Глинки Алябьев стал записывать и гармонизовать песни разных народов — украинцев, киргизов, башкир, кавказцев, используя их в своем творчестве. И никто до него не проявлял такого интереса и внимания к поэтам-современникам. Алябьев писал романсы на стихи Дельвига, Жуковского, Дениса Давыдова, Дмитриева, Козлова, Вяземского, Веневитинова, Языкова, Бестужева-Марлинского, Огарева, Лермонтова, Кольцова... 21 романс написан на стихи Пушкина, из них пятнадцать при жизни поэта. Первым из крупных русских композиторов создал музыку к постановкам по пушкинским «Русалке» и «Кавказскому пленнику». Кто знает, какое бы место занял Алябьев в истории отечественной музыкальной культуры, если бы иначе сложилась его жизнь или хотя бы было доступным для современников и ближайших потомков его богатейшее наследие. Увы, так случилось, что архив Александра Алябьева открыли и стали изучать только в 30-е годы следующего, двадцатого столетия, и только сейчас объективно выявляется его истинный вклад в русскую музыку.

Многогранность жанров и форм произведений, красочность оркестрового звучания, оригинальные стилистические приемы, найденные Алябьевым, отразились и продолжились в творчестве последующих композиторов. Его поздние романсы по музыкальному языку и выразительности близки к романсам и песням Даргомыжского и Мусоргского, контрасты насыщенной кантилены с речитативной декламацией предвосхищают романсы Чайковского, а открытый им степной Восток ярко разольется в полвековых сценах бородинского «Князя Игоря»...

Никто не знает, что еще могут найти для себя современные исследователи, композиторы и слушатели в пока еще малоизученном наследии Алябьева. Во всяком случае, это обязательно будут находки, озаренные светом личности богатой, многогранной, любящей, не сломленной самыми жестокими ударами судьбы, выстоявшей под ними гордо, без уныния, с завидным несгибаемым порывом к свободе, как его бессмертный вольный Соловей.

Ушла звезда соловьиная...

Николай ГОЩИЦКИЙ

У ВОЕННЫХ

Штаб располагался в бункере. Спустившись по лестнице, проходишь мимо рядов сколоченных нар. По нарам — тела, босые ноги, храп. Свободные от караула солдаты здесь живут, питаются, спят. Пройдешь между рядами нар метров сто и упрешься в дверь с надписью «Штаб». Беспреданно хлопает дверь, идут и идут люди.

Штаб — узловое место. Здесь уйма майоров, подполковников, и все молодые. Над ними один полковник. Ему за пятьдесят. Я знаю их всех, зову по именам, лишь иногда сорвется: «Товарищ майор!» А так отношения теплые, мы все помогаем друг другу.

Два десятка столов, планшеты, карты, разложенные на столах, телефоны. Гул и жужжание. Тут же рядом каморка, где можно прилечь, и рядом с лежанкой груды ящиков с минеральной водой, пепси-колой. Мне иногда казалось, что за день я выпиваю по ящику, так хочется пить от влажной духоты здесь, в бункере. Спасибо, еще никто не курит: запрещено.

Полковник работает больше всех. Он невысок, глаза его умны, движения резки и торопливы. Сорванный хриплый голос звучит нечасто, но повелительно. Слово его — закон, но надо видеть, как наливается грудь и напрягается шея, когда в бункере неожиданно появляется генерал.

«Товарищи офицеры!» — кричит, привлекая внимание, оперативный дежурный. Все вскакивают и, замирая, вытягиваются. Генерал садится и начинает решать вопросы, которые, как орехи на блюде, подносят ему подчиненные. Он делает это быстро и грациозно, точно колет орехи зубами.

— Так... Что у тебя? Когда? Все понял!

— Майор, подойди-ка сюда... Не может быть. А я говорю — сделать надо, и все, как они говорят!

— Выполняйте!

— Ты слышал?... Ну и сделай! И чтоб я к этому больше не возвращался.

Однажды я пожаловался на постоянные «проколы» с техникой, которую заказываешь на завтра. Он устроил разнос всем ответственным за это дело и затем сказал: «Решите вопрос и доложите мне!» «Есть!» — ответили ему, и генерал ушел, кивнув мне, мол, все будет в порядке.

Все, напротив, осталось по-старому. Я не удивился, ибо чувствовал, что сломать «глухой телефон» в системе заказов не под силу даже генералу. Заявка записывалась в журнал и потом передавалась дежурным по телефону в штабы окрестных бригад. Те, в свою очередь, передавали их ниже — в подразделения. Связь была неважная, дежурный орал в трубку так, будто хотел ее съесть, хрипел и просил повторить сказанное. В ответ что-то там говорили, дежурный согласно

кивал головой, а на другой день техника приходила не та или не в том количестве, что я заказывал. Ой, как приходилось крутиться потом на плацу в присутствии заказчиков от цехов!

В штабе можно было заказать бронетранспортер с военным дозиметристом в придачу. Отвечал за это и еще за многое другое штатский — оперативный дежурный от ЧАЭС. У него было два телефона, и он ухитрялся знать все про всех или почти всех. Он мог сказать про любого, где он находится, или вызвать его по громкоговорящей связи, надо было только погромче и почаще кричать.

Дежурные менялись по вахтам. Пришлось познакомиться с каждым.

Один из них, Герман Петрович, был крупный мужчина из тех, что так нравятся женщинам, и голос его завораживал. Была в нем бравая бархатистость в сочетании с ленивой неторопливостью. «Коля, — говорил он, — ты что-то разбегался, сядь, посиди, она не убежит», — имея в виду оперативку, и я покорно садился. Большие люди всегда имеют надо мной какую-то власть...

«Послушай меня, старого дурака, — сказал он однажды, блеснув белыми зубами и положив на стол огромные свои руки, — обманут вас, как другу, скажу тебе, обманут... Вы требуйте зачисления в штат, не то не видать вам зарплаты. Я старый клоун, ты слушай меня. Ты знаешь, я мог не сидеть здесь с тобой. Меня в декабре еще поперли из замов по второй очереди, я в мастера тогда пошел. Есть справедливость в жизни! Где теперь оба зама, знаешь? Ну, чудеса, вот так оно, Коля...»

Я знал, где оба зама: они находились в ту ночь на щите управления, как и многие другие. Находились, пока не попадали в обморок от полученной дозы. Потом оба погибли в Москве, мучительным, трудным был их конец, как и всех, кто умирает от переоблучения. А Гера вот здесь. И мысль о том, что ему фантастически повезло, не дает ему уgomониться. Похоже, он все не верит и проигрывает в мозгу ситуации, в которых тогда мог очутиться, и снова и снова пьянеет от счастья. «Тебе повезло, Гера, — говорю я и меняю тему разговора. Но он нет-нет да и возвращается к своему чуду.

Усатый и важный завскладом лежал на «кушетке» в одном из закутков. Был он похож на кота, которого уже не волнует сметана, и считал дни до пенсии, которых оставалось меньше десятилетия. Ребята с моей «подачи» организовали ему помыв склада, до известных пределов по «бета», и от этого он полюбил меня и проникся уважением. Он все говорил, и любимой его темой была радиация и влияние ее на последующую нашу жизнь и здоровье. «Коля, скажи, а что эти вот шитики, что летают, и есть гамма? А бета?.. Мгм! А альфа?..» и т. д. и т. п. Шитиками он называл частицы. Простой был мужик, ничего, кроме радиации, не боялся.

В штабе я проводил почти половину своего рабочего дня. Остальную часть времени приходилось делить между разводами, «лазаньем» по

Окончание. Начало см. в № 38.

территории и дезактивацией вместе с ребятами. Ну да они сами все умели и знали. Я же был в роли диспетчера по технике и верстал цеховые заявки, которые потом через штаб уходили в бригады.

Такая была работа.

ПРИПЯТЬ

Припятъ, этот белый корабль, плывет по своему морю, покинут экипажем и вычеркнут из живых.

Впервые мы увидели город, поднявшись на крышу машзала. Дохлые птицы валялись у ног. Говорят, во время заброски мешков с вертолетов вороны тучами кружились неподалеку: их интересовало, чем заняты люди. И каждая летевшая в пекло связка мешков сопровождалась черными птицами, ныряющими в самый дым.

Двести метров по крыше было до провала. Зияла пропасть — обрушенные балки, кирпичи, обрывки трубопроводов, яркие «туши» циркуляционных насосов, округлые бока емкостей — все свалено, все вперемешку с мусором, каким-то тряпьем и опутано стропами парашютов. Копоть на устоявших обломках. Изогнута, покорежена арматура. Невестка как уцелевшая труба над провалом окрашена в черно-белую клетку.

Полоса сожженного радиацией леса уходила далеко к горизонту. Она касалась крайних домов города, белоснежных под ослепительно ясным небом. Но все же земля возле самого города оставалась зеленой. Туча не тронула города и, пролетев мимо, только заразила его своим дыханием.

— Мы едем в Припятъ?

— Едем, едем... Вот женщин толькождемся. Один из местных, припятских, с кем мы работали, — Володя — давно обещал нам эту поездку. Мы в бронетранспортере. Нас шестеро мужчин и две женщины.

Пятнадцать минут езды — и вот мы у первых домов.

Аккуратный и чистый город.

Я видел однажды, как крутили в «Сказочном» любительский фильм о Припяти. Сидели женщины с красными глазами, мужчины молчали, сложив на коленях руки. Они любили свой город и, потеряв, видели его другим, непохожим на то, что увиделось мне.

Обычные дома, обычные деревья. Магазины и площади, белые столики, стулья — кафе под открытым небом, — их не успели убрать. Так и осталось белое на балконах. Рубашка в клетку, детские ползунки; полощет по ветру забытый на веревке бюстгальтер и трусики рядом. Из детства всплывает история про мальчугана, который шел по городу, где не было людей и можно было пользоваться всем и делать, что захочешь. Он и ел, и играл — все быстро надоело. В конце концов он проснулся. Но здесь не сон, и квартиры полны вещей, в барах стоит вино, ковры и мебель — все цело.

Я шел по земле, забывшей людскую поступь.

Пустые глазницы окон темнели, не отражая ничего. Пустели песочницы, и горка, и качели на детской площадке. Резной деревянный идол застыл в неизменной гримасе, никого не веселя. Ни звука и ни движения. Лишь только ветер стучит где-то форточкой.

И вдруг...

Я не увидел, скорее почувствовал живое движение там, в глубине двора, где невысокая изгородь поросла густыми кустами. Свернувшись клубком, лежала собака. Заслышав шаги, она подняла голову. Обычно зверь не выдерживает взгляда, эта смотрела невидящими глазами, не отрываясь. Слезливы, мутны были ее глаза. Я свистнул. Она попыталась встать, и я увидел лапы — две розовые культики без шерсти и в темных пятнах. Она не смогла сделать и шага, пошаталась, потом улеглась опять, покорно ожидая чего-то.

Люди! Вы сильны и жестоки, создаете то, чего не способен объять ваш разум. Вам не дано предугадать последствий дел, творимых вашими руками. И вы не думаете ни о ком, кроме как о себе, — о человеке, о его счастье, о справедливости. Горе, которое выпало вам, неизмеримо. Но кто скорбит по погибшим животным, кто оплачет их, не понявших, не умеющих убежать-улететь от беды?..

Инстинкт не сработал. Животным тварям пришлось тяжело: про них просто забыли в суматохе — людей бы не забыть... А когда вспомнили, то начали отстрел — гуманность того требовала. Собаки в Чернобыле долго потом бросались под ближайший забор, заведя человека. Здесь, в Припяти, не стреляли. Здесь ползали по земле полуживые, истерзанные болью меньшие мои братья. Птицы, как будто вылезшие из воды, с кучами сваливавшимися перьями — ни летать, ни ходить. Собаки с проплешинами на впалых боках и изрыгающие пищу, которую только что проглотили. Домашние кошки с нечистой, словно прожженной местами, шерстью — и тоже не могут ни есть, ни пить толком. Они существуют здесь уже больше месяца, а желудочный тракт поражается радиацией в первую очередь. Одно утешает: недолго им ползать осталось.

Поруганной и оплеванной открылась мне душа зверя, когда я стоял так среди кустов над издающим псом. Угасающая собака, чья жизнь шевелила во мне эти мысли...

Мы возвращались. В транспорте стало тесней от баулов и мешков, которые притащили из дома женщины.

— А чистые они, вещишки-то?

— Чего им грязными быть! — заволновались они.

Ну, конечно, окна закрыты — успели законпатить перед эвакуацией. Что налетело в квартиру через щели, осело на подоконниках, стенах, коврах. А баракло все по шифоньерам, стенным шкафам — ему никак не «запахаться». Вот и набили мешки всяким разным: были тут и любимые полотенца, игрушки, блузки да кофточки, бритвенные приборы — многое из того, что было не дорого в прошлой жизни и чего так не хватает теперь.

«Квартира-то вскрыта, — жаловалась та, что помоложе. — Нет, не ключом, прямо взломана... Нет, вроде все цело, а золото я еще в первый раз увезла. Вот только бар совершенно пустой. Все выгребли, сволочи! Кому-то понадобилось...»

На выезде мы остановились возле двухэтажного дома. Отряд МВД, контролирующий Припятъ, располагался в нем. Человек десять разных «чинов» — от рядовых до капитана. Маленький, остроглазый был тот капитан, с недовольно поджатыми губами. Молодая попутчица наша пошла доложить о взломанной квартире, и капитан изъявил желание проехать с ней посмотреть все на месте, заодно и квартиру опечатать. Он забрал одного из солдат, женщину и вместе с ними уехал.

Мы вылезли из тесноты БТР и, сдвинув лепестки, попрыгали на траву. Прошло около получаса. Подъехал капитанский «уазик». Открылись дверцы, капитан быстрым шагом направился внутрь здания. За ним семенила женщина. Она обернулась и махнула рукой, Володя, сорвавшись, бросился за ней.

Их не было долго. Вдруг вышел Володя и, матерясь, хватил кулаком по железному боку транспортера.

— Вот сука! — говорил он, и рыжее в веснушках его лицо стало совсем кирпичного цвета. — Давай, говорит, составляем акт, машина не ваша, угнанная, а вы мародеры, я вас задерживаю.

— Он что, просил у нее? — спросил всю дорогу молчавший шофер и постучал по горлу.

— Просил скребать-разгребать! — чуть не плача сказал Володя.

— А что ж, не дала?

— Да, говорит, нету. — Володя плюнул, а шофер замолчал, отвернувшись.

Они работали вместе уже длительное время, и развозил он людей по объектам, до многих из которых было значительно дальше, чем до Припяти. А тут всего лишь каких-нибудь три километра, вот он и согласился...

Эх, была не была!

— Куда ты, Коля?

— Подождите, — отмахнулся я, заходя в дом.

Капитан сидел за столом и что-то строчил в бумагах. Заплаканная молодая злобно смотрела в аккуратный пробор.

Когда я вошел, он не повел и бровью. Написав что-то еще, неторопливо поднял голову. Зыркнул цепким взглядом и задержался на «ДРГ», висевшем на моем боку.

— Что происходит? — сказал я неестественным голосом, изобразив, как мог, крайнее возмущение происходящим. Волнение сработало на меня.

— Что надо, то и происходит! — последовал мгновенный ответ. — А вы кто такой?

— Руководитель съемочной группы, — отчеканил я и сжал краснеющий бок «ДРГ» — дозиметрического радиометра, напоминавшего кинокамеру. — И это — безобразие! Мы полчаса уже потеряли по вашей милости.

Он дернулся было что-то сказать, но я «завелся» и не давал вставить слово. — Я вижу все, что здесь происходит, и вижу все, что вы тут делаете. Я этого так не оставлю, не надеюсь. Завтра же все доложу Николаю Федоровичу.

Сам повернулся и вышел. Не слушая, не оборачиваясь.

Минут через пять показалась она. Бежала к нам, а на лице у ней было написано, что все получилось как надо.

— Скорее поехали!

Нас не пришлось долго упрашивать. Мы забрались в транспортер и затряслись на своих сиденьях. Оказывается, после того, как я вышел, капитан сначала ругался, а потом изорвал все бумажки, которые успел написать, и сказал ей, уходи, мол, и чтобы больше я вас здесь не видел.

— А кто это Николай Федорович? — спросила она вдруг с уважением.

— Не знаю, — признался я, — пришло как-то в голову...

— Ну... — протянула она удивленно и рассмеялась.

Белели вдали дома уходящей Припяти. Мы возвращались на станцию.

ГДЕ ОБЕДАЛ ВОРОБЕЙ

Ну где-то ведь должны были мы питаться, хотя кругом грязь, пыль, радиация.

Первые дни мы питались в столовой, что в «Сказочном». Обильными, вкусными были обеды. По вечерам, надев «выходные» белые рубы, мы танцевали с девчонками, которые готовили для нас. Все они были из Киева, и все — не старше шестнадцати. Мы танцевали с ними, неловко прыгая в тяжелых ботинках. Пушок на щеках да румянец, вот только руки у девочек красные и натруженные за день.

На станции вначале питались всухомятку. Пакет, состоящий из банки сока, куски колбасы, консервов, был единственной нашей пищей за смену — четырнадцать (с дорогой вместе) часов в сутки. Еды-то хватало, но без горячего трудно. Страдали наши желудки.

Попробуй накорми горячим в условиях радиоактивной грязи две тысячи человек! Но невозможное стало возможным. Добился этого мужик один. Невысокий и кряжистый, хромой и усталый, появлялся он на оперативках и медленно говорил о том да о сем — что сегодня сделано и какие проблемы.

Я знал его по Белоярке. Тогда он был помоложе и хромал как-то бодрее. От сказанного слова до дела недалеко у него было, его уважали в народе, поселковая «знать» относилась к нему с почтением. Таким он уехал.

В Чернобыле сломали его в два года. Похоже, он и не привык и не мог так работать. Не тот, видно, стиль, да и шея не гнулась где надо — отвыкла за долгие годы «царствования» в уральском поселке. Попал камушек в жернова — затерли!

Он был вызван сюда со Смоленской, так как мог делать то, что не давалось другим. В решительную минуту не до амбиций, и он сразу взял все хозяйственные бразды в свои руки. Крепкие еще были. В дни сделал то, что за месяц не получалось у предшественников.

Столовая, санпропускник к ней, подвоз горячей пищи из Чернобыля — все было сделано в краткий срок. Санэпидемстанция наложила за-

прет — ведь грязно, опасно для жизни, риск слишком велик. Сумел убедить: риск оправдан, когда речь идет о голодных желудках работающих людей. Он многое делал. И вид его в неизменных зеленых штанах, рубашке военного образца и кепке-«афганке» всегда вызывал уважение. Вот вижу: идет он, ступая по переходам, — хромою и тяжелый, взваливший нелегкую ношу.

В Чернобыле было четыре столовых. Одна поражала воображение. Там накрывали столы и были приборы на скатерти. Мы мчались туда на ужин, заранее предвкушая, как станем резать ножом колбасу, сыр и кусочек печени. Одна оставалась радость. Но счастье было недолгим: столовая состояла на военном довольствии, и вскоре мы были изгнаны после очередной смены талонов. Командовал здесь один полковник, и нам довелось с ним встретиться при странных весьма обстоятельствах.

Оставшись без талонов, мы стали перед выбором: ужинать в кафе неподалеку от дома, где кормили за деньги, либо в другом месте — в заведении, которое мы окрестили «столовой призрака». Там кормили бесплатно, сытно, но разнообразно: суп из тушенки, каша с тушенкой, компот, и так изо дня в день. Мы выбрали кафе.

Кафе это «содержал» некий прапорщик с «баками», с темными, прямо мохнатыми какими-то глазами. Крупные руки у него, сам худой и жилистый. Рои мух по столам, стенам. Два человека в солдатских штанах и грязных майках на раздвигали. На красных шеях повисли бусинками капли пота. Глядя на эту картину, не очень-то хочется есть. Но дело-то упиралось всего в два-три дня, пока не получили новые талоны, да и от дома совсем близко.

Однажды за ужином в столовую вошли трое — полковник и два молодых офицера. Они подошли к раздаче, уставившись недобрый взглядом на блюдо с эклерами. Растрескался и засох, как сургуч, коричневатый их крем.

«Позвать начальника!» — потребовал полковник, отмахиваясь от круживших над блюдом мух. «Вы слышали, что я сказал!» — заорал он, увидев неторопливость дневальных. Один из них, миглом сорвавшись, убежал за прапорщиком. Другой стоял, сонно щуря глаза, с тупым равнодушием уставившись на полковника.

— Почему выпечка не в холодильнике? — спросили у него.

— А... света нет, — сказал он, подумав.

— А это что? — Палец полковника указывал на горящую лампочку.

— Это... другой свет, — сообщил дневальный и моргнул.

Трах! Полковник схватил блюдо и, повернув в воздухе, впечатал его в стойку прямо под нос набегавшему прапорщику. Раздавленные эклеры валились на пол и прыгали, точно резиновые мячи у них под ногами.

— Товарищ полковник! — завыл было прапорщик. — Вы не имеете права... В присутствии подчиненных... Так же нельзя...

— А людей травить можно? Людей травить вы имеете право?

Полковник стоял, упершись невидящим взглядом в испуганное и обиженное, в то же время лицо прапорщика. Смятение было на том лице. Почуввав неладное, те двое, что были с полковником, придвинулись ближе.

— Я завтра же, — сказал, наконец, овладевший собой полковник, — я завтра же закрываю вашу лавочку.

И он повернулся на кожаных каблуках, словно Дон Кихот перед стадом свиней, повернулся и вышел на улицу. Молчавшие офицеры, как две тени, проследовали за ним.

— И все равно не имеет он права! — ругался прапорщик, обращаясь к стенам. — Уберите все здесь, — процедил он дневальным и скрылся.

Через несколько дней кафе то закрыли, и больше открытым его я не видел.

БАНЯ

Как не сказать о ней?

Спасибо тем, кто устроил в Чернобыле бани. Без них невозможно ни жить, ни работать. Лишь там только приходили свобода и расслабление. Там — в чистоте, в бегущих по коже струях чистой воды. Вода снимала внутреннее напряжение, она же избавляла от комплекса «нечистоты», ибо все на тебе — от корней волос и до кончиков пальцев, — пока ты ходишь, нечистое, светит. На станции баню пустили одной из первых после аварии. И тем, кто участвовал в этом, — спасибо! Без горячей воды и спецпрачечной, входящей в состав бани, не может работать санпропускник. А без него не сменишь одежду по окончании смены. Ну, а без этого нечего думать, что-

бы вернуться в Чернобыль. Получается, нельзя и работать.

В основе всех славных дел и трудовых подвигов, творимых в Чернобыле, лежит баня.

У нас прямо под боком была своя. Мы шли туда помыться, побриться и поговорить под душем или сидя на каменных скамьях. Попасть туда можно в любое время суток. Тускло светили лампы. Терся и изгибался, смывая мыльную пену, народ вокруг. Так не хотелось уходить, приятен был вид здорового, свежего тела без рубы, без чепчика, без надоевших ботинок и тапок.

Полотенца лежали сложенной стопкой на выходе. Обычно там находился дед, визгливый и чем-то всегда недовольный. И взять у него два полотенца сразу было совсем невозможно.

Обходились одним. Иногда полотенце вообще не было, и тогда злобный дед улыбался, отвечая на повторяющиеся вопросы. «Ну что вы пристали, — гундосил он, уставившись на тебя, — не пыдвззлы покищо... Чекайтэ, колы хочитэ». И мы опять забирались в баню. Единственно, что отравляло сидение наше в тепле и уюте моечной, так это мысль: «Вдруг полотенца вообще не привезут, одеждой тогда вытираться, что ли?» Но все-таки их привозили. Мы уходили сухими и радостными.

Была там уборщица, нестарая еще женщина. Она собирала мокрые полотенца, мусор и мыла пол, ничуть не смущаясь при виде нас, голых и мокрых, выскакивающих в раздевалку.

Помывшись, сидели мы возле дома. Сидели, отмахиваясь от комаров. Смотрели на уходящий вечер. Тепло было. Считали деньки свои до возвращения.

Таких дней тридцать шесть у нас было...

ДОЖДЬ

Тихо.

Влажный и скользкий вечер.

Мягкой своей лапой он затыкает рты, глаза наши, уши.

Устали.

Идем домой, ловя губами косые потоки капель. Тихо кругом и серо, как после таблетки снотворного, которое принято утром.

Не горят фонари.

Мокры наши лица.

Мы так устали бояться.

Мы сдернули, выбросили лепестки. Свободно дышим.

И свежесть сырой земли и запах промокших деревьев свободно входят в наши души.

Как пахнет лес после дождя!

Пустынна улица, и капли пляшут по асфальту. Стоят раскрытыми дома. И тихо двигаются ставни.

Туда-сюда, туда...

Зайди во двор, коснись руками стен.

Нет, это кажется, они уже остыли.

Зато как буйно расцвели сады.

Чего там только нет!

Чернеют давно созревшие вишни. Набухли и отяжелели.

Прозрачны россыпи смородины.

Свалились яблоки — не удержались на ветвях. «Съешь меня!»

И ничего, ничего нельзя трогать.

Во имя собственного здоровья.

«Не ешь, Иванушка, жеребеночком станешь...»

А руки уже протянулись,

А ветки к ним тянутся сами. Трепещут, как женщина, отдаваясь.

Ласкают во рту, растекаясь соком, скользкие языки ягод.

Забыли за месяц, как это бывает.

Сегодня нам можно.

Огромный гусак провожает гусыню по улице, едва не касаясь набухшими семенниками земли.

Не видит, не слышит. Не до того.

Пошел вон!

Бегут, смешно ковыляя, виляют перистыми задами.

Гулко и тихо кругом.

Усталость.

Мглистая сырость.

Ночь.

* * *

Это сон — и навеян воспоминаниями. Не забыть той чернобыльской вишни, которую однажды собирали под дождем и, хорошо промыв, съели.

ПИСЬМА

Они лежали, разложенные по ячейкам большого ящика. Ящик стоял на зеленом столе для пинг-понга. Периодически сюда вываливали пухлые пачки свежих газет. Их разбирали и читали в тенистых углах лагеря.

Иные конверты от бесконечных переключиваний совсем изветшали. Исписанные листы выпа-

дали из них и становились уже анонимными. Пытаясь узнать, не твое ли письмо, невольно скользишь по строкам взглядом.

«...Сереженька, это мое третье письмо, а ты все не отвечаешь. Наверное, нет у тебя времени вспомнить о нас, Сереженька. А мы вот тебя вспоминаем. У Юрки второй зубок прорезался. Вчера говорили с твоими, они собираются к тебе Марине на лето и шлют тебе привет. А я совсем измоталась, мать твою хоть помогла бы, хоть Ленку из садика забирать — все было бы легче. Ходила к твоему другу на Ленинградский проспект, напомнила про те деньги, что ты говорил. Он замотал головой, мол, знать ничего не знаю, так ни с чем и ушла. Плохо ты еще разбираешься в людях, Сереженька...»

«...Сынок, Виктор Егорович уверяет, что видел тебя в программе «Время» на каком-то совещании. Ты не переживай, у нас все нормально. Будь мужчиной, но себя береги, без толку не лезь где не надо.

Мы гордимся тобой, сынок...»

«...приезжай поскорей. Мамка плачет, мы тоже скучаем с Валей. Если можешь, привези тот конструктор, что мы видели у Сереги. Валька просит куклу, она рядом стоит и мне мешает писать. Папа, мы тебя очень любим...»

«Купи детям обувь. Галя».

«...Я только теперь поняла, какие мы были глупые, как мелочно и недостойно внимания то, из-за чего мы так ссорились. Вот, кажется, встретимся теперь, обнимемся крепко-крепко — и позади останутся все наши обиды, все наше плохое, недоброе... Береги себя, мой родной, для меня, для Полюшки. Она тебя очень ждет. Недавно в программе «Время» сказали про взрыв в Неваде, так она, представляешь, заплакала: «Теперь моего папу и туда пошлют!» Откуда только это у ребенка?..»

Я получил за все время четыре письма. Первое вынул сам из ящика. Три других передали мне во время развода. Я уходил подальше в какой-нибудь закуток и, разорвав конверт, погружался в далекий мир моих близких людей. Жена писала, что думает лишь обо мне, что любит меня и ждет. И ломали и грели мне душу нехитрые эти строки, написанные знакомой и любящей рукой. И я носил ее письма в кармане рубы, носил, чтобы в свободную минуту достать и читать, читать их снова, пока не измыв вконец и не истер на сгибах.

Была возможность междугородной связи. Смешно сказать, но мы избегали ее. В трубке все не так: и голос далекий, чужой, и слова все не те, что хотел бы сказать, и время ограничено. Уходят минуты разговора, а ты не сказал главного, без чего и звонить-то не стоило. И после разговора какая-то неудовлетворенность.

А в письмах не так... Голос слышен живой, и легче, яснее дышится, когда прочтешь письмо из дому.

ПАМЯТНИК

Он стоял на плацу перед бытовым корпусом. Пустые глазницы, суровая складка бровей. Ему было столько же, сколько самой станции. И не было человека, который не знал бы имени того, кому этот памятник.

Приезжающие делегации шли мимо памятника, минуя красивые клумбы. К нему подносили цветы. Он был невысокий, но виден издали. И был он символом Чернобыльской станции. На всех буклетах она была в паре с отлитой в металле головой на каменном постаменте.

Не ставили ему памятников при жизни. При жизни был он одним из многих — из тех, кто стоял у истоков Дела, но беспощадная сила ума и редкая целеустремленность всегда выделяли его среди прочих. Борьба отнимала силы у всех, но идеи, которые, как им казалось, способны изменить мир, того стоили...

Он стоял и молчал, когда мимо него пробегали люди с перекошенными лицами. Он молчал и тогда, когда выли сирены, когда люди в зеленых пилотках срывали лопатами парадные клумбы, долбили бетонную плитку вокруг постаментов...

Долбилась земля, отмывались стены и рылся тоннель под реактор. Под пылью и шумом работающих машин начинал вырисовываться будущий день станции, с ее покореженным и собранным вновь механизмом.

Где-то судили людей, на которых висело проклятие...

Другие руки готовились лечь на руль, когда корабль, залатанный, подновленный, сойдет с мели. Под ним тонны грязи, похоронившей людей, раздавленных и погибших в буре. А впереди — пространство свободного хода. И темное грозное небо.

Что оставим мы детям нашим?

В № 38 фамилия автора указана с опечаткой. Редакция приносит извинения.

Михаил КУДИНОВ — известный переводчик классической и современной франкоязычной поэзии. В его переводах выходили книги Аполлинера, Рембо, Корбьера, Нервалля, Вольтера и других поэтов. В этом номере мы печатаем иронические стихи М. Кудинова, написанные в разные годы.

ЧУДО

Предал Иуда за тридцать монет
Одного своего знакомого.
Знакомый был схвачен,
В лохмотья одет,
Держали сперва под замком его,
Потом судили,
Потом распяли,
И вскоре
Случилось чудо...
Народ глаза в удивлении пялил:
Висел на осине Иуда.

То было чудо из всех чудес,
Рассказанных евангелистами:
Предатель Иуда сам в петлю полез
И сам руками нечистыми
Ее затянул, чтоб себя самого
Казнить... Но, к смерти готовясь,
Он думал о том, что страшнее всего
Не смерть, а казнящая совесть.

Иуда повесился...
В чем же секрет,
Что стали потомки Иуды
Наш мир покидать,
Кто по старости лет,
А кто по вине простуды?
Губила их жаба грудная и рак,
Пристрастие к жирной свинине,
Они умирали и этак и так,
Но только не на осине.
Они не боялись душевных мук,
Не то что их предок Иуда...

Да, впрочем, и он не повесился б
вдруг,
Не будь вмешательства чуда.

АДАМ

На древо познания добра и зла
Он влезть попытался... Не повезло.
Сорвался. Разбился. И не узнал,
Что значит добро. И что значит зло.

Встал на ноги. Вскрикнул.
Болело ребро.
И вновь, поднимая к вершине глаза,
Он видел: во зло обращалось добро,
Добро становилось подобием зла.

И зло не казалось порою злом,
И было все спутано в кроне немой,
Как будто связали тугим узлом
Сияние света с кромешною тьмой.

ВЕЧЕР

День куда-то спешил,
говорил,
суетился,
опять говорил,
зарабатывал деньги,
день очень устал,
у обочины сел
и заметил, что вечером стал,
и заметил, что рядом
другие сидят вечера
и молчат,
вспоминая, что было вчера,
или тихо ворчат,
говоря ни о чем, и с трудом
вечера ворочают
языком.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Купите мысли,
Свежие мысли,
Пока эти мысли
Еще не прокисли,
Еще не поблекли,
Еще не потухли,
Возьмите задаром,
Пока не потухли,
Возьмите с приплатой,
Покуда живут...

Не слышат прохожие.
Мимо идут.

ЖАЖДА

Из тепла — в стужу,
От радости — к плачу:
Пусть будет хуже,
Только бы иначе.

От света — во мрак,
От покоя — к надежде:
Только бы не так,
Как было прежде.

Только бы опять,
На счастье и горе,
Жажде бушевать
В пылающем горле.

Только бы однажды
Крик или вой:
«Умираю от жажды!»
Значит, живой».

Вадим САБИНИН

Вадим САБИНИН — ученый.
Его стихам свойственна
четкая мысль,
ясность формы.
Он усердно работает
над стихами
и редко их публикует.

Д. Самойлов

БЕССОННИЦА

Ночь..
Бьет четыре.
Мне не спится.
О чем-то думая, лежу
и снова дню принадлежу,
но в мыслях трезвость ясновидца.

Освободясь от суеты,
в оценках я предельно точен —
дню удивляясь
с высоты
сосредоточенности ночи.

СЕМЕЙНАЯ ФОТОГРАФИЯ

Есть от матери что-то в сестрах,
в братьях бродят отца черты.
О, далекий мой детства остров,
необитаемый ныне ты.

Снегом кроют тебя метели,
выжигает солнце траву.
И не верится — неужели
ты когда-то был наяву.

ВЕСНА

С какой тревогой мы всегда следим,
придав приметам силу абсолюта,
чтобы вернулся журавлиный клин —
природой нам дарованное чудо.

Над Истрой снова кружат журавли,
выискивая место для посадки...
Посланцы дальней, сказочной земли,
вы снова здесь, и, значит,
все в порядке.

Я вижу сенокос...
Природный календарь.
Так месяцы и дни
определяли встарь.

И было солнце всем:
и светом и часами.
Увы, кому повем,
что приключилось с нами?

22-е ИЮНЯ

И нападение было подло,
и подло выбран даже день.
На быт наш, тихий и оседлый,
крестообразно пала тень.

День летнего солнцестоянья
стал тучи грозовой темней.
Кто знал — какое расстояние
идти теперь до мирных дней?

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Снег скрипит резиново,
я шагаю в ОРС.
К лавке керосиновой
хвост примерз.

Скоро ль залп победный —
слово сокровенное?
О, довесок хлебный —
лакомство военное!..

Я помню давнюю весну:
тринадцать мне.
В разливе Волга.
Еще я не влюблялся толком,
но, кажется, вот-вот начну.

От сотен запахов весны
я пьян —
теперь уж не бываю.
Жизнь впереди. Конец войны.
Чего хочу, о чем мечтаю?

О возвращении домой?
(Что дома нет — еще не знаю.)
В тот город, про который — «мой»,
три длинных года повторяю.

Я буду помнить трудно, долго
тот радостный, тот тяжкий год.
Война невынутым осколком
с тех пор в душе моей живет.

НАСЛЕДСТВО

Четыре нас брата —
четыре осколка.
А было-то сколько
отцова добра-то!
И все говорили:
«Богатство несметное».
А как поделили:
все золото — медное.

СТАРАЯ МОСКВА

Я люблю бродить по старой
исчезающей Москве.

Доморощенной, кустарной,
с силуэтами церквей.

Где ползет по переулку
неожиданный трамвай
и выходит на прогулку
между рельсами трава.

Где, забытые годами,
в землю вросшие дома.
Где еще садится в сани
настоящая зима!

ОСЕНЬ В СУХАНОВО

Н. К.

Здесь бродят наши тени —
им ждать до лета нас.
И в воздухе осеннем
живут обрывки фраз.

О наших планах летних,
о городских делах.
И выцветшие сплетни
обвисли на дверях.

Как стало вдруг все голо,
как обнажилось вдруг.
Лишь ветра сиплый голос
ведет свою игру.

Дни набегают словно волны
и, разбиваясь о рубеж,
бесследно исчезают в полночь,
рождая новый день надежд.

Нас ясность посетит с годами,
когда, проделав долгий путь,
мы сможем пристальней взглянуть
на все покинутое нами.

На все, чему сказали «нет»,
во имя новых постижений.
Понять, что в облике побед
не распознали поражений.

Евгений ЗИМИН,
заслуженный мастер спорта

рос в Москве, на Щербаковской улице. Отец работал заместителем министра, мама, по образованию врач, больше занималась домашними делами. Упомяну об этом лишь для того, чтобы сразу дать представление об атмосфере в семье: книги, театр, художественные выставки, фортепиано. Не знаю, каким виделось мое будущее отцу. Его не стало, когда я был подростком. Запомнилось, он ни к чему не принуждал, только советовал, подсказывал, предоставляя в обществу полную свободу выбора друзей и увлечений. Отсюда, наверное, и мой довольно независимый характер, который не раз и изрядно осложнял мою жизнь в хоккее.

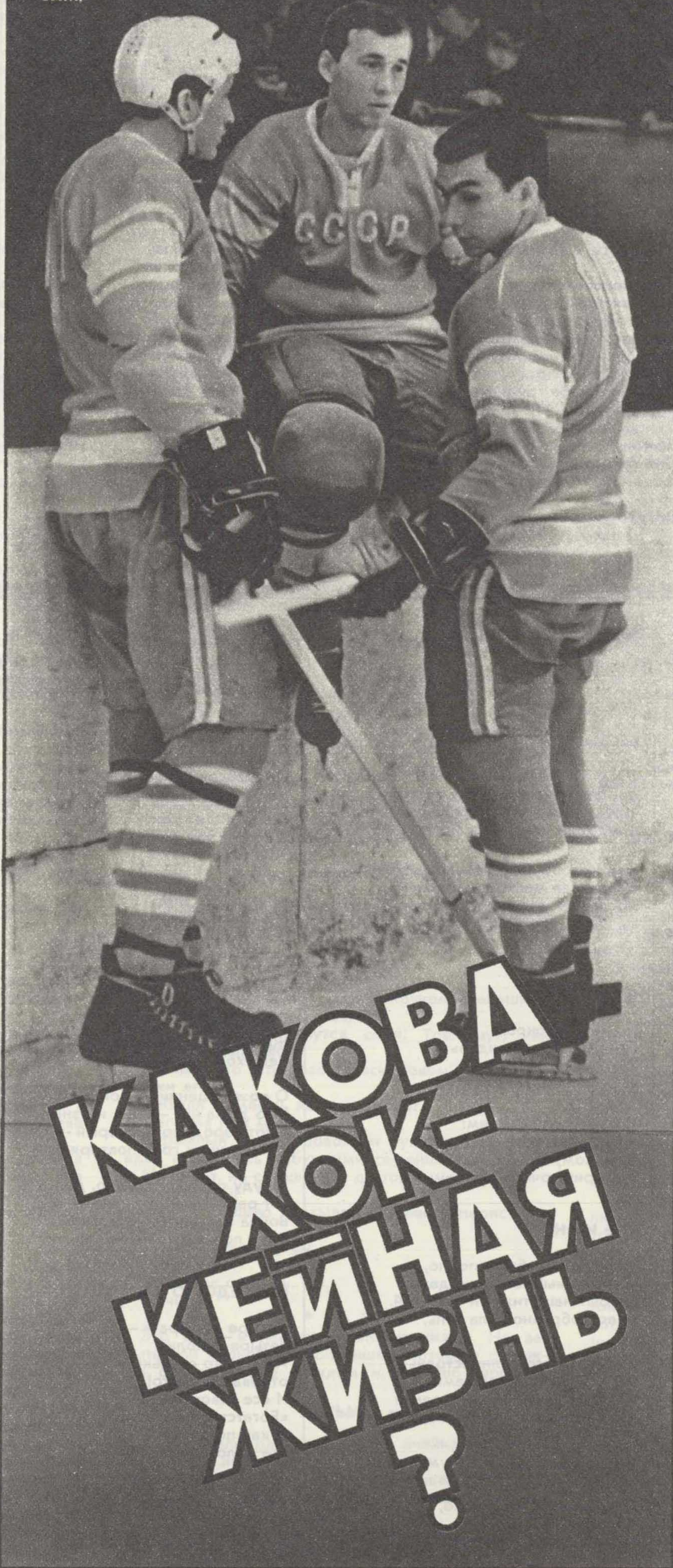
Лет до семи я был равнодушен к спорту. А потом охватил какой-то зуд — не мог спокойно просидеть и часа! Испробовал футбол, хоккей, настольный теннис, баскетбол — и везде почему-то сразу выделялся. Уверенно обыгрывал ровесников, хотя на уроках физкультуры в первых учениках не числился. Там нужно было бегать, прыгать, метать гранату, а меня противоборство с секундами и метрами не привлекало. Гораздо больше раззадоривал живой, осязаемый соперник, когда сила на силу, ловкость на ловкость, ум на ум. Тут настоящая борьба! Я испытывал подлинную радость победы. Так, наверное, устроено большинство мальчишек. И потому знакомить их с физической культурой лучше всего через игру.

У нас был просторный зеленый двор на краю Измайловского лесопарка. И был замечательный старший друг — Вячеслав Кондратьев, или дядя Слава. Он работал в институте, защитил кандидатскую диссертацию, но вел себя для кандидата очень несолидно. Каждый день возился с ребятней и воевал с начальником ЖЭКа — настаивал, чтобы нам разрешили смастерить большую, по всем стандартам, хоккейную «коробку». И мы ее в конце концов смастерили. Вокруг «коробки» организовался самодеятельный клуб, куда мог вступить любой желающий. В клубе действовал железный закон: тот, кто отлынивал от заливки и расчистки льда, к игре не допускался, покуда должок не отработает. Существовало и другое правило: если твоя команда проиграла, ты терял право выйти на площадку за «других» до тех пор, пока вы не отыграетесь, даже если сам сыграл отменно и тебя звали другие капитаны...

И потом, выступая в «Спартаке», я часто проповедовал принципы своего первого наставника. По его просьбе подарил клубу приз, который разыгрывали дворовые команды. Сам и вручал его победителям. А иногда мы выбирались на Щербаковскую целым спартаковским звеном — с Витей Ярославцевым, Сашей Якушевым, Игорем Лапиным и Володей Мигунько. Устраивали показательные матчи. Мальчишек собиралось тьма! И всем не терпелось скрестить с нами клюшки. Помоему, то была самая убедительная агитация за спорт! Ребята видели: вот Зимин, он рос, играл в этом же дворе, а теперь олимпийский чемпион. Значит, и мы можем! Значит, и нам нужно тренироваться, перебарывать себя, свою слабость, лень и несобранность. А в этом — первейшая задача каждого чемпиона: личным примером звать на стадион. Но теперь, когда чемпионов спрятали за заборы загородных баз, отгородили от народа, они свою первую заповедь, как правило, не выполняют.

Спортсмен, живущий непонятно где и неизвестно по каким законам, не вызывает у болельщика былого сопереживания! Не оттого ли, несмотря

двукратный олимпийский чемпион, многократный чемпион мира и Европы. Пятнадцать лет назад он открыл счет шайбам нашей сборной в матчах с канадскими профессионалами. И этим навсегда вписал свое имя в историю хоккея. У него, как у театрального премьера, был свой зритель. Казалось бы, чего еще! Евгений Зимин покинул хоккей с обидой, горечью и болью. Почему? Об этом он сегодня рассказывает сам.

на громкие победы наших сборных, явно упал интерес к спорту?..

С грустью смотрю я на московские дворы. Таких энтузиастов, как дядя Слава, которым не нужно было ничего, кроме любви и уважения мальчишек, теперь, к сожалению, почти не встретишь. Рекордомания и показуха просочились даже в самодеятельную «Золотую шайбу». И здесь над тренерами-общественниками часто властвуют турнирные амбиции, и потому они старательно пестуют одну-единственную команду. Да и берут в нее, понятно, далеко не каждого.

Еще труднее мальчишке записаться в ДЮСШ или в секцию при стадионе. Массовый хоккей как инструмент воспитания подростков, можно сказать, потерян. А хоккей, в свою очередь, теряет немало юных дарований, которые по тем или иным причинам «не показались» разборчивым наставникам...

Долгое время я увлекался и хоккеем, и футболом. На стадионе «Локомотив» меня поставили в футбольную команду, где все были пятью годами старше. И тем не менее я никогда не возвращался с поля без гола. Однажды в морозный зимний день к нам во двор зашел хоккейный тренер из того же общества Борис Тихонович Кушталов. С часок посмотрел, как мы «гоняем», и чуть ли не всех позвал к себе. Вскоре доверил сыграть на первенство Москвы. Я, помнится, тогда забросил девять шайб. А в шестнадцать лет уже играл в основном составе «Локомотива», рядом с такими замечательными мастерами, как Виктор Якушев, Виктор Цыплаков, Николай Снетков, и отметил первый сезон в высшей лиге опять же девятью шайбами.

Как видите, дворовый спорт дал превосходную закалку. А главное, полный простор для самовыражения. Каждый из нас стремился сыграть по-своему, неожиданно и даже красиво! Чтобы хоть на вечер сделаться футбольным или хоккейным королем двора...

Так развивалась индивидуальность игрока — та самая, которая теперь большая редкость даже в командах мастеров. А почему? Да потому, что уже в ДЮСШ мальчишек учат: перво-наперво помни об очке! Квалификация (значит, и зарплата) детских тренеров определяется по турнирным результатам. И тут не до индивидуального подхода. Скорее наоборот: игрок своеобразный, нестандартный может оказаться «неудобным», поскольку будет выпадать из натасканной на добывание очков команды, где каждый вызубрил указанный тренером маневр.

Не оттого ли клубы высшей лиги сплошь и рядом пополняются неплохо выученными, но, увы, бездумными и бесцветными середнячками?..

Боюсь, что если так пойдет и дальше, в нашем хоккее скоро не останется самобытных мастеров, таких, о ком говорят: личности! Пора избавиться от магии очков. Особенно в детском спорте. Детского тренера необходимо первым делом оценивать как педагога. Внимательно смотреть, кем растут его ребята. Я имею в виду не только чисто хоккейные характеристики. С великой благодарностью вспоминаю и дядю Славу, и Бориса Тихоновича Кушталова. Они были истинными учителями. Они позволяли нам высказываться — без боязни, что тебя одернут, отстаивать свое. Жарко спорить. Мы видели людей бывалых, умудренных опытом, добрых. Мы спешили поделиться с ними каждой радостью. Если же тренер ради очка готов помыкать учениками, «работает» на приказах да на окриках, его нельзя и близко подпускать к мальчишкам. Но, к сожалению, сегодняшняя обстановка в ДЮСШ уже сама собой порождает массу именно вот таких «наставников».

Я знаю об этом не с чьих-то слов, а как бывший тренер и директор спартаковской хоккейной школы...

Итак, в «Локомотиве» я отыграл одну зиму. А по весне получил три приглашения: от Анатолия Владимировича Тарасова — в ЦСКА, от Аркадия Ивановича Чернышова — в «Динамо», третье — в «Спартак». Прикинул:

ЦСКА и «Динамо» — это почти что верное место в сборной. И все же решил: «Спартак»! Во-первых, из уважения к памяти отца, «болевшего» за спартаковцев. А во-вторых, притягивала личность Всеволода Михайловича Боброва. Он тогда, в 1964 году, возглавлял команду. Правда, он ничего не обещал, кроме одного — поставит в основной состав. А дальше утверждайся!.. Но кто в семнадцать лет не верит в собственные силы? Кстати, позже я неоднократно убеждался: ничто так не расхолаживает игрока, как переход «с гарантии». Быть может, потому немало хоккеистов, которых под предлогом «интересов сборной» берут то в ЦСКА, то в «Динамо», а в итоге они так и не оправдывают ожиданий...

Бобров определил меня в звено к Борису Майорову и Вячеславу Старшинову. Мальчишка — к олимпийским чемпионам. Не передать, как мне хотелось доказать, что я не хуже их умею забивать! Да и не менее искусно владею шайбой. И — заигрывался, портил игру великим партнерам. К тому же, как сейчас понимаю, был не по чину самостоятельным, ершистым, непомерно горячим. А что прославленные спартаковские лидеры? Терпели! Ругались, разумеется, и крепко. Но оставались людьми, не «сплавлялись», не подминали под себя, а дожидались, когда я к ним притрусь. И — когда я оступился, уразумело, что играю не один... В общем, проявили такт. Они и сами не гнушались притираться к какому-то зеленому юнцу. По-моему, так приняты новичка способны только подлинные мастера — из тех, что влюблены в хоккей, а не в себя в хоккее. Тогда в команде тон задавали личности... Бобров и его предшественник Александр Никифорович Новокрещенов создавали коллектив, не подавляя, а сплачивая! И потому у «Спартака» была яркая, «фамильная» игра. Чего теперь о нем не скажешь.

Три года, что Бобров тренировал команду, остались в памяти как самые счастливые. Всеволод Михайлович был душевным человеком. Его сила заключалась в проницательности, в доверии и в понимании людей. Он не повышал голоса понапрасну. Насквозь видел каждого из нас, знал цену каждому, но не напирал на наши слабости. Не держал, как говорится, «на крючке». Напротив, всякий раз старался подчеркнуть даже малозаметные достоинства спортсмена. И тот в благодарность за доброе слово готов был, что называется, из кожи лезть. И нередко совершал невероятное. Я убежден, что именно поэтому «Спартак» сумел весной 1967 года отнять у армейцев чемпионский титул. Хотя мы в то время не могли сравниться с ЦСКА ни по подбору игроков, ни по условиям для тренировок. А чемпионами стали.

Потом я повидал немало тренеров. Кто-то казался лучше, кто-то хуже, но всем им, на мой взгляд, недоставало главного — бобровского уважения к личности спортсмена. Да что там толковать об уважении! Хотя бы просто интереса... С тех пор, как очки возобладали над игрой, тренеры стали относиться к хоккеистам, как шахматист к фигурам на доске. Он думает — они передвигаются. Покорно и бессловесно. А чтоб с «фигурами» ничего не случилось, их спрятали под замок — ввели практически круглогодичные «учебно-тренировочные сборы».

Конечно, проще взять и оградить спортсменов от мирских соблазнов, нежели заниматься с каждым по отдельности кропотливой воспитательной работой. А то, что заодно нас ограждали от семей, друзей, родных, от нормальной жизни, создавали некий духовный вакуум — это, похоже, никого не волновало. Правда, я тогда по молодости лет над этим не задумывался. Жил, как и все. Одним хоккеем. Забросил занятия в институте физкультуры. Равно как и музыку, и стихи, которыми увлекался с детства... Когда нас изредка жаловали выходными днями, стремился разом наверстать упущенное — по части пресловутых мирских соблазнов, запретных и потому особенно заманчивых...

Теперь, оглядываясь на свою судьбу, все чаще думаю, как много потерял того, чего уже никак не наверстаешь. И не заменишь никакой спортивной славой...

Вы спросите: на что же я рассчитывал в грядущей, не хоккейной жизни?

Ну, во-первых, нас в то время никто об этом не спрашивал. И оттого — подспудно — возникало убеждение, что о нас позаботятся. Что нам воздастся за хоккейные заслуги!..

Потом многие поплалились за наивность... Те, кто пришел нам на смену, это видели. И делали соответствующие выводы. А именно: пока играешь, бери от хоккея все, что сможешь. И даже больше. Таких прагматиков сегодня немало, и потому-то в газетах появляются статьи о рвачестве спортсменов.

Не раз читал и слышал о себе: жаль, Зимин ушел до срока. Может, и так... Да что теперь жалеть? Куда обиднее вспоминать другое — КАК уходил.

Я любил хоккей. И без него себя не мыслил. Но мне хотелось не просто добывать очки и «выполнять тактические установки», а играть. С пониманием, осознанно выдумывать и предлагать. Если не прав, если придумка неудачна — пожалуйста, разубедите. Вполне резонная, по-моему, позиция. Особенно для мастера, олимпийского и мирового чемпиона. Но... В результате заработал славу человека, который слишком много разговаривает. С этим мирились, пока не было замены. Но как только окрепли молодые, «Спартак» от меня избавился. В двадцать семь лет я отправился служить в армейскую команду первой лиги...

Хочу назвать вещи своими именами. Служба в рядах Вооруженных Сил — священный долг каждого гражданина СССР. Но «служба» в рядах армейских клубов — профанация священного понятия. Предельно откровенная и оттого вдвойне циничная. Все знают, как «служат» хоккеисты: они играют и живут вполне гражданской жизнью. Если, конечно, не считать того, что получают, играя, воинские звания и вместе с ними виды на приличное трудоустройство.

Для ЦСКА призыв — незаменимый способ регулярного пополнения резервов. Для других команд — грабеж среди бела дня. Ну, а иногда это удобный повод законно избавиться от негодных игроков. Угодным-то добывают отсрочки! Например, по болезням... Моя отсрочка, до того исправно продолжавшаяся, закончилась в 1974 году.

Два года я играл в СКА МВО. Считалось, числюсь в резерве ЦСКА. Помногу тренировался дополнительно — надеялся, что все-таки вернусь в «Спартак». Но там меня не захотели слушать: мол, ты наверняка уже не тот; сам знаешь, каков уровень в первой лиге... Я умолял: возьмите на сборы! Посмотрите, а вдруг еще сгложусь? Нет... Полгода не знал, куда приткнуться. Без специальности, без диплома...

Спасибо Игорю Николаевичу Тузику: пригласил в «Крылья Советов». Там я воспрял. Решил доказать своим обидчикам, мол, рано на Зимине крест поставили. Восстановить игру было очень трудно. Наконец она пошла! Мы выиграли Кубок европейских чемпионов, и два финальных матча с пражской «Дуклой» я провел на прежнем уровне. Казалось, радуйся — своего добился! Но вместо радости испытывал безмерную усталость. Как говорится, кончился кураж... А коли так, надо уходить. Играть без радости, работать на площадке — обманывать болельщиков. А это стыдно...

И я ушел. Без фанфар. Хотя когда-то надеялся на торжественные проводы. Снова не без робости постучал в двери «Спартака». Роберт Иванович Черенков, возглавивший команду, не в пример прежним тренерам встретил уважительно; он выхлопотал мне место в ДЮСШ. Я с жадностью ухватился за работу. Не спал ночами, возобновил учебу в институте, причем всерьез. Особенно налег на спортивную педагогику, поскольку хоккейную технику и тактику неплохо познал на практике. Но, к моему великому разочарованию, курс педагогики в ин-

ституте физкультуры оказался самым скучным. Честнее было бы написать — пустым. Сплошь общие рассуждения. И ни одной живой мысли. А считается, что тренер — это воспитатель. Каких же воспитателей мы готовим?

Как бы то ни было, но ключики к мальчишкам подобрал. Команда сложилась дружная, с огоньком. И мы стали вице-чемпионами Советского Союза. Меня назначили директором ДЮСШ. Потом доверили юношескую сборную страны. На первенстве Европы 1981 года она удостоилась золотых медалей. Мне говорили: ну, Женя, ты даешь! Да у тебя настоящая тренерская жилка! И вскоре предложили поработать в высшей лиге, в горьковском «Торпедо», переживавшем лихие времена.

Приехал в Горький. Назначил тренировку. В урочный час явились шестеро. Остальных всю неделю собирал по ресторанам да по веселым компаниям. По графику в команде был так называемый разгрузочно-восстановительный период, и хоккеисты «разгружались»... Пришлось мне крепко задуматься: неужто тренеру и впрямь не обойтись без принудиловки, без полуармейских сборов?

Обойтись, считаю, все-таки можно. И нужно. Для этого следует наконец-то узаконить очевидное: сегодняшний хоккей на высшем уровне не забава, не развлечение любителей, а ДЕЛО ПРОФЕССИОНАЛОВ! Пора бы юридически оформить профессиональный статус игроков. Чтобы вознаграждение — только по игре. Причем в зависимости от персонального вклада каждого. Чтобы каждый персонально отвечал за собственную подготовку.

Двусмысленное положение хоккеистов нетерпимо. Оно порождает соответствующее поведение: как отвечать за себя — любители, как получать — профессионалы!.. На первых порах реформа может обернуться немалыми потерями в рядах команд — хоккей очистится от людей недобросовестных, работающих только из-под палки. Зато с тех, кто в нем останется, можно будет спрашивать в полном строгим меркам и в игровом, и в моральном плане.

Нужна система четких взаимных обязательств. Если спортсмены отдадут хоккею лучшие годы своей жизни, то клубам необходимо позаботиться о будущем спортсменов. Взять на себя их трудоустройство. Помочь каждому приобрести надежную специальность.

Я веду речь не только об учебе в институтах. Вчерашнему чемпиону, как показывает опыт, резоннее всего остаться в спорте. И кто, как не спортивные работники, обязаны помочь ему обзавестись организаторскими и тренерскими навыками? Устроить с этой целью семинары, курсы? И, конечно, надо установить пособие, аналогичное персональным пенсиям, — для заслуженных спортивных ветеранов. Лишь в том случае, если каждый хоккеист будет уверен в своем завтрашнем дне, мы сможем искоренить в хоккее делячество, рвачество. А приевшаяся критика в печати, поверьте, ничего не изменит.

Но пока... Пока никаких гарантий не имеют не только спортсмены, но даже тренеры. В этом мне пришлось убедиться на собственном печальном опыте...

Дела в «Торпедо» понемножку исправлялись. Команда поднялась в таблице. Но я видел, ненадолго. Нельзя надеяться на успех, если нет надежного резерва. А потому предложил горьковским властям всерьез взяться за развитие хоккея. Ходил по кабинетам, убеждал: вокруг много юных спортивных дарований, только они не могут проявиться. В Автозаводском районе триста тысяч жителей — и ни единого стадиона!.. Давайте построим спортивный центр! Зальем во дворах площадки — и через несколько лет вы не узнаете свое любимое «Торпедо»!.. Меня вежливо выслушивали, признавали, что вопрос поставлен верно, но... Вы разбрасываетесь, уважаемый Евгений Владимирович. Сосредоточьтесь лучше на коман-

де. Ей нужны очки. И не послезавтра, а сегодня! Если для усиления надо кого-то пригласить — зовите, не стесняйтесь, создадим условия. Мне напоминать: «Торпедо» — гордость города, от его побед и неудач зависит настроение народа... Хотя, по-моему, настроение людей куда сильнее зависит от физического самочувствия и организации здорового досуга. Чему служит массовый хоккей, а не очки, добываемые мастерами.

Работать на показуху не хотелось. Работать серьезно не давали. И, несмотря на уговоры остаться, я вернулся в Москву, в Управление хоккея. Вскоре Борис Павлович Кулагин пригласил своим помощником в «Спартак». Я был весьма польщен его доверием. Но Борис Павлович заболел, и так сложилось, что через год я уже сделался старшим тренером.

Меня тут же озадачили — в прямом и в переносном смысле: мол, надо за зиму вывести «Спартак» из аутсайдеров в призеры всесоюзного чемпионата! Задача абсолютно нереальная: за семь лет в команде поменялось восемь тренеров, ее перекраивали так и сяк. И совершенно развалили.

Но спорить с начальством бесполезно, уж это-то я давно уразумел... Четыре месяца работал по шестнадцать часов в сутки. Нам не хватило совсем чуть-чуть, чтобы зацепиться за третье место. И вот, возвратившись с очередного матча в Ленинграде, я узнал: уволен! Да еще «по собственному желанию»!.. Спасибо и на том.

Увы, в нашем «любительском» хоккее законы о труде на тренеров не распространяются. И до тех пор, пока так будет продолжаться, им всем вольно или невольно придется упрощать свои задачи. То есть сводить работу к погоне за сиюминутным результатом. Надо же кормить семью! А я-то думал, почему моим наставникам недоставало внимания к личности спортсмена?.. Круг замкнулся. Ну, а выводы делайте сами.

* * *

Теперь я спортивный комментатор. Мне повезло: много лет назад я дважды участвовал в роли собеседника по ходу хоккейных телерепортажей — это запомнили на Центральном телевидении. И вот, когда опять оказался без работы, подобрали. Другим везет меньше. Гораздо меньше. Недавно позвонил Саша Якушев — оканчивает Высшую школу тренеров и не знает, куда податься. Ни одного предложения... А ведь это Якушев! Юра Блинов, тоже олимпийский чемпион, просит помочь как-нибудь разжиться пропуском — не пускают на хоккей! Мол, много вас тут всяких ходит...

Правда, в феврале всех нас уважили — отправили команду ветеранов на серию товарищеских встреч в Канаду. Все до единой мы проиграли. Почему? Негде было подготовиться. Но как встречали нас канадские болельщики! Они никого из нас, когда-то грозных, не забыли. Узнавали каждого в лицо. Цветы дарили, просили автографы, буквально затаскивали в гости... Я сбросил сразу этак лет пятнадцать и ощущал себя таким же молодым, как в незабываемом 1972 году. Тогда забил в самой первой «суперсерии» шайбу в ворота Кена Драйдена...

Я по-прежнему люблю хоккей. Я без него себя не мыслю. Радуюсь победам сборной. Провалы огорчают... Знаю, что и «звезд» у нас было бы больше, и сборная играла бы иначе, и побеждали бы мы увереннее, если бы...

Впрочем, я обо всем уже сказал. Но помочь ли беде словами?

Литературная запись
Сергея ШАЧИНА.
Фото Анатолия БОЧИНИНА

Н. С. Войтинская. Фото 1912 года.

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

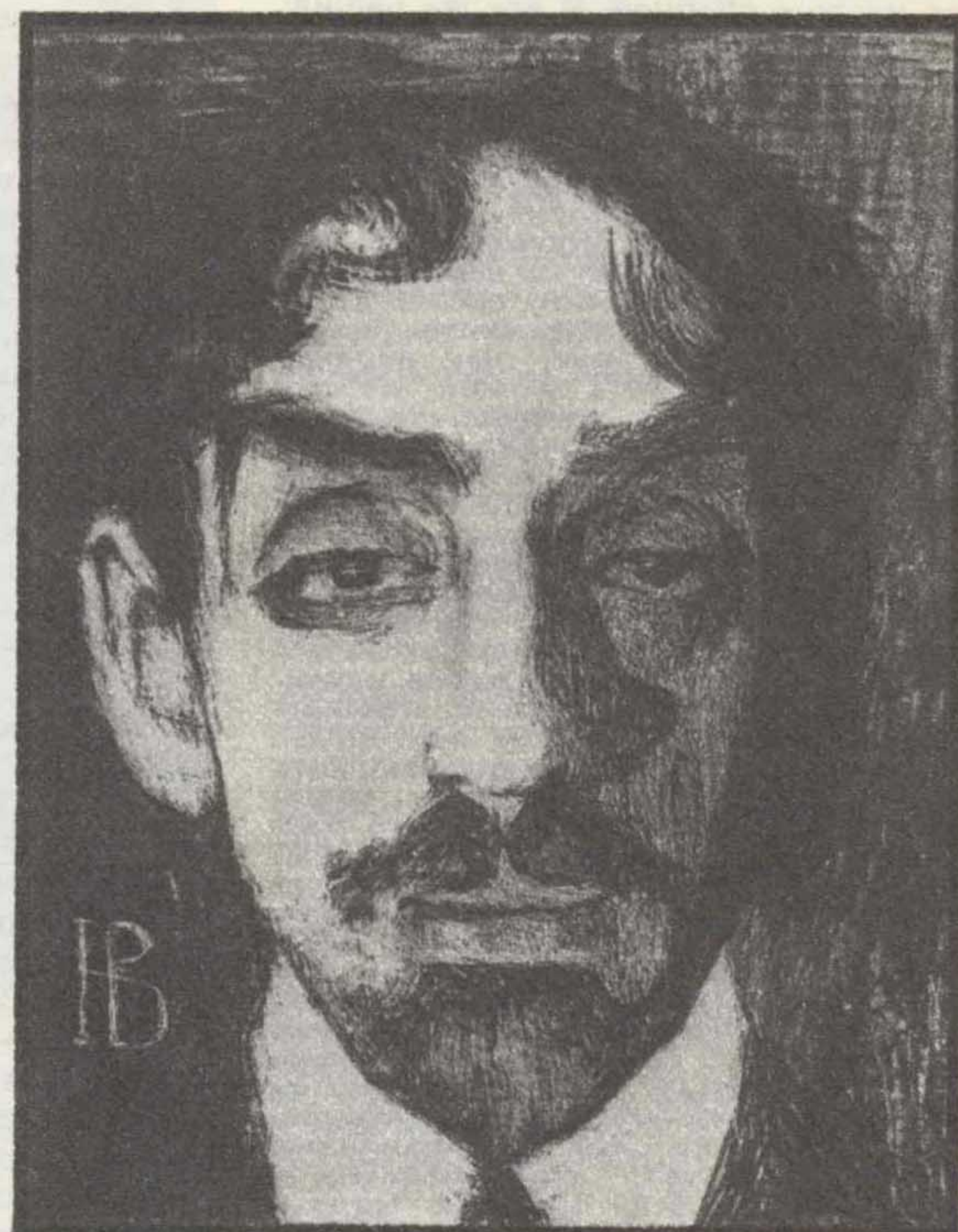
чем они поняли: во всех этих ипостасях — один человек.

Имя Войтинской привлекло к себе внимание сотрудников Русского музея, в графических фондах которого с 1933 года хранится превосходная серия литографированных портретов деятелей литературы и искусства начала XX века. Среди них портреты художников М. В. Добужинского и А. Н. Бенуа, поэтов М. Волошина, М. Кузмина и Н. Гумилева, писателей К. Чуковского, С. Ауслендера и других. Уже один перечень этих имен делает серию, бесспорно, интересной. Однако главное ее достоинство — в психологической глубине.

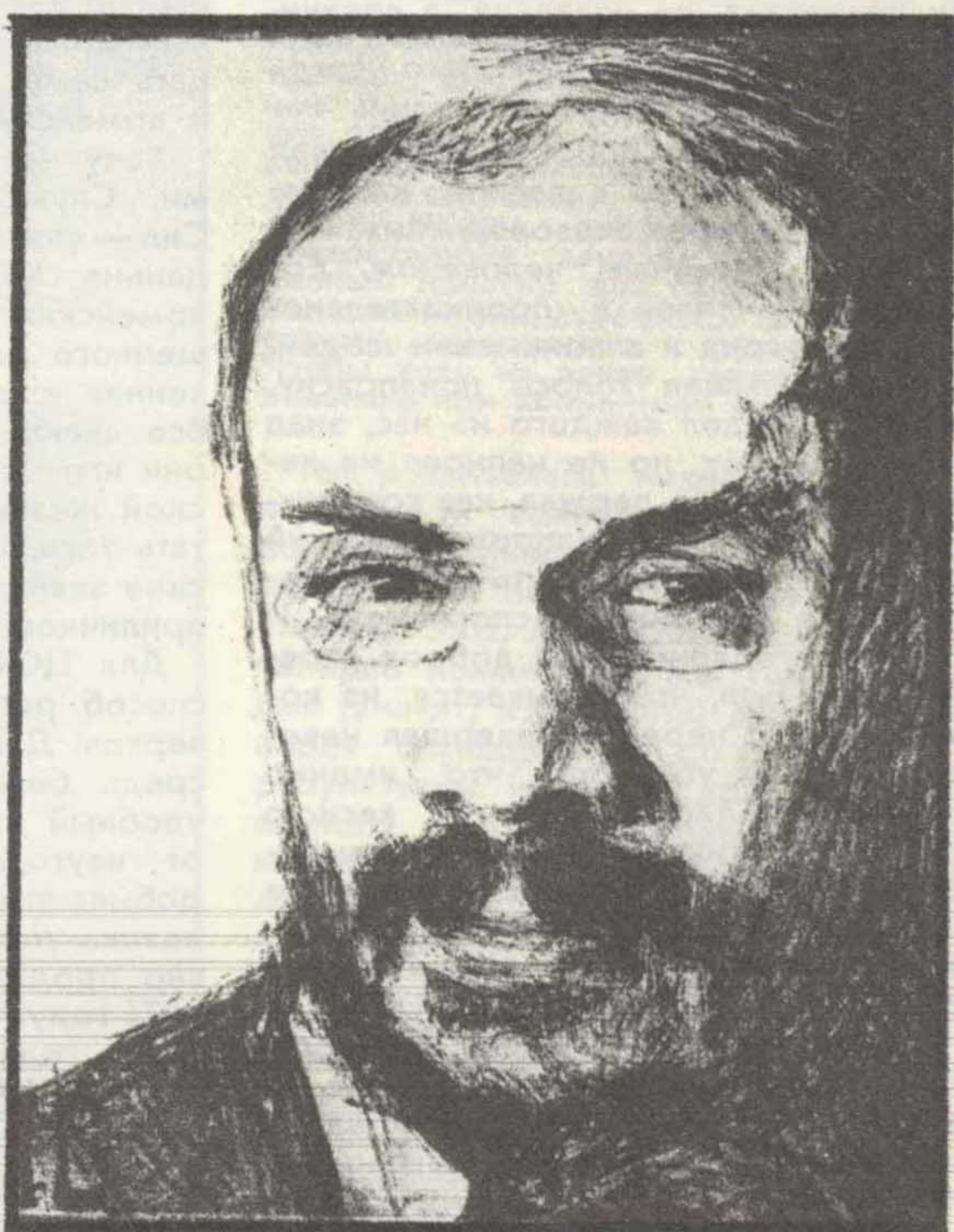
Умный, сдержанный, аристократичный Добужинский; меланхоличный, как бы погруженный в свои песнопения поэт-символист Кузмин и диаметрально противоположный ему Чуковский — воплощение жизнелюбия, энергии, искрометного юмора; могучий, излучающий доброту и спокойствие Волошин...

Литографии Войтинской — целая галерея образов, метких, очищенных от всего случайного характеристик. Это серьезные, зрелые работы умного, проницательного художника. В основе их лежит строгий, уверенный и смелый рисунок, они просты и лаконичны по своему композиционному построению. Художественные средства в них подчинены главному: выразить сущность, квинтэссенцию человеческого характера.

Все листы были помечены монограммой «НВ», а ряд листов — рукой А. Бенуа, из коллекции которого они поступили в Русский музей, подписаны как работы Н. Войтинской. Поиски сведений о загадочном авторе литографий долгое время были безуспешными. Имя ее встречалось в каталогах выставок Академии художеств, Салона Издебского, Нового Общества художников... Но каталоги тех лет, как правило, дают только сухой перечень работ и ничего не говорят об их авторе. Была сделана попытка узнать о судьбе Войтинской у К. И. Чуковского, одного из немногих в то время оставшихся в живых людей, знавших ее. Вот что ответил Корней Иванович: «К сожалению, у меня нет никаких сведений о Надежде Савельевне Войтинской... Помню только, что и мой портрет, и портрет Волошина, и порт-

М. А. КУЗМИН. 1909.

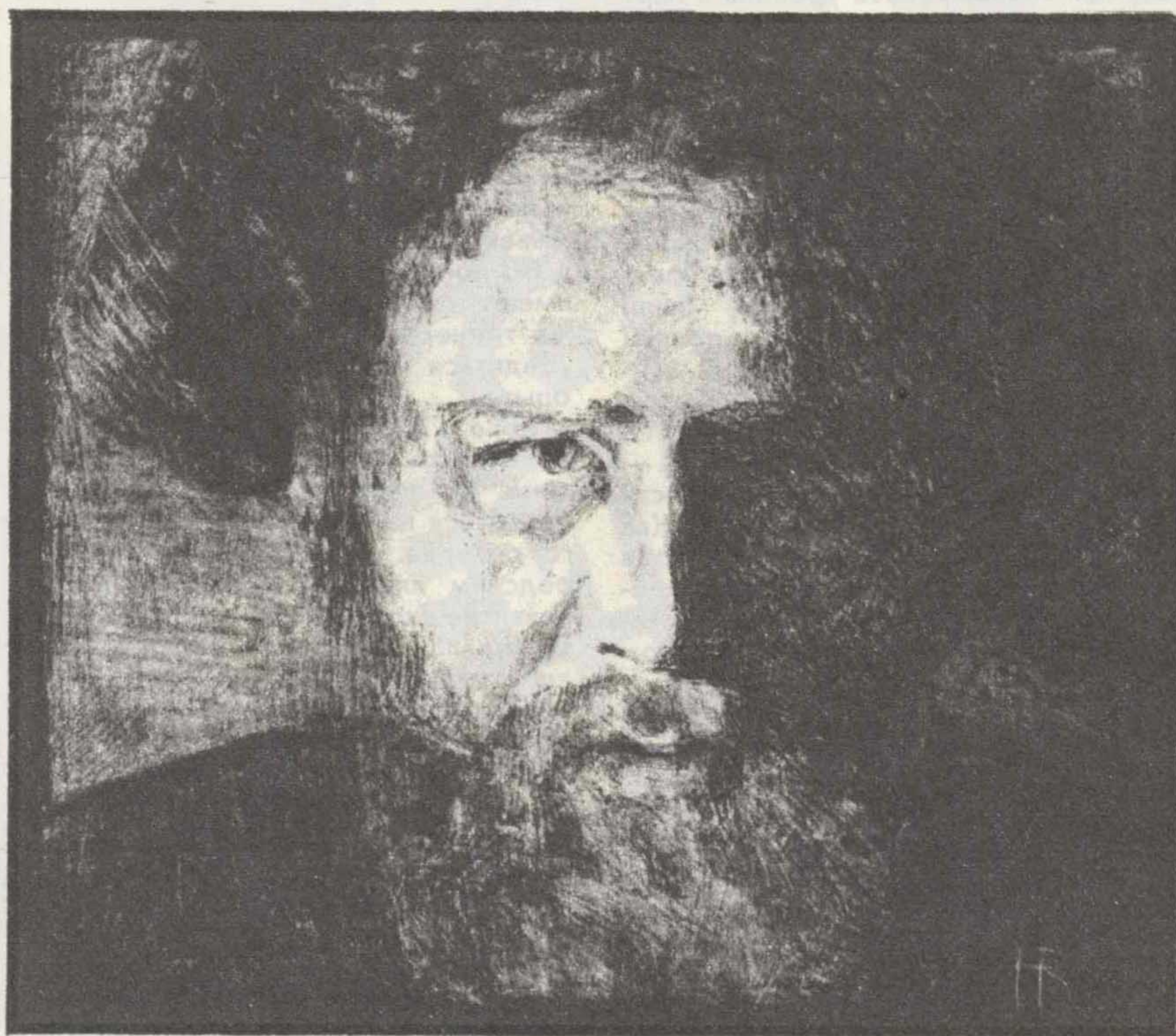
А. Н. БЕНУА. 1909.

М. А. ВОЛОШИН. 1909.

Алла СЫТОВА

Одна из характерных черт начала нашего века — художественный дилетантизм, тот самый, который поэт П. Антокольский метко определил как неудовлетворенность одним делом. Действительно, в это время поэты занимаются живописью, художники пишут стихи и теоретические трактаты, в литературных диспутах принимают участие врачи, инженеры, юристы, а у истоков новых направлений и художественных открытий зачастую стоят люди, не связанные традицией, школой, узкопрофессиональными интересами.

Художником, историком искусства, переводчиком, литературоведом и писателем была Надежда Савельевна Войтинская. Ее нелегкая, напряженная жизнь была до предела заполнена творчеством, творчеством таким разнообразным, что исследователям потребовалось немало времени, прежде

рет Бенуа были заказаны ей Сергеем Маковским для напечатания в журнале «Аполлон». Мой портрет она сделала очень быстро — в один сеанс, — удивив меня своей смелой и молниеносной манерой. Была она молода, привлекательна и производила впечатление вдумчивой, начитанной женщины.

Я рассорился с Сергеем Маковским (из-за Репина), и он не поместил в «Аполлоне» моего портрета, нарисованного Войтинской. Что стало с нею впоследствии, я, к сожалению, не знаю.

Однако узнать, что стало с Н. С. Войтинской, все-таки удалось. Дальнейшие поиски привели в 1964 году в ее уютную квартиру на Кировском проспекте в Ленинграде, где Надежда Савельевна прожила почти всю жизнь.

Она родилась в 1886 году в семье профессора Петербургского электротехнического института Савелия Иосифовича Войтинского. Интерес к изо-

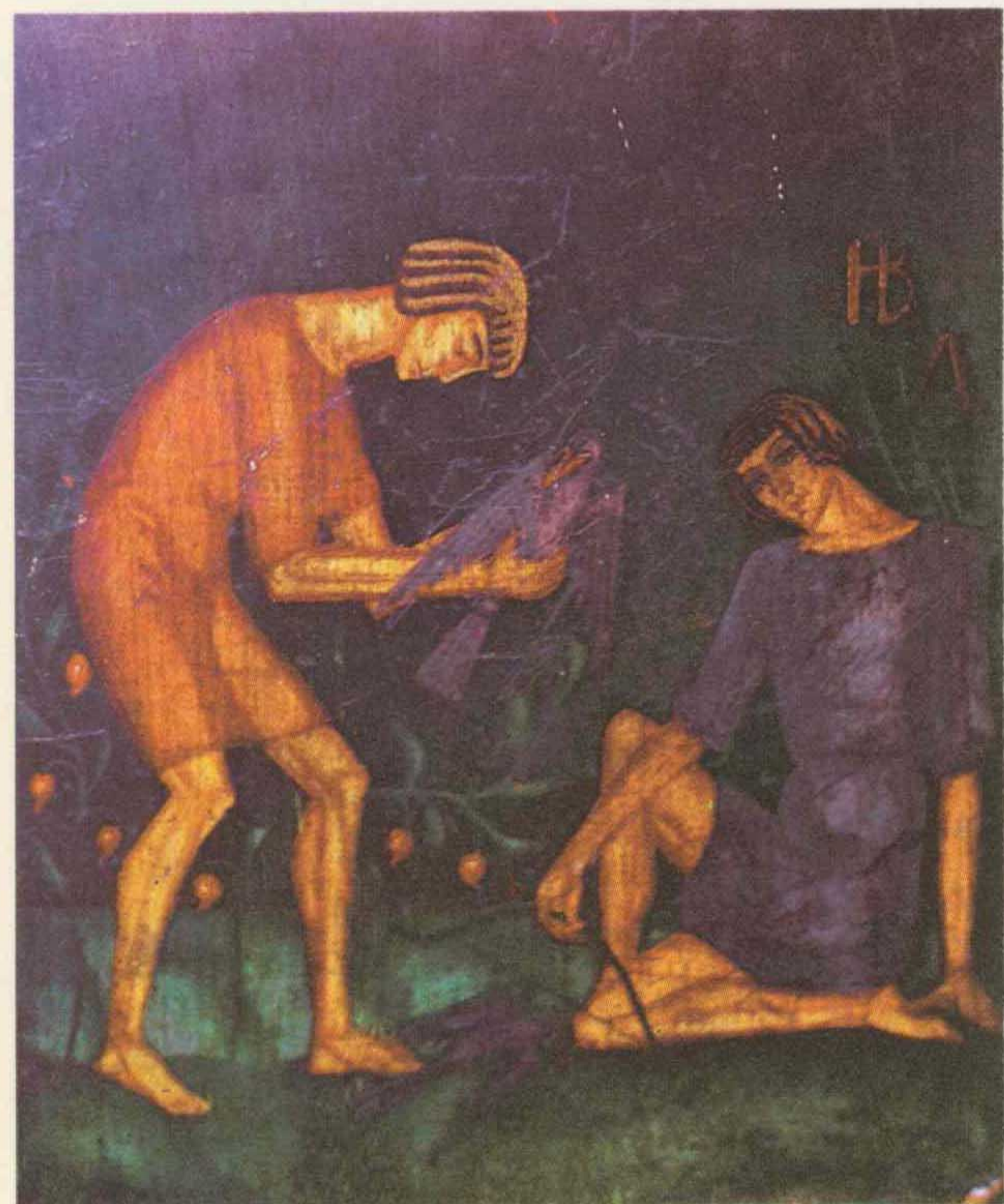
бразительному искусству у девочки проявился очень рано. Окончив в 1903 году Таганцевскую гимназию, она занимается в частной студии М. Д. Бернштейна, затем недолго посещает рисовальную школу Общества поощрения художников, а в 1905 году уезжает за границу: в Швейцарию, Францию и Германию. В Берлине Войтинская поступает в частную студию Вилли Шварца, здесь она изучает технику литографского искусства и совершенствуется в натурном рисунке. В 1908 году молодая художница вернулась в Россию. В эти годы дом Войтинских на Фонтанке, у Египетского моста, гостеприимно открыт для художественной молодежи. Здесь бывали Ахматова, Сомов, Волошин, балерина Карсавина, юная Лиза Пилленко — будущая поэтесса, героиня французского Сопротивления Е. Ю. Кузьмина-Караваева.

Вернувшись в Петербург, Войтинская сближается с художественной группировкой «Мир искусства» и прежде всего с А. Н. Бенуа. В 1909 году художница получает от Сергея Маковского заказ на серию портретов для издаваемого им журнала «Аполлон» и энергично принимается за работу. В ее мастерскую привезен огромный литографский камень, и, разделив его на квадраты, прямо на него, без предварительного рисунка, наносит художница изображение. Каждый портрет выполнялся с натуры, в 1—2 сеанса. Печатались оттиски в лучшей по тем временам типографии под непосредственным наблюдением самой Надежды Савельевны. Способность Войтинской мгновенно и безошибочно схватывать сходство поражала и вызывала восхищение окружающих. А. Войтинская-Хвостенко, в присутствии которой выполнялся портрет К. И. Чуковского, вспоминала, что, увидев свое изображение, Корней Иванович пришел в восторг и воскликнул: «Ай да Надежда Савельевна, ай да молодец! Это я, честное слово, это я!» Не менее эмоционально на портрет Чуковского прореагировал позднее И. Е. Репин. «Войтинская молодец!» — напишет он Корнею Ивановичу, выделив как самый лучший из 4 присланных ему изображений Чуковского портрет работы Войтинской.

Однако достоинства литографии Войтинской не только в большом внешнем сходстве и психологической достоверности. По сути дела, это

Н. С. ВОЙТИНСКАЯ. 1886—1965.
ПОРТРЕТ ДАМЫ. 1916.

ЮНОШИ С ПТИЦЕЙ. 1917.

подлинно новаторские работы: никто из современных ей художников не работал прямо на камне и не понимал так глубоко специфику литографского искусства и его возможностей. В работах Войтинской впервые после длительного периода упадка русская литография утверждает себя как самостоятельный и оригинальный вид искусства.

Заказ С. Маковского был выполнен в срок, художественные достоинства портретов не вызывали сомнений. Однако им не было суждено увидеть свет: в журнале «Аполлон» был помещен только один портрет — Н. С. Гумилева. Причиной этого был разрыв между Войтинской и Маковским, вызванный их идейно-художественными разногласиями. Маковский отказался оплатить работу молодой художницы, и весь тираж Войтинская увезла к себе домой, где он и пролежал более 50 лет, только самой своей малой частью попав в руки друзей Надежды Савельевны, в том числе и к А. Н. Бенуа.

Ссора с Маковским была чревата тяжелыми последствиями для художественной судьбы Войтинской: Надежда Савельевна перестает заниматься литографией, и с этого времени на-

но владея несколькими языками, она переводит «Зимнюю сказку» Г. Гейне, стихи И. Бехера, Э. Вайнерта, Ш. Петефи, Ф. Вольфа. Позднее, в конце 1940-х годов, в ее переводе выйдут «Записки о Шерлоке Холмсе» и «Баскервильская собака» А. К. Дойла. Изучая литературные связи К. Маркса и Г. Гейне, она пишет об этом статью, собирает материалы к монографии о Розе Люксембург, работает в архивах и исследует историю Ленских событий.

В годы Великой Отечественной войны Войтинская остается в осажденном Ленинграде и возглавляет бюро пропаганды при Ленинградском отделении Союза писателей, выступает с лекциями перед бойцами в госпиталях. После войны Надежда Савельевна возглавляет кафедру иностранных языков Всесоюзного заочного лесотехнического института. Ее культура, эрудиция, увлеченность поэзией и искусством привлекают к ней сердца молодежи.

В далекое прошлое отодвинулось изобразительное искусство, на антресолях лежат рулоны литографированных портретов. Надежда Савельевна не вспоминает о них, и даже ее близкие ничего не знают об их существовании. Наверное, поэтому таким радостным потрясением был для Войтинской неожиданный интерес к ней и к этой странице ее биографии. Ее искренний и вдохновенный труд оказался нужным людям и через 50 лет все же получил признание!

Скончалась Н. С. Войтинская 21 сентября 1965 года. Сейчас ее работы находятся в Третьяковской галерее, Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Государственном литературном музее и других крупнейших собраниях страны. Без них не мыслится ни одно серьезное исследование по истории графики начала XX века.

В МЯСНОЙ ЛАВКЕ. 1917.

В ЛОДКЕ. 1917.

чинается ее отдаление от изобразительного искусства.

В 1911—1912 годах она дважды ездит в Сибирь к брату-политкаторжанину, сосланному после революции 1905 года. С присущей ей энергией борется Надежда Савельевна за улучшение положения заключенных и добивается у генерал-губернатора права для политкаторжан жить на вольном поселении. Вернувшись в Петербург, Войтинская поступает на философское отделение Бестужевских курсов и кончает их в 1916 году, выбрав специальностью теорию и философию искусства.

В эти годы, видимо, под влиянием художницы С. И. Бодуэн де Куртене Н. С. Войтинская начинает работать темперой и маслом. Работ этого плана сохранилось немного, и лучшие из них — портреты. В них, несмотря на определенную стилизованность, тот же психологизм и острая выразительность. Другие («Юноши с птицей», «Фигуры под деревом») дают представление о поисках своего пути в живописи — в них чувствуется знание раннего итальянского примитива, восточной миниатюры и современного искусства модерна. Живописные работы Войтинской на выставке в Бюро Добычиной не проходят незамеченными. Один из критиков, сравнивая их с картинами Ю. Анненкова, писал: «Я чувствую в ней (Войтинской. — А. С.) творца... может быть, робкого, но полного содержанием». И справедливо отмечал «стихийное искание смысла и утверждения ценности жизни». Успешно для Надежды

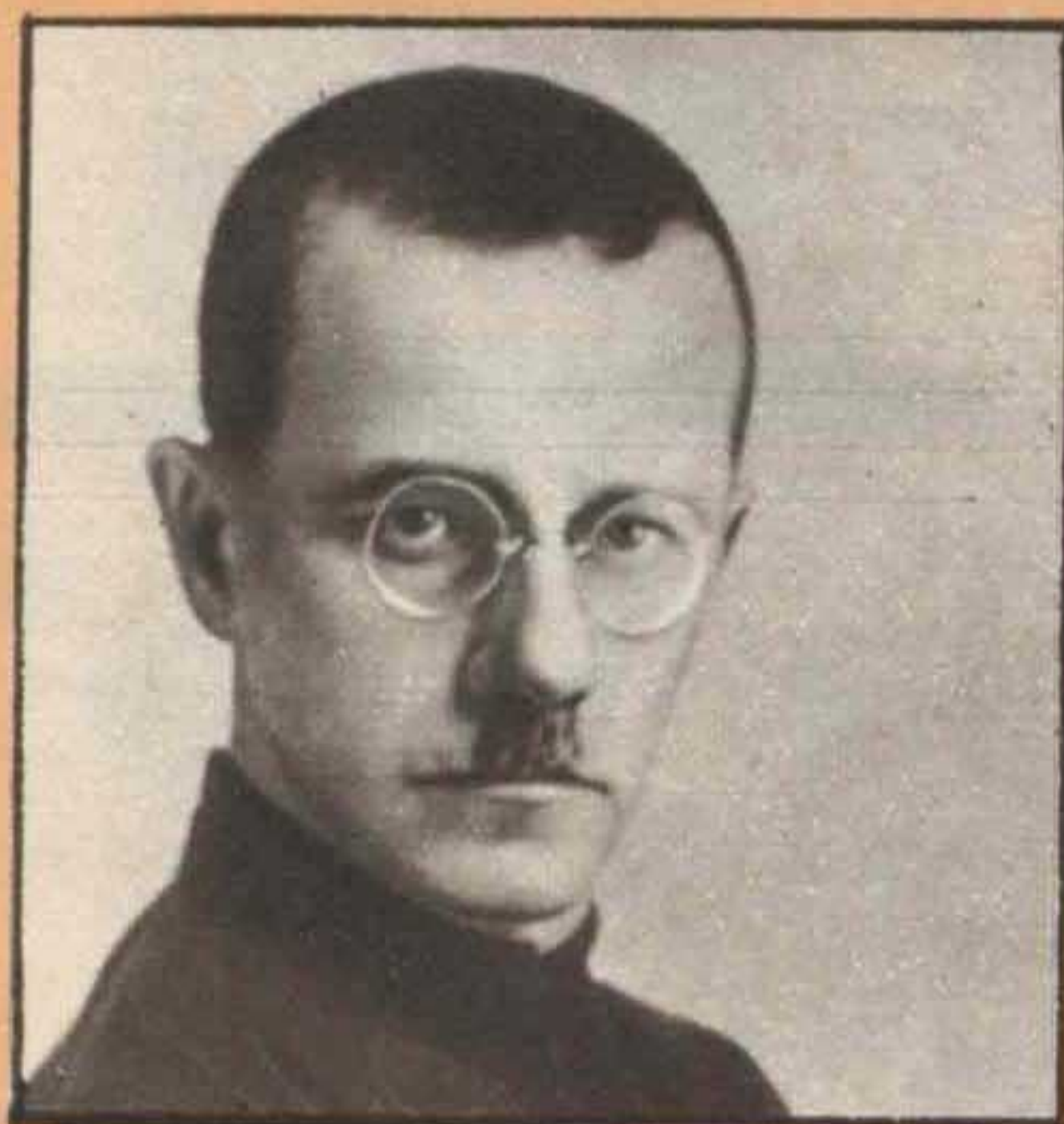
Савельевны прошла в 1917 году и выставка в Гельсингфорсе, где почти все ее работы были раскуплены.

Но художественная практика постепенно в жизни Войтинской отходит на второй план, художник уступает место исследователю. В 1920 году она поступает в Институт истории искусств и после окончания остается в нем работать. Диапазон научных интересов Войтинской поистине удивителен: она изучает теоретиков немецкого романтизма, классицизма и барокко, пишет большое исследование «Проблема формы у Гильдебрандта», читает курс лекций «О диалектическом методе в искусствоведении», работает над монографиями о Рафаэле и Энгре. Рукописи этих работ, хранящиеся в архиве Государственной Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина, свидетельствуют об их высоком профессиональном уровне. Но этим не исчерпывается деятельность Войтинской тех лет. С 1928 года она много и плодотворно работает в области литературы для юношества. Одна за другой выходят ее книги, посвященные французской революции, — «Заговор равных», «На баррикадах», арктическим экспедициям — «В кольце льдов», «Земля Нансена», «На Север», историческая повесть «Пугачевщина» и книжка «По пути в Музей», написанная в соавторстве с Б. П. Брюлловым.

Литературное творчество Войтинская сочетает с работой профессионального переводчика. Великолеп-

Стихи поэтов данной подборки
взяты из уникальных экземпляров книг,
хранящихся в библиотеке имени Ленина,
в собрании А. Н. Тарасенкова.
Хорошо, что сохранилась коллекция,
каждая из книг которой любовно переплетена
самим владельцем (так называемый
ситцевый переплет Тарасенкова)
и обозначена его фамилией
без какого-либо вычурного экслибриса.
Скажем Тарасенкову спасибо
за то, что он так любовно собирал буквально
каждую строчечку русской поэзии.

**Алексей
ГАСТЕВ
1882—1941**

Революционер с ранней юности. Один из первых, кто предвосхитил идеи кибернетики. Стихи его искренни, но риторичны. Незаконно репрессирован.

МЫ РАСТЕМ ИЗ ЖЕЛЕЗА

Смотрите! — я стою среди них: станков,
молотков,
вагранок и горн и среди сотни товарищей.
Вверху железный кованый простор.
По сторонам идут балки и угольники.
Они поднимаются на десять сажен.
Загибаются справа и слева.
Соединяются стропилами в куполах и, как плечи
великана, держат всю железную постройку.
Они стремительны, они размашисты, они сильны.
Они требуют еще большей силы.
Гляжу на них и выпрямляюсь.
В жилы льется новая, железная кровь.
Я вырос еще.
У меня самого вырастают стальные плечи
и безмерно
сильные руки. Я слился с железом постройки.
Поднялся.
Выпираю плечами стропила, верхние балки,
крышу.
Ноги мои еще на земле, но голова выше здания.
Я еще задыхаюсь от этих нечеловеческих усилий, а
уже кричу:
— Слова прошу, товарищи, слова!
Железное эхо покрыло мои слова, вся постройка
дрожит нетерпением.
А я поднялся еще выше, я уже наравне с трубами.
И не рассказ, не речь, а только одно мое
железное
я прокричу:
«Победим мы!»

**Александр
ШИРЯЕВЦ**
(псевдоним
АБРАМОВА)
1887—1924

Крестьянский поэт, пришедший с разинской Волги и воспевший ее горе и надежды. Учился у Кольцова, Сурикова, Есенина. Под впечатлением неожиданной смерти Ширяевца Есенин написал знаменитые стихи: «Мы теперь уходим понемногу...»

ПОМИНАЛЬНИК [1922]

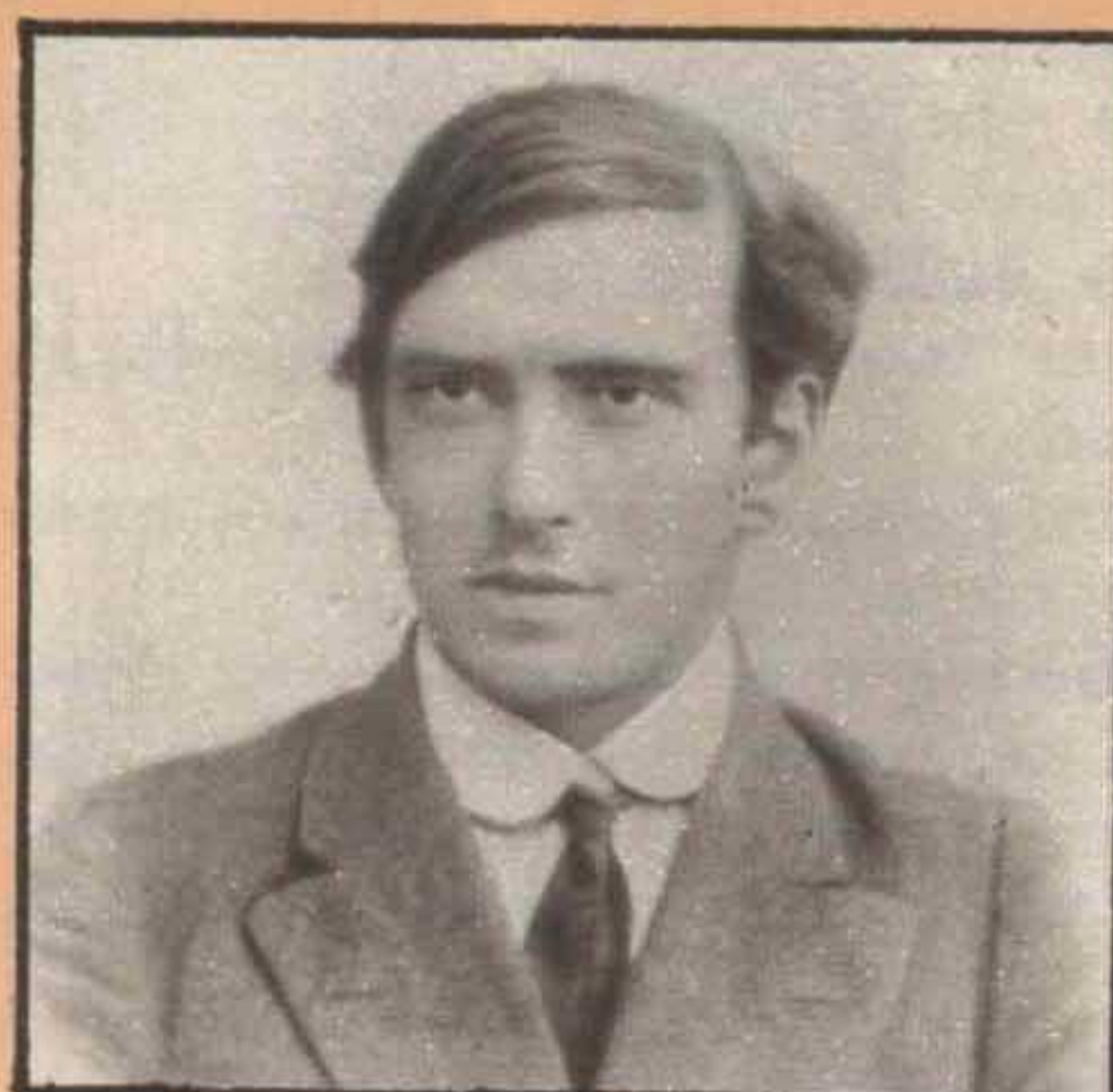
УШИ

Был пойман на месте преступления:
 На лодке плыл, пошаливал... отец!..
 — «Сойди!» Схожу... отецкое внушеньё —
 Пылают уши, что огонь-пунец..
 — Один ведь сын! — «Смотри! избаловался! —
 А вдруг потонешь! Дальше от реки!..
 Но все же часто я за весла брался,
 Вот потому и уши велики...

ДУНЬКА ШЛЯХОВА

Она на клиросе по воскресеньям пела,
Полынь ученья вместе с ней я ел...
В глазах ее отравы зеленела,
Ну... ну и я на клиросе запел...

Придет весной в малиновой обнове,
И тяжко мне седую вязь плести...
— Господь, господь! Тебя я славословил
Ведь из-за Дуньки Шляховой! Прости!..

Алексей ЛОЗИНА-ЛОЗИНСКИЙ
1886—1916

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (отрывок)

Теперь мне все равно, где жизнь моя проходит —
Здесь, в городе, сейчас, иль двести лет назад...
Ведь в самом главном жизнь на жизнь всегда
походит!

Хоть я люблю ее. Я жизни очень рад...
Борьба вокруг меня — мой интерес. Мгновенье
На звездочке одной из Млечного Пути,

И это все равно какое представленье
В туманных образах увидеть и уйти.
Я с интересом все слежу и замечаю,
Я аплодирую, презрительно свищу
И знаю про себя, что ничего не знаю,
Но и познания я больше не ищу.

**Константин
ЛИПСКЕРОВ
1889—1954**

Как и многие литераторы, сначала занимался живописью. Был неотъемлемой частичкой атмосферы искусства того времени, принадлежал к тем, о ком говорят: «Он знал всех, и его знали все». После нескольких книг стихов перевел на русский язык армянский эпос «Давид Сасунский», поэмы Низами. Автор пьес «Карменсита», «Митькино царство», «Надежда Дурова» (вместе с А. Кочетковым).

ПЕСЕНКИ ШИРМАМЕДДА

* * *

Внизу по камням катится река...
Твой старый муж торгует на базаре...
Уста к уста. В руке дрожит рука,
Внизу по камням катится река...
Сень абрикосов зыблется слегка,
Качнулась тень на сладостном загаре.
Внизу по камням катится река...
Твой старый муж торгует на базаре.

НАД РОЗАМИ

Нежно поднятие век... Тяжко смыкание век.
В мире возник человек... Сон увидел человек.
Навек.
В странах растут города... Рушатся вновь города.
В небе зажжется звезда... И упадет звезда.
Куда?
К розовой нежности уст мчится дыхание уст.
Розами полнится куст... Снова становится куст
Пуст.
Дети играют у вод. Быстро струение вод.
Вот расплелся хоровод... Новым вести хоровод
Черед.
Снегом покрыта земля... В зелени снова земля.
В зелени долго ль поля? Стужа вернется,— поля
Убеля.
Лунный возносится свет... Лунный закатится свет.
Цепи сияют планет... Снова далеких планет —
Нет.
Нежно поднятие век... Тяжко смыкание век.
В мире возник человек... Сон увидел человек.
Навек.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ
МУЗА
XX
ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

СКЛАДЕНЬ

НИЛ СОРСКИЙ

Мертвы болота, не улыбка Сора,—
Да лучше лечь в единой из могил!
Но возлюбил сие пустынный Нил:
Для «внутреннего деланья» — просторы!

Стал подвизаться. Не жалея сил,
Христову ниву очищал от плевел,
Божественною истиною веял,
Зело ханжей тучнейших он клеймил.

Мертвы болота. Подвигом красен
Суровый скит. Да вот вспомин усада:
Святыни благолепные Царьграда,
Афона дальнего медлительный зазвон.

Болота вновь. А Русь-то не болото?..
Вновь за труды, мамоны слуг грома,
Слова последние в предсмертную дремоту:
«С бесчестьем всяким погребите мя».

МЕРЗ ЕГО МЕРТВЕЦ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

рошу прощения, мадам...— Лишь сейчас комиссару Мегрэ удалось прервать свою словоохотливую посетительницу.— Теперь вы говорите, якобы ваша дочь исподтишка вас отвлекает.

— Суцая правда.

— Но минуту назад вы категорично заявляли, будто это ваш зять, незаметно подойдя к горничной, влил яд не то вам в кофе, не то в настой ромашки...

— Суцая правда.

— А между тем...— Мегрэ взглянул или сделал вид, что разглядывает записи, сделанные во время беседы, продолжавшейся более часа.— Между тем сначала вы утверждали, что ваша дочь и ее муж не переваривают друг друга.

— И это правда, господин комиссар.

— И они сговорились убить вас?

— Да нет же! Дело вот в чем... Они независимо друг от друга пытаются меня уничтожить. Понимаете?

— И ваша племянница Рита?

— И она тоже. Независимо от остальных.

На дворе стоял февраль. Погода выдалась ясная, солнечная. Порой дождем проливались плывущие в небе пушистые облака. Однако со времени появления в кабинете у него гости Мегрэ трижды подкладывал дрова в камин, последний камин в управлении уголовной полиции, который с таким трудом удалось отстоять комиссару, когда в доме на набережной Орфевр устанавливали центральное отопление.

В норковой шубе, черном шелковом платье, вся в брильянтах — драгоценности сверкали в мочках ушей, на груди, шее, запястьях, как у цыганки, — гостья, видно, обливалась потом. Она и вправду походила скорее на цыганку, чем на светскую даму. Яркий грим начал шелушиться и осыпаться.

— Словом, вас пытаются отравить сразу три человека.

— Не просто пытаются... Они уже принялись за дело.

— И вы предполагаете, что делают они это без ведома друг друга?

— Не только предполагаю, я в этом уверена.— Дама говорила с тем же румынским акцентом, какой был у знаменитой актрисы, выступавшей в театрах на Бульварах, и с такой же страстностью, всякий раз заставлявшей Мегрэ вздрагивать.

— Я в своем уме... Вот, прочтите... Вы, наверное, знаете профессора Тушара? Когда идет какой-нибудь важный процесс, его всегда приглашают экспертом.

Она все предусмотрела, даже не забыла проконсультироваться у самого известного в Париже

специалиста по душевным болезням и получить у него записку, подтверждающую ее вменяемость!

Оставалось лишь одно — терпеливо ждать, время от времени записывая в блокнот несколько слов, чтобы ублажить гостью. У нее была рекомендация министра, тот лично позвонил начальнику управления полиции. Муж дамы, умерший несколько недель назад, был государственным советником. Жила она на улице Пресбур, в одной из каменных громад, выходящих одним фасадом на площадь Звезды.

— Что же касается моего зятя, то дело обстоит следующим образом... Я изучала этот вопрос... Я несколько месяцев наблюдала за ним...

— Выходит, он начал свою деятельность, когда был еще жив ваш муж?

Дама показала обстоятельно начерченный план второго этажа своего дома.

— Моя комната обозначена буквой «А». Комната моей дочери и ее мужа — буквой «Б»... Но уже некоторое время Гастон там не спит.

Телефон. Наконец-то Мегрэ получил небольшую передышку.

— Алло... Кто говорит?

Обычно диспетчер соединял с ним лишь в крайних случаях.

— Простите, шеф... Некий господин, не желающий назваться, хочет непременно поговорить с вами... Он говорит: это вопрос жизни и смерти.

— И он намерен поговорить со мной лично?

— Да... Соединить его с вами?

Тут Мегрэ услышал взволнованный голос:

— Алло... Это вы?

— Да, я комиссар Мегрэ.

— Простите... Мое имя вам ничего бы не сказало, но вы знали мою жену Нину... Вы слушаете? Я должен рассказать вам как можно быстрее. Он может появиться здесь каждую минуту...

«Ну и ну! — подумал было Мегрэ. — Еще один тронутый. Вот день выдался».

Он заметил, что лунатики попадают пачками, словно бы находясь под воздействием определенных фаз Луны. Как-нибудь надо заглянуть в календарь.

— Сначала я хотел повидать вас... Походил по набережной Орфевр, но войти побоялся. Он преследовал меня по пятам. По-моему, ему ничего бы не стоило выстрелить...

— О ком вы говорите?

— Минуточку... Я поблизости... Напротив вашего управления. Совсем недавно ваше окно видел... Набережная Августинцев... Небольшое кафе под названием «Подвалы Божоле» знаете? ...Я только что зашел в телефонную будку... Алло... Вы слушаете?

Было десять минут двенадцатого. Мегрэ по привычке отметил на листке время, потом записал название кафе.

— Я взвесил все возможные варианты... Обращался к полицейскому на площади Шатле.

— Когда?

— Полчаса назад... Один из этих людей шел за мной по пятам... Невысокий, темноволосый... Их несколько, они меняют друг друга... Не уверен, что сумею опознать их всех... Знаю, что низенький брюнет из их шайки.

Молчание.

— Алло,— произнес Мегрэ.

Молчание продолжалось еще несколько мгновений, затем голос стал слышен вновь.

— Извините... Кто-то вошел в кафе, я подумал: это он... Открыл дверь телефонной кабины, чтоб посмотреть. Оказалось, это просто рассыльный... Алло!..

— Что вы сказали полицейскому?

— Сказал, что несколько человек преследуют меня со вчерашнего вечера... Точнее, со второй половины дня... Что они явно ищут возможность убить меня... Просил арестовать типа, который шел позади.

— Полицейский отказался?

— Он велел мне показать того человека. Я попробовал было это сделать, но не смог его отыскать... Поэтому полицейский мне не поверил... Я воспользовался случаем и спустился в метро... Вскочил в вагон, как только поезд тронулся... Прошел по всем переходам... Вышел напротив большого универмага возле ратуши и прошел по всем магазинам...

Бедняга, видно, шел быстро, если не бежал: голос у него был хриплым и отрывистым.

— Вот о чем я вас прошу. Поскорей отправьте детектива в штатском. В кафе «Подвалы Божоле»... Он не должен со мной разговаривать... И вообще обращать внимания... Я выйду из кафе... Тогда тот малый почти наверняка последует за мной... Вы его арестуйте, я приду к вам и все выложу.

— Алло!

— Я говорю, что...

Молчание. Какая-то возня.

— Алло!.. Алло!..

Связь оборвалась.

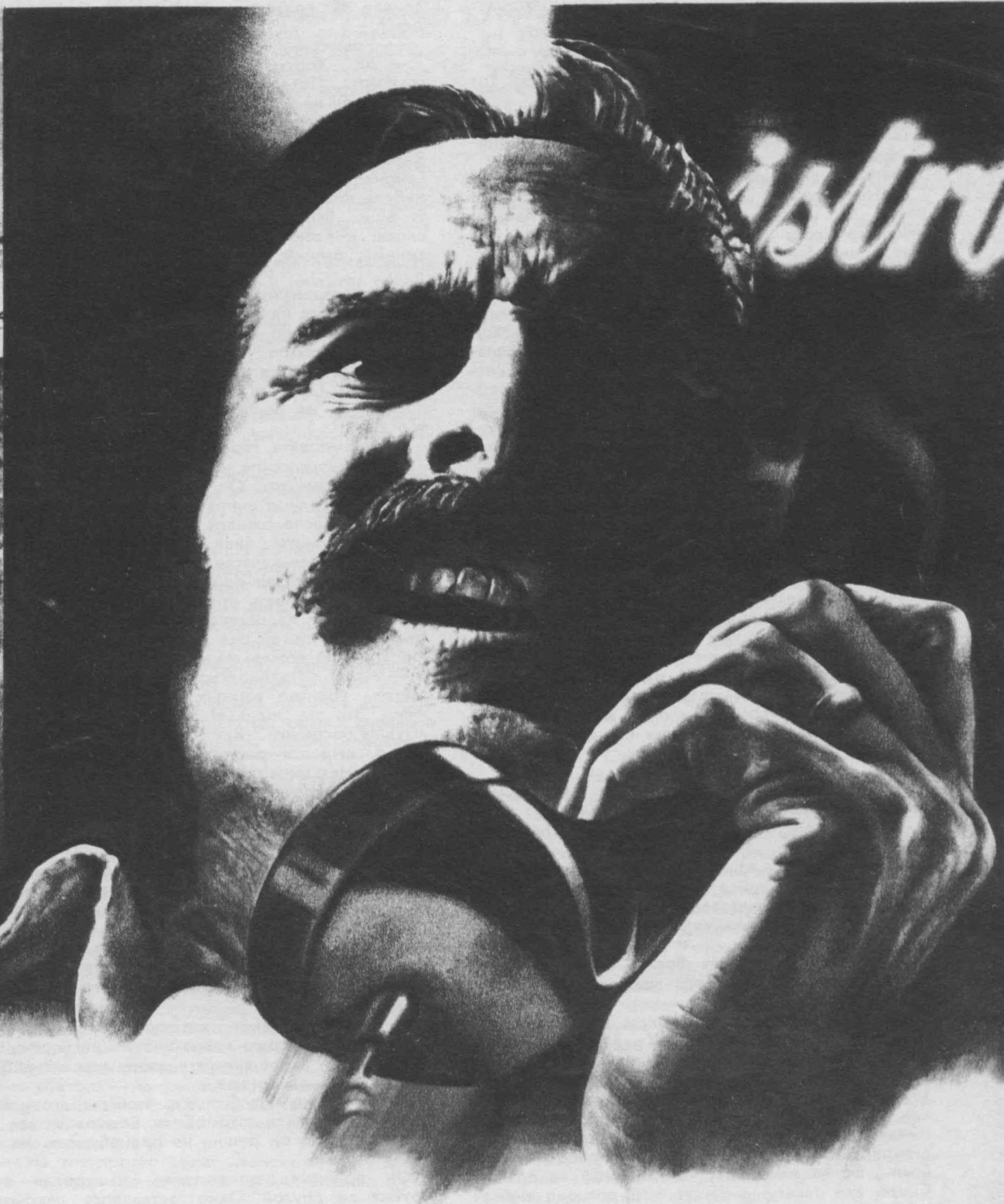
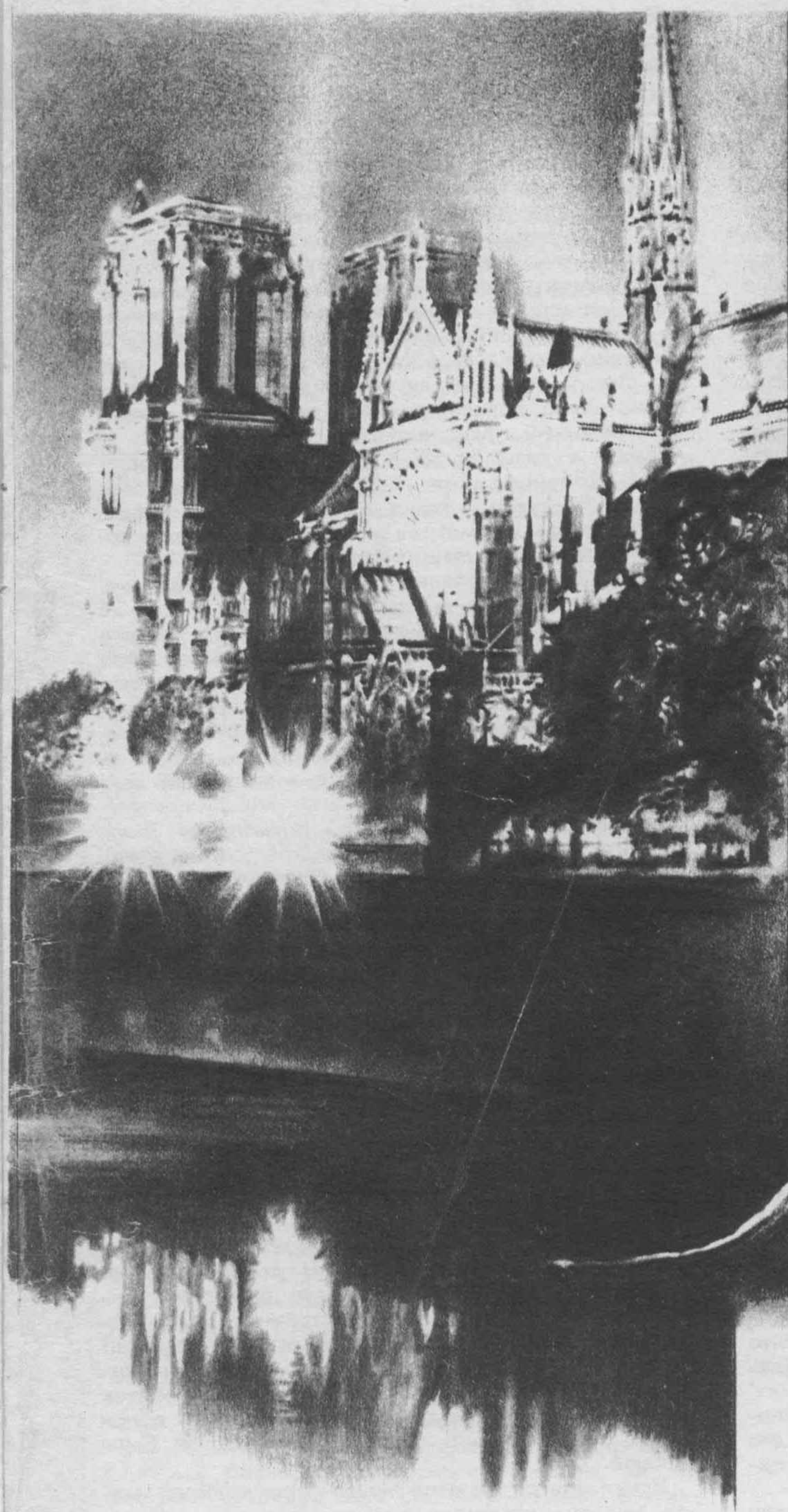
— Я вам говорила... как ни в чем не бывало продолжила свою историю об отравлении пожилая дама, увидев, что комиссар повесил трубку.

— Одну минуту, с вашего позволения.— Мегрэ открыл дверь, ведущую в дежурное помещение.

— Жанвье. Надень шляпу и бегом на набережную Августинцев. Там есть небольшое кафе «Подвалы Божоле». Спроси, там ли еще тот парень, который только что звонил.

Комиссар снова снял трубку.

— Соедините меня с кафе «Подвалы Божоле». Одновременно он выглянул в окно и на другом берегу Сены, где к набережной Августинцев примыкает парапет моста Сен-Мишель, увидел узкий фасад неказистого бистро, куда иногда заходил, чтобы выпить у стойки стаканчик вина. Вспомнил, что надо спуститься на ступеньку вниз,

что в помещении прохладно и что на владельце, как на всех кабатчиках, надет черный фартук. Вход загораживал стоявший перед кафе грузовик. Прохожие обходили его по мостовой.

— Видите ли, господин комиссар...

— Прошу прощения, мадам!—По-прежнему глядя в окно, Мегрэ стал старательно набивать трубку.

Эта старуха со своими рассказами отнимет у него все утро, если не больше. Принесла с собой грудку каких-то бумаг, планов, свидетельств, даже анализы пищи, которые сделал ей аптекарь.

— У меня всегда были подозрения, вы понимаете?

От посетительницы исходил густой, удушливый аромат духов, наполнявший помещение и совершенно заглушавший запах трубачного табака.

— Алло! Вам еще не удалось связаться?

— Я пытаюсь, шеф... Но номер постоянно занят... Если только трубка не снята.

В одной рубашке, без пиджака, Жанвье расхлябанной походкой перешел мост и сразу направился в бистро. Грузовик отъехал, но внутри кафе все равно было слишком темно. Прошло еще несколько минут. Затем зазвонил телефон.

— Все в порядке, шеф. Телефон работает.

— Алло!.. Кто говорит? Это ты, Жанвье?.. Трубка была снята?.. Ну?..

— В общем, тут говорил по телефону невысокий мужчина.

— Ты его видел?

— Нет. Когда я пришел, его уже не было. Видно, он все время глядел в окно кабины и открывал дверь.

— А потом?

— Вошел какой-то тип, посмотрел на телефон и заказал у стойки стакан аперитива. Как только первый заметил его, то сразу же оборвал разговор.

— Они оба вышли из кафе?

— Да, друг за другом.

— Попроси хозяина как можно подробнее описать их обоих... Алло!.. Возвращайся через площадь Шатле... Расспроси всех постовых полицейских... Выясни, не обращался ли к кому-нибудь из них минут сорок назад этот парень с просьбой арестовать человека, который его преследует.

Когда Мегрэ повесил трубку, старуха, одобritельно поглядев на него, произнесла так, словно ставила ему хорошую отметку:

— Именно так и надо вести расследование. Вы времени зря не тратите. Ничего не упускаете из виду.

Мегрэ со вздохом сел. Он хотел было открыть окно: в натопленной комнате становилось душно, но решил не упустить случая спровадить министерскую протезу.

Обен-Васконселос. Такова была ее фамилия. Она надолго врзалась ему в память, хотя Мегрэ больше не видел эту даму. Умерла ли она вскоре? По-видимому, нет. Иначе бы он узнал об этом. Не следовало ли ее изолировать? Возможно, не найдя поддержки со стороны полиции, она обратилась в какое-нибудь частное агентство? А может, на другой день у нее появилась какая-то другая мания?

Как бы то ни было, пришлось битый час слушать рассказы о всех обитателях того огромного

мрачного дома на улице Пресбур, которые только и думали с утра до вечера, как бы отравить старуху.

В двенадцать часов он наконец открыл окно и с трубкой в зубах вошел в кабинет начальника уголовного полиции.

— Отделались от нее деликатно?

— По возможности.

— Помнится, в свое время она была одной из красивейших женщин в Европе. Я немного знал ее мужа. Это был самый мягкий, самый бестолковый и самый нудный человек, какого только можно представить. Вы идете, Мегрэ?

Тот заколебался. На улицах чувствовалось чуть слышное дыхание весны. В кафе «Дофин» столы уже были вынесены на террасу, и поэтому замечание начальника Мегрэ воспринял как приглашение сходить пропустить перед обедом рюмку аперитива.

— Пожалуй, я останусь. Утром мне был странный звонок.

Он хотел было рассказать подробнее, но тут задребезжал телефон. Начальник снял трубку, потом протянул Мегрэ.

Инспектор сразу же узнал голос. В нем было еще больше отчаяния, чем утром.

— Алло!.. Нас только что прервали... Он вошел... Он мог услышать через дверь кабины. Я испугался...

— Где вы?

— В кафе «Таба де Бог» на углу площади Бог и улицы Свободного гражданина... Я попробовал оторваться от него... Не знаю, удалось ли... Клянусь, он попытается убить меня... Объяснять слиш-

ком долго... Я подумал: другие, верно, подымут меня на смех, но вы...

— Алло?

— Он здесь... Я... Извините...

Начальник управления поглядел на Мегрэ. Тот криво улыбался.

— Что-нибудь случилось?

— Право, не знаю... Какая-то нелепая история... Не возражаете?..

Мегрэ снял трубку другого аппарата.

— Немедленно соедините меня с «Таба де Вог»... Да, владельца... — Обратившись к начальнику, комиссар добавил: — Если только на этот раз он не забыл повесить трубку!

Телефон зазвонил почти тотчас.

— Алло! «Таба де Вог»? Я разговариваю с владельцем?.. Посетитель, который только что звонил, все еще у вас?.. Что такое?.. Да, сходите и выясните... Алло! ...Только что ушел? ...Он расплатился? ...Скажите, входил ли кто-нибудь еще, когда он разговаривал по телефону? ...Нет? ...На террасу? ...Посмотрите, там ли он еще? ...Не дожидаясь выпивки, которую заказал?.. Благодарю... Нет... Кто интересуется, вы говорите? ...Полиция... Нет, не беспокойтесь...

И тут Мегрэ решил не идти с шефом в кафе «Дофин». Когда он открыл дверь дежурной комнаты, то увидел Жанвье. Тот успел вернуться и ждал его.

— Зайди ко мне. Рассказывай.

— Это довольно странный тип... Невысокий, в плаще, серая шляпа, черные туфли... Ворвался в кафе «Подвалы Божоле» и кинулся к телефонной будке, крикнул при этом хозяину: «Плесните мне чего-нибудь...» В окно кабины кабатчик видел, как тот возбужденно размахивал руками... Потом, когда вошел другой, первый выскочил, как пробка, не успев ничего ни выпить, ни сказать, и кинулся в направлении площади Сен-Мишель.

— А второй?

— Тоже низенький... То есть не очень высокого роста, плотный, такой чернявый...

— А как обстоит с полицейским на площади Шатле?

— Так все и было... Малый в плаще подходил к нему, запыхавшийся и крайне возбужденный. Отчаянно жестикулировал, просил арестовать кого-то, кто его преследует, но в толпе опознать никого не смог.

— Ступай на площадь Вог, в табачную лавку на углу улицы Свободного гражданина.

— Хорошо.

Невысокий человек в бежевом плаще и серой шляпе, у которого привычка размахивать руками. Вот почти все, что о нем известно. Оставалось лишь одно: стоять у окна и разглядывать толпу народа, хлынувшую из учреждения, заполняя кафе, террасы, рестораны. Париж выглядел оживленным и веселым. Как это всегда бывает в середине февраля, ощущалось первое дыхание весны, более желанное, чем в самый ее разгар. Скоро все газеты сообщат, что расцвел знаменитый каштан на бульваре Сен-Жермен. Мегрэ позвонил в кафе «Дофин».

— Алло, Жозеф? ...Это Мегрэ... Не пришлешь мне кружку пива и бутербродов?.. Да, на одного.

Прежде чем успели принести бутерброды, ему снова позвонили. Мегрэ тотчас узнал голос: комиссар распорядился, чтобы диспетчер соединил с ним, ни секунды не мешкая.

— Алло!.. На этот раз, кажется, я от него отделался...

— Кто вы?

— Муж Нины... Это неважно... Их по крайней мере четверо, не считая женщины... Пусть кто-нибудь сию же минуту придет и...

На сей раз собеседник не успел сообщить, откуда он звонит. Мегрэ связался с коммутатором. Но на это ушло несколько минут. Звонили из «Четырех сержантов из Лярошели», ресторана на бульваре Бомарше, неподалеку от площади Бастилии.

Это было также недалеко и от площади Вог. По существу, можно было проследить маршрут, которым двигался по району этот невысокий человек в плаще.

— Алло, это ты, Жанвье?.. Я так и подумал, что ты еще здесь...

Мегрэ звонил ему на площадь Вог.

— Живо ступай в кафе «Четыре сержанта из Лярошели»... Да, такси не отпускай...

Прошел час. Ни звонка, ни вестей от «Нинино-го мужа». Зазвонил телефон, но это был официант из кафе.

— Алло! Я разговариваю с комиссаром Мегрэ?.. С самим Мегрэ?.. Я официант кафе «Бираг» на улице Бираг... Я по поручению клиента, он попросил меня позвонить вам...

— Давно?

— Примерно четверть часа назад... Мне сле-

довало бы позвонить сразу, но у нас такой наплыв...

— Невысокий человек в плаще?

— Да... Хорошо... А то я боялся: меня разыгрывают... Похоже, он очень спешил... Все время глядел на улицу... Минутку, сейчас точно припомню... Он велел мне передать, что попробует провести своего спутника в «Пушку Бастилии»... Знаете, где это? Это пивная на углу бульвара Генриха IV... Он хотел, чтобы вы прислали кого-нибудь как можно скорее... Минутку... Было что-то еще... Вы, наверно, поймете... Вот его точные слова: «Человека сменили... Теперь это здоровенный, рыжий, самый опасный из всех...»

Мегрэ отправился туда сам. До площади Бастилии добрался на такси раньше чем через десять минут. Это было просторное, спокойное заведение, посещаемое чаще всего завсегдатаями, которые заказывали дежурное блюдо или холодное мясо. Поискав взглядом человека в плаще, посмотрел на вешалки, надеясь увидеть бежевый плащ.

— Послушайте, гарсон...

Не считая кассира и хозяйина, в кафе было шестеро официантов. Он опросил их всех: интересующее его лицо никто из них не заметил. Тогда комиссар расположился в углу возле двери и заказал полпинты пива, в ожидании потягивая трубку. Полчаса спустя, хотя он и съел свои бутерброды, заказал еще порцию капусты и принялся разглядывать прохожих. Всякий раз, заметив плащ, он вздрагивал. А в плащах были многие: уже в третий раз за день шел дождь, мелкий грибной дождь, не мешавший светить солнцу.

— Алло!.. Полицейское управление?.. Говорит Мегрэ... Жанвье вернулся?.. Соедините меня с ним... Это ты, Жанвье?.. Хватай такси и кати в «Пушку Бастилии»... Как ты выражаешься, сегодня, видно, выдался ресторанный день... Буду тебя ждать... Нет, ничего нового...

Если человек, размахивающий руками, их разыгрывает, дело плохо. Мегрэ оставил Жанвье в «Пушке Бастилии», а сам на том же таксомоторе вернулся к себе в кабинет.

Маловероятно, чтобы мужа Нины убили после половины первого. Туда, где нет народу, он, похоже, не забирался, а, наоборот, выбирал оживленные улицы и людные кварталы. Но на всякий случай комиссар связался с отделом, который занимался чрезвычайными происшествиями и постоянно находился в курсе всего, что происходит в городе.

— Если вам станет известно, что с человеком в плаще произошло какое-нибудь несчастье, что он оказался замешанным в драку или что-нибудь вроде этого, позвоните...

Мегрэ также позаботился, чтобы в его распоряжении оставили автомобиль. Возможно, все это ни к чему, но он решил не пренебрегать ни одной мелочью.

Он принимал посетителей, выкуривая одну трубку за другой. Окно оставалось открытым. Мегрэ с укоризной поглядывал на телефон, продолжавший молчать.

«Вы встречали мою жену...» — говорил тот человек.

Мегрэ машинально попытался вспомнить женщину по имени Нина. Должно быть, ему попала не одна. Несколько лет назад он знал некую Нину, содержавшую небольшое бистро в Канне, но та была в летах и теперь наверняка умерла. У жены есть племянница по имени Али-на, которую все зовут Ниной.

— Алло!.. Комиссар Мегрэ?

Было четыре часа дня, но Мегрэ успел включить настольную лампу с зеленым абажуром.

— Говорит почтмейстер 28-го почтового отделения на улице предместья Сен-Дени... Простите за беспокойство... Возможно, это просто розыгрыш... Несколько минут назад к окошку заказных бандеролей подошел клиент... Алло!.. Он, похоже, очень торопился, выглядел испуганным. Так сказала мне моя служащая, мадемуазель Данфер... То и дело оглядывался... Сунул ей листок... И сказал: «Не старайтесь ничего понять... Срочно позвоните комиссару Мегрэ и передайте вот это сообщение...» А потом исчез в толпе.

Служащая обратилась ко мне... Этот листок лежит передо мной... Написано карандашом, корявым почерком... Человек, видно, царапал на ходу.

— Вот текст... «Я не смог пойти в «Пушку...». Вы понимаете, что это значит? Я нет... Но это неважно... Потом... одно слово я не могу разобрать... «Теперь их двое... черный вернулся». Я не уверен, что написано «черный»... Что вы сказали? Хорошо, раз вы считаете, что так и должно быть... Тут еще что-то написано... «Я уверен: они решили меня прикончить сегодня... Иду к набережной... Но они хитры... Предупредите полицию...».

Это все... Если угодно, я пришлю вам записку с посыльным... На такси?.. Ладно... При условии, что платите вы...

— Алло? Жанвье?.. Можешь возвращаться, старина...

Полчаса спустя оба сидели и курили в кабинете Мегрэ, где в камине тускло алел уголек.

— Надеюсь, улучил время пообедать?

— Съел порцию капусты в «Пушке...».

Точь-в-точь, как сам Мегрэ! Между тем тот успел заменить своими людьми всех патрульных — мотоциклистов и постовых полицейских. Парижане, которые валом валили, заполняя универмаги, толкались, врываясь в кинотеатры и станции метро, ничего не заметили, а между тем сотни глаз внимательно изучали толпу, вглядываясь в каждый бежевый плащ, каждую серую шляпу.

Часов в пять, когда в районе Шатле народу было особенно много, снова пошел дождь. Мостовые блестели, вокруг фонарей возник ореол, и каждые десять метров можно было видеть прохожих, останавливающих такси.

— По словам хозяина «Подвалов Божоле», ему лет тридцать пять — сорок... Владелец табачной лавки «Вог» считает — около тридцати... У него бритое лицо, румяные щеки, светлые глаза. А что за человек, выяснить не сумел... Мне сказали: «Такие, как он, встречаются на каждом шагу».

В шесть часов позвонила мадам Мегрэ, угощавшая ужином сестру. Она желала удостовериться, что муж не задержится, и попросила зайти по пути в кондитерскую.

— До девяти подежуришь? Я попрошу Люка сменить тебя.

Жанвье охотно согласился. Оставалось одно — ждать.

— Если что, звякни мне домой...

Мегрэ не забыл заглянуть в кондитерскую на Республиканском проспекте, единственное, по мнению мадам Мегрэ, заведение, где можно достать хорошие пирожные. Поцеловал свояченицу, от которой всегда пахло лавандой. Пообедали втроем. Он выпил рюмку кальвадоса. Прежде чем проводить Одетту до метро, позвонил в управление.

— Люка?.. Что нового?.. Ты еще в моем кабинете?

Люка, должно быть, сидел в кресле самого Мегрэ, положив ноги на стол.

— Ну, валяй, старина... Доброй ночи.

Когда Мегрэ возвращался от станции метро, на бульваре Ришар-Ленуар было безлюдно. Тишину нарушали лишь его собственные шаги. Писался стук каблучков. Вздвигнув, комиссар невольно оглянулся, подумав о том человеке, который, возможно, в эту самую минуту метется по улицам, сторонясь темных закоулков и в поисках хоть какой-то защиты забегая в бары и кафе.

Уснул Мегрэ раньше жены — по крайней мере так она утверждала, как утверждала также, будто он храпит. Когда зазвонил телефон, будильник, стоявший на прикроватной тумбочке, показывал двадцать минут третьего. На проводе был Люка.

— Возможно, я зря вас беспокою, шеф... Мне самому еще мало что известно... Дежурный отдела происшествий только что сообщил, что на площади Согласия обнаружили убитого... Возле набережной Тюильри... Делом занимается первый округ... Я попросил ребят оставить все как было... То есть как? Хорошо... Если вам угодно... Я пришлю такси...

Мадам Мегрэ вздохнула, увидев, что муж натягивает брюки и ищет сорочку.

— Как думаешь, это надолго?

— Не могу сказать.

— Неужели нельзя было послать какого-нибудь сержанта?

Когда муж открыл буфет, стоявший в столовой, мадам Мегрэ поняла, что тот собирается налить себе рюмку кальвадоса. Затем он вернулся еще раз: забыл свои трубки.

Такси уже ждало его. Большие бульвары были почти пустынные. Над зеленоватым куполом Оперы плыла огромная, ярче обыкновенного, луна.

На площади Согласия, возле сада Тюильри, у тротуара стояли два автомобиля, рядом двигались какие-то темные фигуры.

Едва Мегрэ вышел из такси, как тотчас увидел бежевый плащ, темным пятном выделявшийся на серебристой мостовой.

Расступились облаченные в пелерины полицейские, навстречу комиссару вышел инспектор из первого округа.

— Это был не розыгрыш... Доконали-таки они его!

Со стороны Сены, протекавшей поблизости, доносился прохладный плеск воды, от улицы Ройаль к Елисейским полям бесшумно мчались так-

си. В ночной тьме над рестораном Максима горели алые буквы вывески.

— Заколот ножом, господин комиссар, — констатировал инспектор Лекё, старинный знакомец Мегрэ. — Мы не вынимали, ждали вас.

Отчего же у Мегрэ тотчас возникло чувство, будто тут что-то не так?

Площадь Согласия, над которой вознесся белый Обелиск, слишком обширна, слишком заносчива, слишком на виду. Все это не увязывалось с утренними телефонными звонками, с кабачком «Подвалы Божоле», лавкой «Таба де Вог» и кафе «Четыре сержанта», что на бульваре Бомарше.

До самого последнего зова о помощи, записки, сунутой в окошечко почтовой конторы в предместье Сен-Дени, человек этот держался района с узкими людными улочками.

Мог ли человек, которого преследуют, который знал, что по пятам за ним движется убийца, и каждую минуту ожидал удара, мог ли такой человек очутиться на широком открытом пространстве площади Согласия?

— Вот увидите, выяснится, что убит он был не здесь.

Слова Мегрэ подтвердились час спустя, когда принес свой рапорт сержант Пьебеф, дежуривший у ночного клуба на улице Дуэ.

Перед клубом остановился автомобиль, в котором находились двое мужчин в смокингах и две женщины в вечерних платьях. Все четверо были в веселом расположении духа и немного «под мухой», особенно один из мужчин. Когда его спутники ушли, он вернулся.

— Послушайте, сержант... Не знаю, правильно ли я делаю, что рассказываю это вам, ведь я вовсе не хочу, чтобы нам испортили вечер... Да уж куда ни шло!.. Поступайте, как найдете нужным... Когда мы проезжали площадь Согласия, впереди нас остановился автомобиль... Я сидел за рулем и притормозил, решив, что у того забарахлил двигатель... Из автомобиля что-то вытащили и положили на мостовую... По-моему, это был труп... Желтый «ситроен» с парижским номером. Две последние цифры «3» и «8».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда же именно в управлении уголовной полиции убитого стали называть «мертвецом комиссара Мегрэ»? Пожалуй, с первой же их встречи в ту ночь на площади Согласия, если только это можно назвать встречей. Во всяком случае, инспектора Лекё поразило отношение комиссара к убитому. Трудно сказать определенно, почему оно было несколько необычным, это отношение. Насильственная смерть, самые неестественные позы трупов — для полицейских зрелище привычное. Все это ими воспринимается с профессиональным равнодушием, если не сказать, шутовской. Так ведут себя студенты-медики, очутившись в больничной палате. Более того, Мегрэ, похоже, не был поражен в обычном смысле слова.

Почему он, против обыкновения, не начал, к примеру, с осмотра? Комиссар, стоявший среди полицейских в форме, сперва сделал несколько затяжек. Разговаривая с Лекё, время от времени он поглядывал на молодую даму в мохеровом платье и норковой шубке, только что вышедшую из автомобиля в сопровождении двух мужчин. Вцепившись в руку одного из спутников, она словно бы еще чего-то ждала.

Лишь спустя некоторое время комиссар медленно приблизился к распростертому телу в плаще, так же медленно склонился над ним. Словно это его друг или родственник, рассказывал позднее Лекё.

Когда Мегрэ выпрямился, лицо у него было хмурое, сердитое. Словно бы обвиняя присутствующих, он произнес:

— Кто это сделал?

Определить, чем были нанесены удары — кулаками или ногами, — было невозможно, но не то до того, как несчастный был заколот, не то после, его жестоко били: губа была рассечена, а лицо распухло, став почти неузнаваемым.

— Жду машину, — заявил Лекё.

До того, как его изувечили, лицо это было вполне обыкновенным, моложавым и, вероятно, довольно жизнерадостным. Даже мертвое, оно сохраняло выражение какой-то наивной простоты.

Почему же женщину в норковом манто особенно потрясло зрелище ноги в одном лишь сиреновом носке? Рядом с другой ногой, обутой в черную замшевую туфлю, нога эта выглядела какой-то забавной, точно голой. В ней было что-то интимное, как бы принадлежавшее вовсе не мертвецу. В шести-семи метрах Мегрэ нашел и вторую туфлю.

После этого он не проронил больше ни слова. Он лишь стоял и курил. Шепотом переговариваясь, подошло еще несколько любопытных. Потом у тротуара остановился фургон, двое работников погрузили тело убитого. На мостовой не оказалось ни единого пятна крови.

— Пришлите мне протокол осмотра, Лекё.

Тогда-то, верно, Мегрэ, забравшийся на переднее сиденье фургона, и решил заняться трупом. Это продолжалось всю ночь и все утро. Можно было подумать, что тело было его собственностью, что убитый принадлежал лишь одному комиссару.

Мерсу, одному из специалистов технического отдела, Мегрэ велел приехать в институт судебно-медицинской экспертизы. Мерс был молод, худощав, высок и неуклюж. Под толстыми стеклами очков прятались застенчивые глаза.

— За работу, мой мальчик...

Послали также за доктором Полем. Его ждали с минуты на минуту. Если не считать сторожа и замороженных трупов неизвестных, обнаруженных в Париже за последние несколько дней, они тут были одни.

При ярком свете все казалось кричаще грубым. Работали без лишнего слов и движений, похожие на прилежных рабочих из ночной смены, занятых особо сложным делом.

В карманах не обнаружили почти ничего. Пачка крепкого табака и папиросной бумаги, коробок спичек, дешевый перочинный нож, старомодный ключ, карандаш, платок без инициалов. В кармане брюк немного мелочи. Ни бумажника, ни документа, удостоверяющего личность.

Предметы одежды — сорочку, затем туфли и носки — Мерс аккуратно положил в пакет из вошевой бумаги. Качество вещей среднее. На пиджаке этикетка готового платья, расположенного на Севастопольском бульваре. Брюки поновее и другого цвета.

Когда появился доктор Поль — аккуратно расчесанная борода, ясные глаза, хотя его подняли с постели глубокой ночью, — труп был раздет донага.

— Ну, Мегрэ, старый дружище, что-то расскажет нам этот бедолага?

И действительно, задача теперь заключалась в том, чтобы заставить мертвеца заговорить. Такова была обычная процедура. Комиссару следовало бы идти домой спать: результаты всевозможных экспертиз доставят ему в кабинет утром.

Однако он остался наблюдать за работой эксперта, с каким-то задумчивым видом посасывая трубку и засунув руки в карманы.

Доктору пришлось ждать: фотографии мешкали. Воспользовавшись паузой, Мерс занялся ногтями убитого — на руках и на ногах. Материал для исследования он складывал в два мешочка, на которых были начертаны какие-то кабалистические знаки.

— Не так просто будет навести на него марафет, — рассмотрев лицо убитого, заключил фотограф.

По инструкции полагалось сделать сначала снимки тела и раны. Затем лица: нужно передать фотографии представителям прессы с целью опознания личности. Надо добиться того, чтобы лицо убитого как можно точнее походило на лицо живого человека. Вот почему технический эксперт гримировал труп. В холодном свете ламп тот казался особенно бледным, зато щеки и губы были раскрашены, словно у уличной женщины.

— Теперь дело за вами, доктор.

— Вы останетесь, Мегрэ?

Комиссар остался. До самого конца. И тогда вместе с доктором Полем они отправились выпить кофе с ликером в небольшом бистро, только что распахнутом ставни.

— Вы, верно, не захотите ждать, пока я напишу свое заключение?.. Скажите, дело важное?

— Пока не знаю...

Рядом ели свои круассаны рабочие. Глаза у них были еще сонные. На пальто осели капельки утреннего тумана. Было холодно, и у прохожих из ртов вырывались облачка пара. Одно за другим на разных этажах освещались окна домов.

— Для начала скажу, что человек этот скромного достатка. Судя по костяку и состоянию зубов, детство его прошло в бедности, и заботились о нем плохо. Руки не указывают на принадлежность к какой-либо определенной профессии... Сильные, но довольно холёные... Рабочим он быть не мог. Служащим тоже: на пальцах отсутствуют характерные деформации от продолжительного писания или работы на машинке... В то же время у него налицо плоскостопие — признак человека, привыкшего весь день стоять на ногах...

Записей Мегрэ не делал: услышанное врезалось ему в память.

— Теперь важный вопрос: время совершения

преступления... Могу с уверенностью сказать, что убийство случилось между восемью и десятью часами вечера...

Мегрэ уже сообщили о показаниях ночных гуляк и о желтом «ситроене», замеченном на площади Согласия сразу после часа ночи.

— Послушайте, доктор, неужели вы ничего больше не заметили?

— Что вы имеете в виду?

Доктор Поль, обладатель знаменитой бороды, тридцать пять лет работал медицинским экспертом и в уголовных делах разбирался лучше многих полицейских.

— Убийство было совершено не на площади Согласия.

— Очевидно.

— Вероятно, это произошло в каком-нибудь закоулке.

— Возможно.

— Обычно, когда в таком городе, как Париж, идут на риск и тело убитого перевозят с одного места в другое, делают это затем, чтобы скрыть его, чтобы труп обнаружили как можно позже.

— Вы совершенно правы, Мегрэ. Об этом я не подумал.

— На этот раз мы имеем дело с лицами, которые рискуют быть схваченными. Во всяком случае, они могут навести нас на их след. И делается это в самом сердце Парижа, в наиболее людном месте, где даже глубокой ночью труп и десять минут не пролежал бы незамеченным...

— Иными словами, убийцы хотели, чтобы тело обнаружили. Так я вас понимаю?

— Не вполне. Да и не в этом дело.

— И все-таки они постарались, чтобы труп не легко было опознать. Удары по лицу наносились не голыми кулаками, а каким-то тяжелым предметом... Каким именно, сказать затрудняюсь...

— До смерти?

— После... Спустя несколько минут...

— Вы уверены, что это произошло всего несколько минут спустя?

— Пожалуй, не позднее чем через полчаса... Потом, Мегрэ, есть еще одна деталь. По-видимому, я опустил ее в своем заключении, поскольку не уверен в ней. Кроме того, не хочу, чтобы мои выводы оспаривал адвокат, когда дойдет до суда... Я тщательно обследовал рану, сами видели... За свою практику мне довелось видеть сотни ножевых ран. Готов поклясться, что этот удар нанесен чересчур уж расчетливо...

Представьте себе: стоя лицом друг к другу, ссорятся два человека... Один из них наносит удар... Так вот, рану, которую я осматривал, никак нельзя было нанести таким вот образом... На удар сзади тоже не похоже.

Но представьте, человек садится или даже встает, поглощенный каким-то делом... Убийца подкрадывается сзади, обхватывает жертву рукой и наносит сильный, точный удар... Более того, у меня такое впечатление, будто жертву во время убийства связали или держали за руки и буквально прооперировали. Улавливаете?

— Улавливаю...

Однако Мегрэ хорошо знал: мужа Нины не могли застать врасплох, ведь все последние сутки он убежал от своих убийц.

Вопрос, который для доктора Поля представлял чисто теоретический интерес, по-человечески волновал Мегрэ.

Комиссар слышал голос этого человека. Следуя за ним шаг за шагом из одного бистро в другое во время его лихорадочного бега по улицам все одних и тех же кварталов района Шатле — Бастилия, Мегрэ почти видел его наяву.

Оба шли по набережной. Мегрэ сосал свою трубку, доктор Поль выкуривал сигарету за сигаретой. Во время вскрытий он тоже безостановочно курил, утверждая, что табак — лучшее антисептическое средство. Забрелжил рассвет. Одно за другим плыли по Сене суда. С трудом передвигая окоченевшие ноги, по ступеням вылезали на свет божий бродяги, проводившие ночь под мостами.

— Человека этого убили вскоре после последней его трапезы, возможно, даже тотчас же.

— А что он ел, не скажете?

— Гороховый суп, соленую треску с кремом и яблоко. Выпил белого вина. В желудке у него я также обнаружил остатки водки.

В этот момент оба проходили мимо кафе «Подвалы Божоле», только что открывшего деревянные ставни. Внутри, откуда доносился запах дешевого вина, царил полумрак.

— Вы домой? — спросил доктор, намереваясь остановить такси.

— Зайду в научно-технический отдел.

Перевел с французского Виктор КУЗНЕЦОВ.

Продолжение следует.

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

ВО ВРЕМЯ ПЕРВОМАЙСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ
В СВЕРДЛОВСКЕ У СТУДЕНТОВ ИСТФАКА
УРАЛЬСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА БЫЛ «ИЗЪЯТ»
ПЛАКАТ, С КОТОРЫМ ОНИ НАМЕРЕВАЛИСЬ ПРОЙТИ
МИМО ТРИБУН ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ
ПЛОЩАДИ ИМЕНИ 1905 ГОДА.

ПРОШУ СЛОВА!

Павел ГУТИОНТОВ

Надо сказать, студенты проявили самостоятельность; все пять лозунгов для факультетской колонны сформулировали сами, предварительно обсудив в группах (я видел тетрадь, исписанную разными вариантами, из которых были отобраны самые, как ребятам казалось, своевременные). Они считали, что это их право, тем более что тексты лозунгов одобрил партком университета, куда ребята зашли проконсультироваться.

И вот перед самой площадью работники милиции раздвинули турникеты, выхватили из колонны тех, кто нес лозунг (а также товарищей, попытавшихся «изъятию» помешать), и доставили всех шестерых в расположенный поблизости горно-металлургический техникум. Ребята лозунг не отдавали, так что один из студентов довольно ощутимо получил по рукам. «Нет, вы скажите, по какому праву?!» — вопрошали студенты, пока лейтенант невозмутимо переписывал их фамилии. Но ответ получили только тогда, когда в подъезд прибежал извещенный о ЧП декан; с ним лейтенант до объяснений снизошел, сказал: «У меня приказ...»

Приказ, как впоследствии выяснилось, отдал зам. начальника городского управления внутренних дел полковник милиции Первухин. Изъятый же на глазах всего честного народа лозунг звучал так: «Очистим партию и комсомол от карьеристов!»

Не будем сейчас гадать, почему именно за карьеристов так обиделась свердловская милиция (был ведь, например, и лозунг: «Долой бюрократизм!»). Но к чести руководителей Свердловска, происшествию была дана немедленная и четкая оценка: райком, а затем и горком партии сразу стали на сторону студентов, специально отметив, что подобный лозунг во время демонстрации был бы вполне уместен. Полковник Первухин перед студентами извинился...

Нет, не для красного словца говорим мы сегодня о курсе на демократизацию всех сторон жизни. На памяти у каждого из нас собрания, на которых президиум, не щадя собственного времени, заслушивал заранее прочитанные и утвержденные им

же речи; и примеры «волеизъявлений», когда тот же транспарант мимо трибуны можно было пронести лишь строго определенного содержания, размера и формы... Все это было куда как не безобидно, воспитывало безразличие и цинизм, гасило общественную активность, превращало живых людей в бездушные винтики некоего механизма с заданной программой. Кстати, потому-то этот механизм и давал все чаще такие серьезные сбои...

Да и сегодня еще старое продолжает вести упорные арьергардные бои против наступающих сил демократизма и гласности. Кое-где все еще тянется затяжная окопная война, а есть и участники, на которых по тылам наступающих осуществляются лихие кавалерийские рейды. Шитов, Пятко, Королев, Филиппов... — всего тринадцать человек поставили подписи под этим письмом, молодые водители совхоза «Коминтерн» Приозерского района Ленинградской области:

«Мы хотим спросить министра связи СССР: существуют ли какие ограничения в приеме корреспонденции (в частности телеграмм) в адрес редакций центральных и областных газет?»

Если нет, то почему это право мы должны отстаивать через правоохранительные органы?

О неурядицах пастбищного содержания животных, плохих условиях труда, отсутствии разработанной системы оплаты труда шоферов, занятых на перевозке доярок в лагере, мы решили подать телеграмму в газету «Ленинградская правда», с тем, чтобы как-то быстрее разрешить эти вопросы.

Пять раз телеграмму подавали, четыре раза ее отклоняли по причине того, что такие телеграммы якобы запрещено принимать без согласования с вышестоящими органами. Потом потребовали личные подписи пославших, а когда и это мы сделали, потребовали привезти паспорта в г. Приозерск. Хотя на пятый раз телеграмму приняли у нас в почтовом отделении и мы даже получили квитанцию, в Приозерске телеграмма была вновь остановлена до привоза паспортов.

Через два дня со дня подачи мы позвонили в отдел писем газеты — наша телеграмма не поступила. Так что даже это письмо мы решили отправить из Ленинграда, там-то, наверное, больше законности, чем у нас в районе.

Мы считаем, что в нашей телеграмме нет никакой крамолы и аполитичности. Так почему же работники Приозерского узла связи нарушают законодательство?..»

И, наконец, история третья.

Не так давно в газетах опубликовано постановление, согласно которому городу Ижевску возвращено его прежнее название, и это, безусловно, стало еще одним свидетельством того, как, говоря словами М. С. Горбачева, «отчетливо и весомо заявляет о себе общественное мнение». Напомним, что скороспелое и опрометчивое (что уж тут скрывать!) решение о переименовании столицы Удмуртии, принятое в декабре 1984-го даже без согласования с правительством автономной республики, поддержки жителей города не встретило. Просьбы о его пересмотре, зачастую подписанные сотнями фамилий, пошли в Москву. Критические оценки по поводу переименований появились в центральной печати...

А в самом городе по воле тогдашних местных руководителей старались уничтожить даже воспоминания о прежнем, ни в чем не повинном названии, с которым, между прочим, связано так много славных страниц в истории всей страны.

Гостиница «Ижевск» почему-то превратилась в «Центральную», ЦУМ «Ижевск» — в ЦУМ просто, получил новое имя пригородный совхоз, на радио пропали песни про Ижевск, гордость горожан — Ижевский пруд — стали именовать безликим «водохранилищем»... Дальше — больше: даже в текстах о прошлом прославленные «ижевские оружейники» превращались в «умельцев из Удмуртии», а молодые люди семидесятых годов рождения получали паспорта, куда беспрепятственно вписывалось: «место рождения — г. Устинов»...

Люди обращались в Москву, а на месте их за это едва ли не наказывали. В прошлом году журналистке, приехавшей писать о двадцатилетнем

юбилее знаменитого ЮАМКа — юношеского автотоклуба, созданного и бессменно руководимого школьным учителем, фронтовиком А. Новиковым, в ультимативной форме предложили Новикова в статье не упоминать. В чем же дело? Оказалось, он тоже письмо в Москву подписывал...

Но времена менялись, обстановка, складывавшаяся в стране после партийного съезда, всем нам придавала новые надежды. И вот еженедельник «Комсомолец Удмуртии» собрался опубликовать письма читателей, высказавших свое мнение о переименовании города. Я читал эту подборку — умные, хорошие письма, дельные предложения, продиктованные любовью к своему городу и бережным отношением к памяти Д. Ф. Устинова, человека, уважение к которому в Ижевске всегда было исключительно высоким. Но подборка света не увидела: готовые, сверстанные уже полосы были вынуты из номера, причем газета «держалась до последнего» и, чтобы убрать острый материал, потребовалось специальное постановление секретариата обкома комсомола. Причина? «Не надо лишний раз раздражать людей...» — этот довод стал решающим. Хотя чем, казалось бы, может «лишний раз» раздражать людей первое честное и гласное обсуждение волнующего всех вопроса?

А через два месяца было опубликовано постановление, основанное как раз на тех предложениях горожан, обнародовать которые у себя местные власти так и не решились.

В сущности, эти две истории, и свердловская, и ижевская, — об одном и том же. О том, как трудно дается умение жить — и руководить! — в условиях расширяющейся демократии, гласности. В Свердловске начальник политотдела городской милиции, с которым я встречался, так, например, до сих пор и уверен, что работники, «изъявшие» у студентов лозунг, были абсолютно правы. «А вы сами, — спрашивал он меня, — неужели считаете, что такое на первомайской демонстрации уместно? Но чего лукавить: не столько даже текст злощастного лозунга возмутил полковника Первухина, сколько сама «нештатная», как сказали бы космонавты, ситуация выбила его из колеи. Он ведь в минуту откровенности так свои действия и объяснил: «А вдруг потом с меня же спросят: ты-то куда смотрел?!» Правота (и право!) людей, высказавших свое мнение, очевидны (да и чье еще мнение им высказывать!). Но «а вдруг потом с меня спросят...»

Дело, конечно, не только в элементарной боязни ответственности. Старому мышлению вообще подозрительна сама мысль о возможности проявить несанкционированную инициативу, высказаться не «от имени», а от себя лично. Как однажды возразила покупательница продавщица магазина: «Как же, дала я тебе книгу жалоб, чтоб ты туда что хочешь писал!»

И действительно, слишком, к сожалению, долго нас приучали, что в «книгу жалоб» положено писать лишь то, чего хочется именно продавцу, и даже предложения вносить лишь те, какие он сам нам продиктует. И мы к этому привыкли, а уж продавцы до сих пор любой другой вариант полагают едва ли не покушением на устои — вспомните письмо шоферов из Приозерска.

И тем не менее отвыкать от старых прописей нам придется.

Мы уже переучиваемся.

...Полковнику пришлось извиняться. Городу вернули имя.

Может быть, это все и победы местного значения. Но с каждым днем таких побед должно становиться все больше.

ПЕСНИ, КОТОРЫХ МЫ НЕ ЗНАЕМ

Алексей
БАЛАБАНОВ,
Владимир
СУВОРОВ

МОЛОДЕЖЬ
ДЕЛА.
ПРОБЛЕМЫ.

Их музыка не похожа на ностальгически-привычные, но давно забытые «Ландыши» или радостно оптимистичную песенку о последней электричке. И за «ландышами», и за «электричкой», вспомните, вставал мир такой безоблачный, благостный и тихий, где самым большим несчастьем, пожалуй, была лишь ссора с любимой. Так хотелось, чтоб мир был именно таким...

У группы из Свердловска «Наутилус-помпилиус» видение мира несколько иное.

В природе наутилус-помпилиус — довольно безобидная раковина-моллюск. Размножается она странным для нас, людей, способом — захлопывая створки, острыми краями отрезает свою плоть, которая становится самостоятельным организмом. Небезболезненная операция; а новый организм начинает жить — мягким и незащищенным, доступным любому хищнику.

Ребята из рок-группы режут на сцене по живому — по сердцам. Но то ли гром гитар, то ли собственная глухота заставляет иных критиков воспринимать поверхностно лишь сакраментальное «Ален Делон не пьет одеколон...» — как сказано в одной из песен.

Можно презрительно кривиться, произвольно подергивая ногой в такт ритмам рока, можно считать его принадлежностью неглубокого ума, нечистой радостью посредственного вкуса, стремящегося к простым ответам на сложные вопросы. И среди поколения шестидесятых, выросшего на песенной культуре Окуджавы и Высоцкого, немало равнодушных к рок-музыке. Высоцкий пел о нас (или о том, какими бы мы хотели быть), а чего там такого на неизвестном для многих английском пели «Битлз» или «Роллинг Стоунз»? Привлекали мелодия, ритм, «запретный плод» в конце концов.

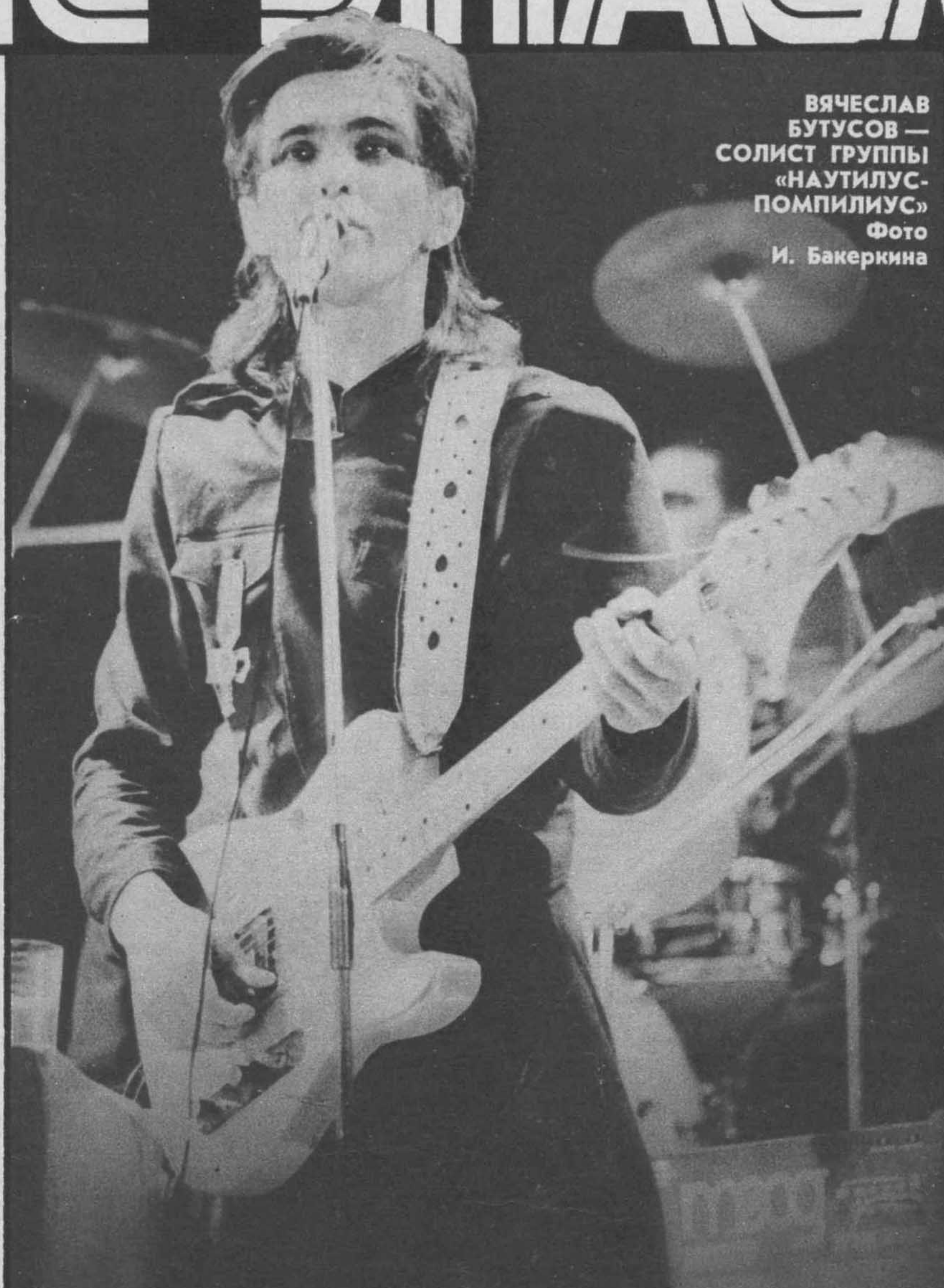
В благопристойное бытие ритм рок-н-ролла ворвался неожиданно:

Первый опыт борьбы против потных рук
Приходит всегда слишком рано.
Любовь — это только лицо на стене,
Любовь — это взгляд с экрана...

Тут вам не за последней электричкой бегать. Но именно это и не было услышано строгими ценителями, замечавшими только «одеколон». Иные вобще ничего не хотели замечать, но речь не о них.

Когда сегодня на эстраде появились «Наутилус», «Аквариум», когда строки их песен разошлись на поговорки в молодежной среде, иные критики начали удивляться: «Да как же так? Нет, не такой песни нам хотелось, не о такой мечталось!»

Вниманием Центрального телевиде-

ВЯЧЕСЛАВ
БУТУСОВ —
СОЛИСТ ГРУППЫ
«НАУТИЛУС-
ПОМПИЛИУС»
Фото
И. Бакеркина

ТРИ ДНЯ В СЕНТЯБРЕ
НА ОТКРЫТОЙ ПЛОЩАДКЕ ЗЕЛЕННОГО ТЕАТРА
В ПОДМОСКОВНОМ ГОРОДЕ ПОДОЛЬСКЕ ПРОХОДИЛ
БОЛЬШОЙ ФЕСТИВАЛЬ РОК-МУЗЫКИ.
СВОИ ПРОГРАММЫ ПОКАЗАЛИ: «ОБЛАЧНЫЙ КРАЙ» ИЗ АРХАНГЕЛЬСКА,
«ДДТ» И «ТЕЛЕВИЗОР» ИЗ ЛЕНИНГРАДА, «БОМЖ» И «КАЛИНОВ МОСТ»
ИЗ НОВОСИБИРСКА, «I. M. K. E.» ИЗ ТАЛЛИНА,
«ВЕСЕЛЫЕ КАРТИНКИ» ИЗ МОСКВЫ, «НАУТИЛУС-ПОМПИЛИУС» ИЗ
СВЕРДЛОВСКА — БОЛЬШЕ ДВАДЦАТИ КОЛЛЕКТИВОВ.
ЛАУРЕАТАМИ НАЗВАНЫ «ТЕЛЕВИЗОР» И «НАУТИЛУС-ПОМПИЛИУС».
СЕГОДНЯ МЫ ЗНАКОМИМ
ЧИТАТЕЛЕЙ С УРАЛЬСКОЙ ГРУППОЙ.

ния (вследствие уральской удаленности?) молодые музыканты не избалованы, пластинок их «Мелодия» не выпускала. Конечно, записать кассету «Наутилуса» не просто, попасть на концерт — большая удача, однако к материальному существованию самой группы это никакого отношения не имеет.

В одной из песен группы недвусмысленно сказано: «Я должен начать все сначала...» Они и начали «сначала», отказавшись от обеспеченного быта, перспективной карьеры. За это и получили возможность говорить свое, незаемное. Говорить без оглядки на самого строгого цензора — свой собственный страх. Когда-то Дмитрий Умецкий, Вячеслав Бутусов пытались (и безуспешно — на уровне студенческих проектов, не

пошедших в дело) сказать свое слово в архитектуре. Не вышло. И «основная» деятельность в далеких от архитектуры «конторах» стала всего лишь средством содержания семейства. Олега Потапкина, лауреата рок-фестиваля в Вильнюсе, директор музыкального училища хотел исключить, потому как невозможно одновременно становиться вместе с «Наутилусом» лауреатом и сдавать экзамен по мастерству...

Они могли бы вполне безбедно существовать при ресторане-дискотеке «Малахит», куда их неоднократно приглашали. Но нельзя одновременно жевать бутерброд и слушать «Мальчик-Зима» или «Отход на Север». Здесь думать надо, а не желудочный сок выделять!

Они неудобны, максималисты, вы-

зывающе одеты в галифе, ботфорты и строгие френчи. Они непривычны тем, что стоят, жестко вставая в пол сцены, почти не двигаясь, бросают в зал: «Одни слова для кухонь — другие для улиц...» Ведь и мы говорили это же! Шепотом, на кухне.

Но вот что больше всего их раздражало: «Ладно, нас не слушают, не понимают и не хотят понимать те, кому слова наших песен поперек горла. Но почему, почему и другие, для кого мы сочиняем, пишем, — почему им неважно о чем?»

«Свободы слуха», как писал Герцен, не оказалось и у поклонников. Команда Бутусова сменила репертуар, вновь заставив вслушиваться в себя, в новые, незаигранные, непривычные тексты.

...Нас выращивали денно.
Мы — гороховые зерна.
Нас теперь собрали вместе —
Можно брать и можно есть нас...

После исполнения этой едкой песни в Новосибирске попытались методами конструктивной критики воздействовать на свердловских музыкантов. За многие годы мы, признаемся, привыкли слышать о себе совсем иную правду — фанфарно-победную, и слух болезненно воспринимает отступление от ее канонов.

Конечно, по сравнению с началом восьмидесятых ситуация изменилась, но ведь именно в те «застойные» годы и родился отечественный рок. Им не страшно: «памяти поротой задницы» у них нет, им страшно, что прошлое может вернуться, и отнюдь не в виде фарса. Не переставая напоминать они это всем, кто готов слышать.

Когда публика ревет, а зал огромен, Вячеслав Бутусов закрывает глаза. «Надо почувствовать боль. Я не могу петь, пока не чувствую текста, пока не проживаю песню вмиг. Пока мне самому «все равно», петь я не могу. Тогда уж лучше вообще молчать...» Таково их кредо — молчать, пока не почувствуешь боль собственной душой.

С каждым осенним днем
приближается стужа.
С каждым движеньем страшнее, но
легче дышать...

Бывший заурядный ВИА Свердловского архитектурного института, предназначенный для танцевальных развлечений, поднялся к вершинам популярности в «неформальных кругах». «Красивое пение» исчезло из программы группы. Появилось другое:

Когда умолинут все песни, которых
я не знаю,
В терпком воздухе крикнет
последний мой бумажный пароход.
Мне стали слишком малы твои
тертые джинсы,
Нас так долго учили любить твои
запретные плоды.
Гудбай, Америка!..

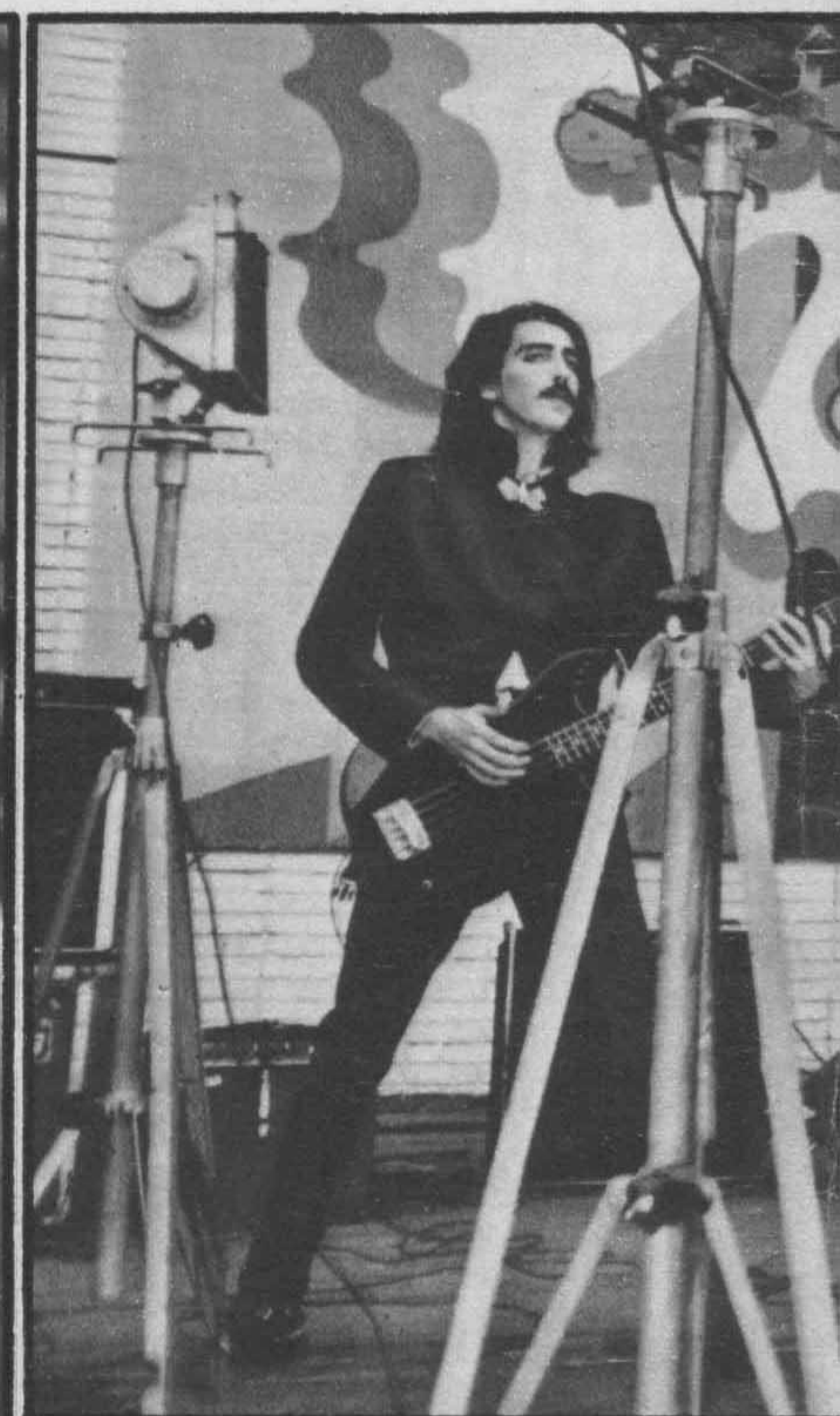
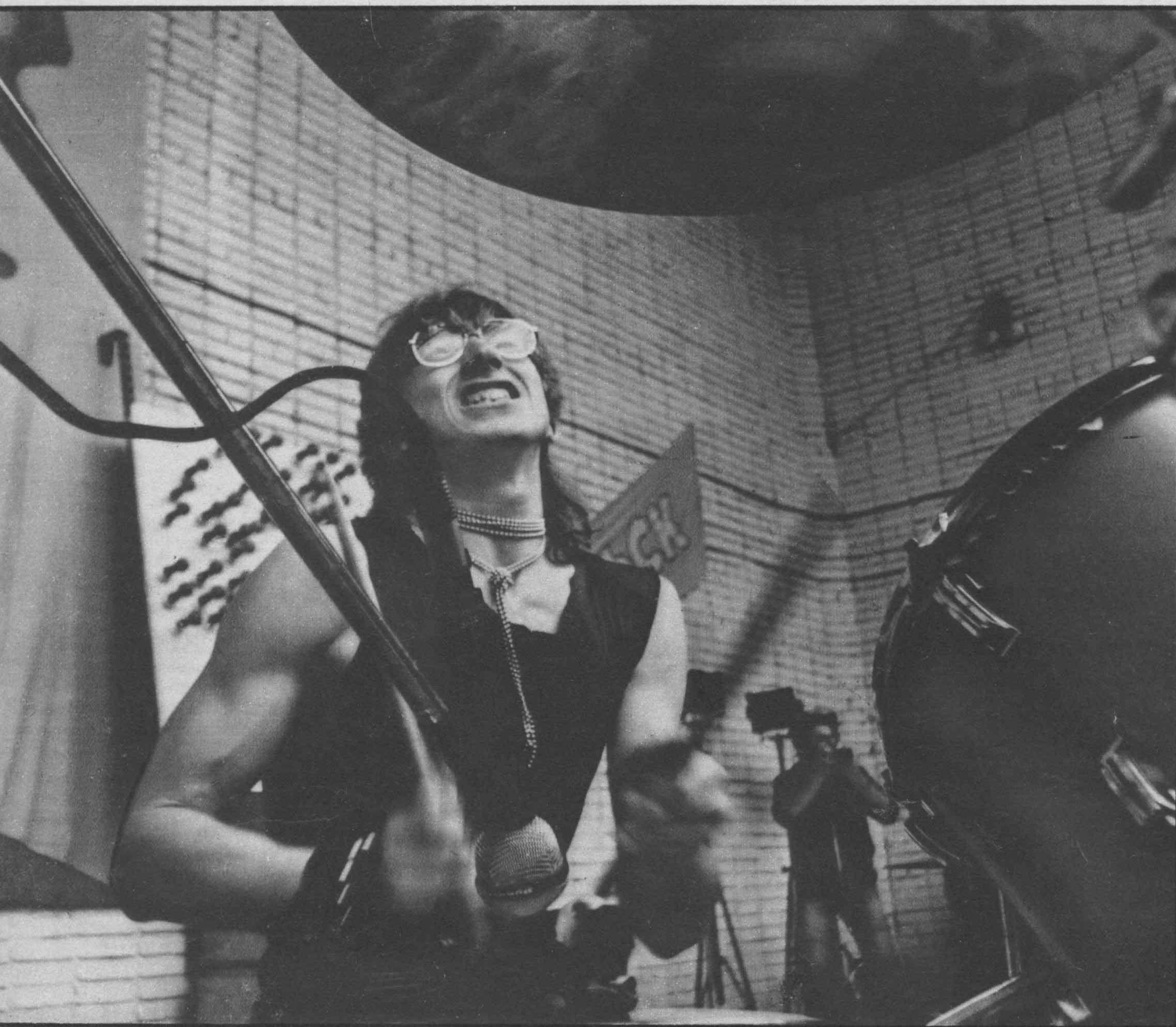

Фото
Игоря
СТОМАХИНА

«ОБЛАЧНЫЙ КРАЙ»

«I. M. K. E.»

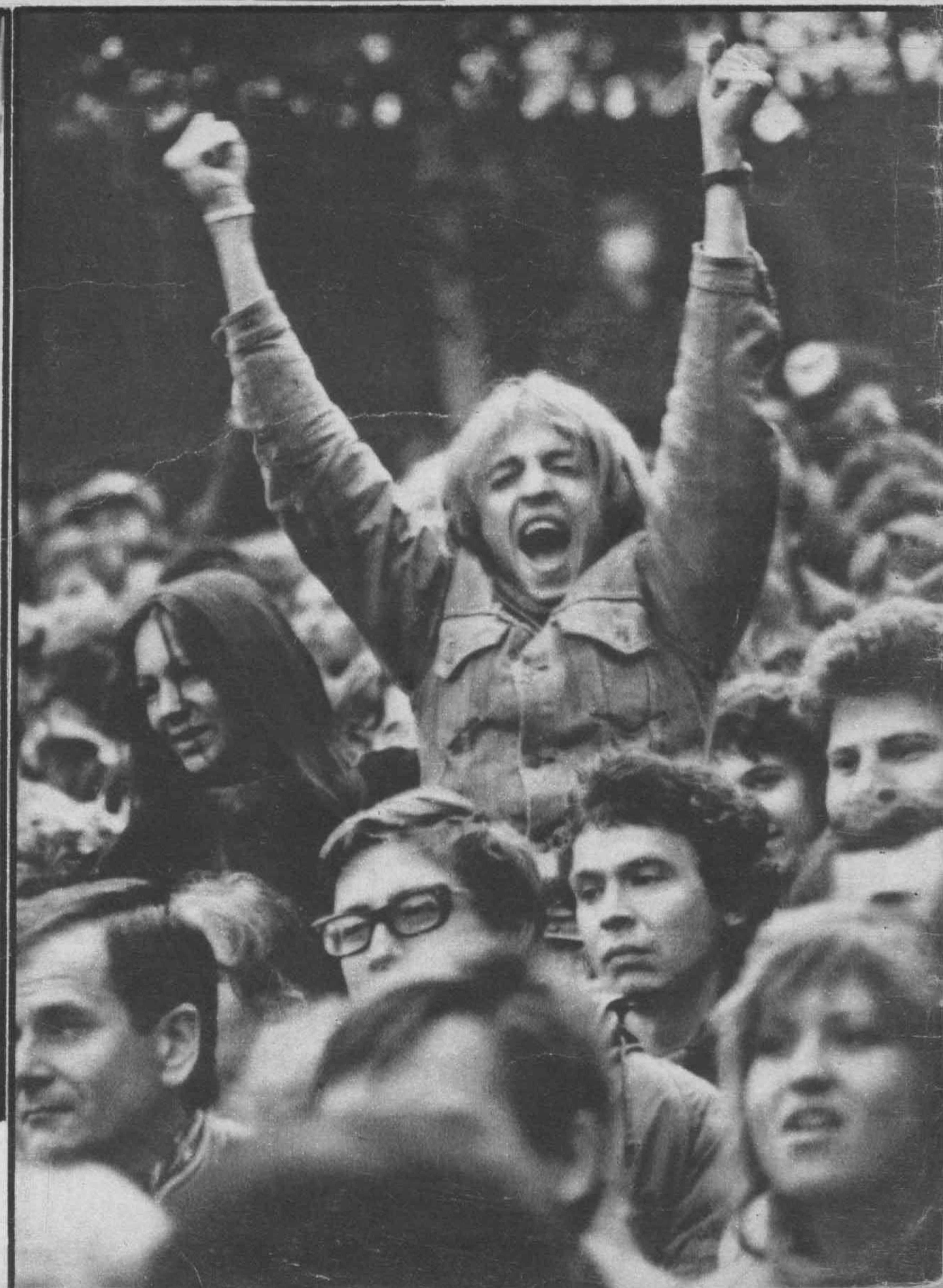
Когда умолкают, уходят чужие песни — появляются свои. И проблемы — живые, ненадуманные. И боли свои — своей страны, своего народа, своего поколения. После своих слов сложно будет вернуться к рифмованному воспеванию под легкую музыку красот летней речки, необременительному и безопасному переливанию из пустого в порожнее.

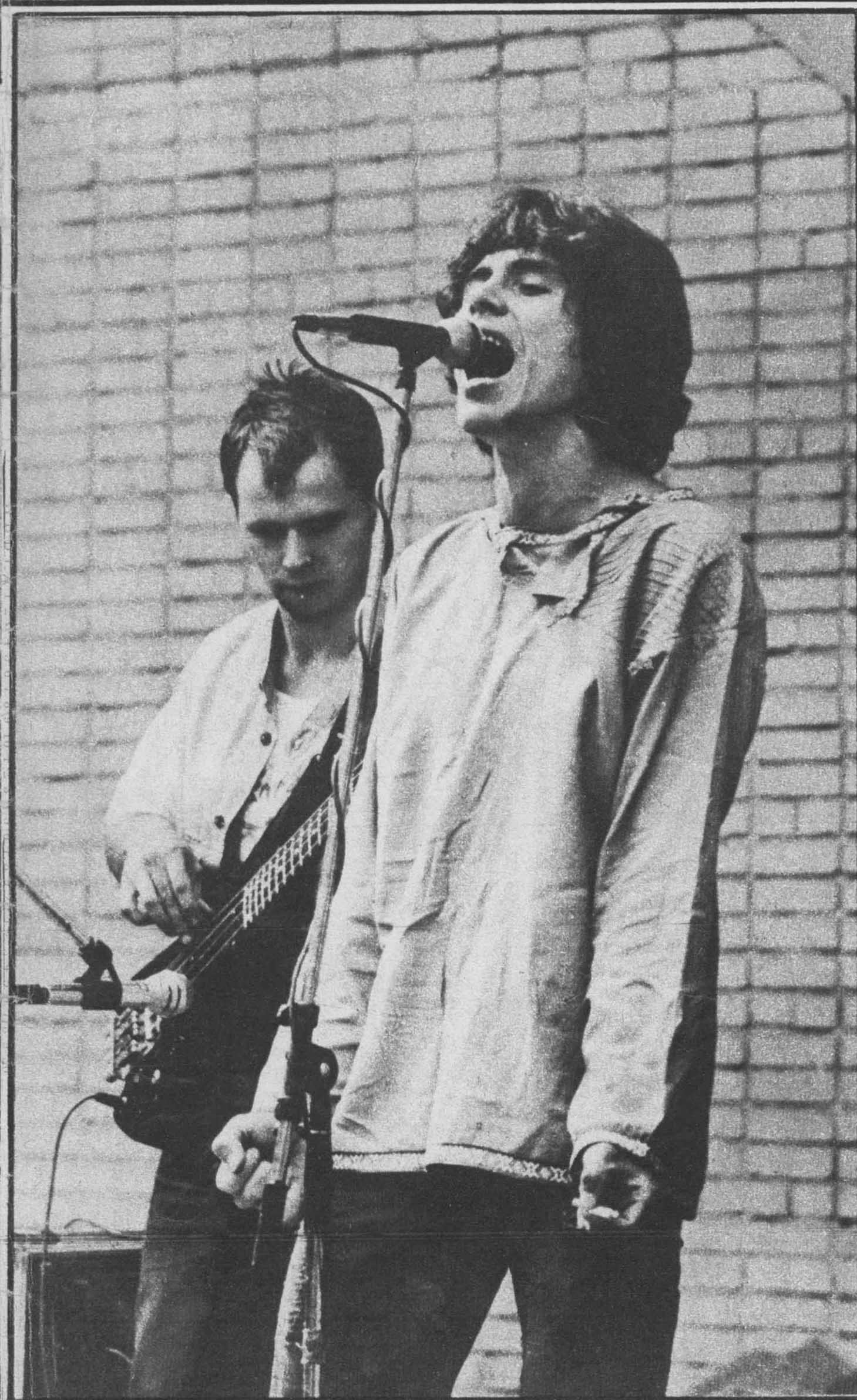
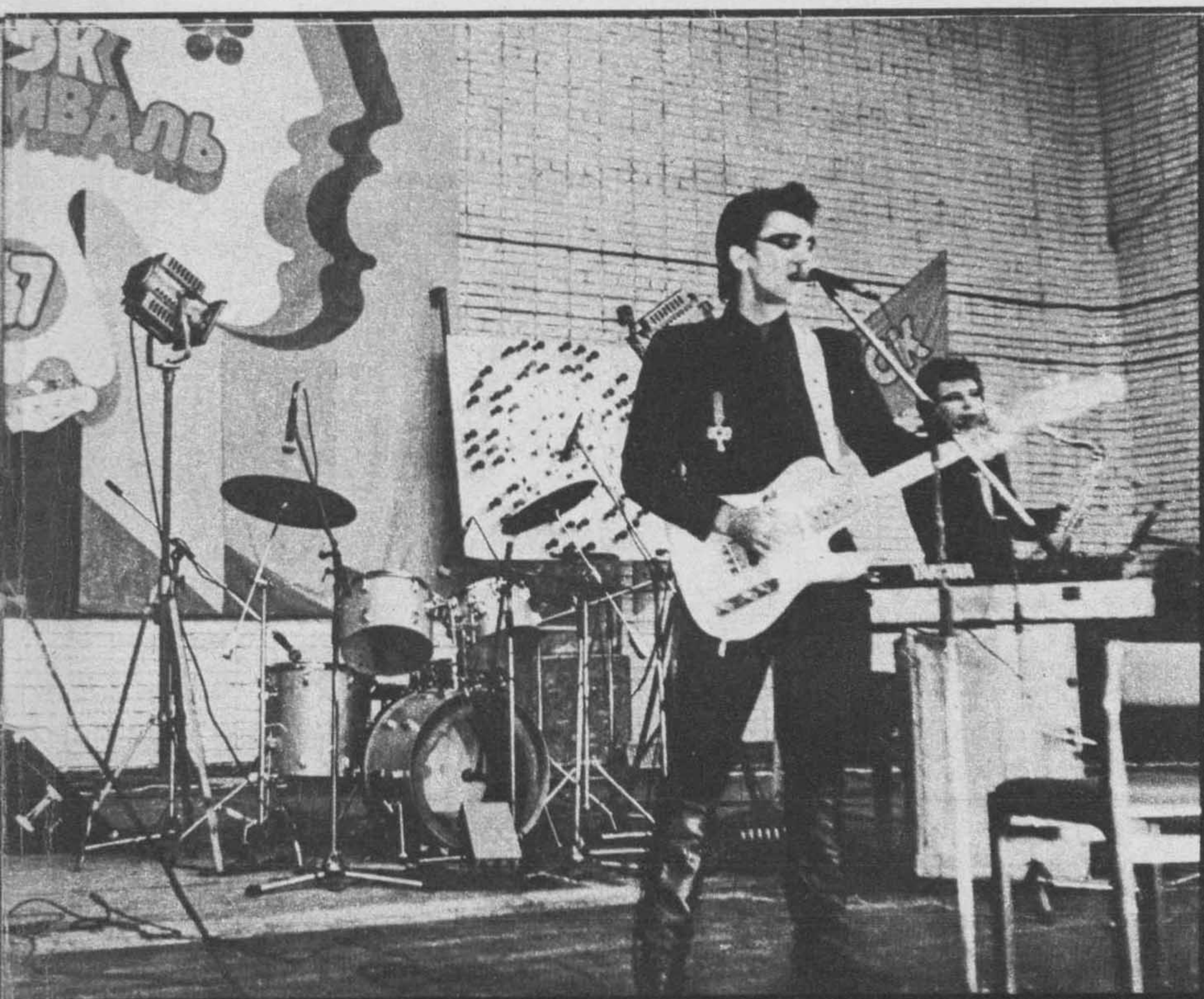
Они понимают, что, если боль заменить «благами», исчезнет и «Наутилус». Хорошо им, наверное, будет тогда, когда у ровесников, у всех нас начнут исчезать пустоты в душах. Впрочем, они и тогда найдут о чем сказать, потому как «эра безмятежности» не скоро наступит, да и вряд ли вообще достижима.

...Свои концерты Бутусов с командой начинают своеобразным музыкальным эпиграфом: в темном зале, на черной сцене все шестеро поют без гитар: «Разлука ты, разлука, чужая сторона. Никто нас не разлучит, лишь мать сыра-земля». Это потом зажгутся прожектора, поползет бутафорский дым и зал взорвется криком.

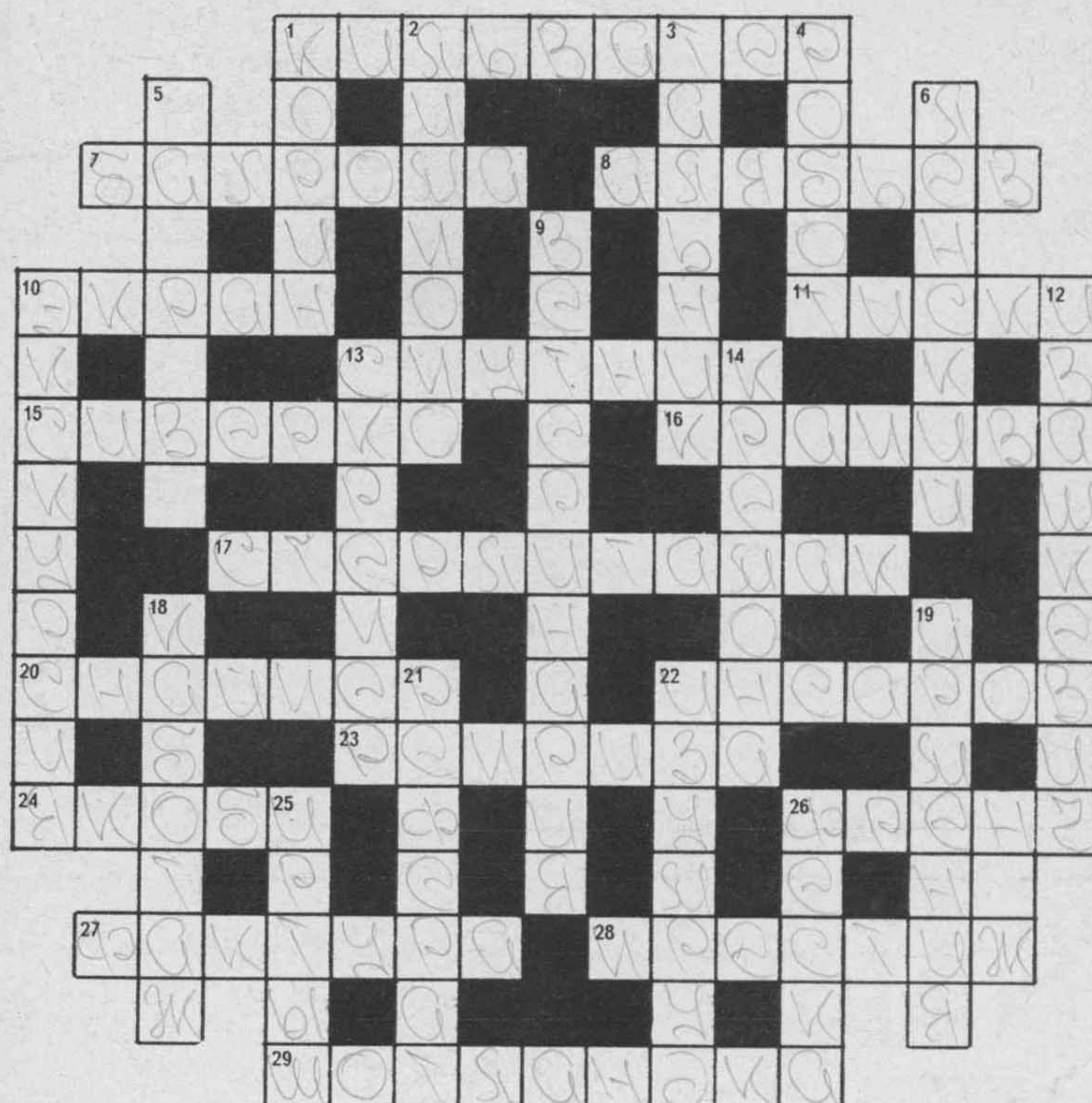
Так куда ж влечет нас рок?

К тому времени, когда всеми будет осознана боль за свое Отечество, за свой народ и за себя, бывшего часто не гражданином, а всего лишь безответным «жителем». За тем они и на сцене.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Строй кораблей, следующих один за другим. 7. Тесьма со свисающими кистями, нитями, употребляемая для отделки, украшения. 8. Русский композитор XIX века. 10. Советский искусственный спутник Земли для ретрансляции программ телевидения. 11. Приспособление для закрепления детали при обработке. 13. Бюро международного молодежного туризма. 15. Картина И. С. Остроухова. 16. Народный писатель Белоруссии, Герой Социалистического Труда. 17. Город в Башкирии. 20. Меткий стрелок. 22. Персонаж романа И. С. Тургенева «Накануне». 23. Шуточный номер в цирке, на эстраде. 24. Русский физик, академик, изобретатель электродвигателя. 26. Куртка военного образца. 27. Счет с описью отправленного товара. 28. Авторитет, влияние. 29. Пестрая клетчатая ткань.

По вертикали: 1. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 2. Река в Южной Африке. 3. Кустарниковая ива. 4. Автоматический манипулятор, выполняющий производственные операции. 5. Народная артистка СССР, выступавшая в Малом театре. 6. Персонаж романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». 9. Наука о болезнях животных и их лечении. 10. Коллективное посещение музеев, выставок. 12. Польский писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 13. Землеройно-транспортная машина. 14. Город в Северной Италии. 18. Судоходство между портами одной страны. 19. Союзная советская республика. 21. Краткое изложение содержания научного труда. 22. Драгоценный камень. 25. Приток Оби. 26. Мужская шапочка в форме усеченного конуса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

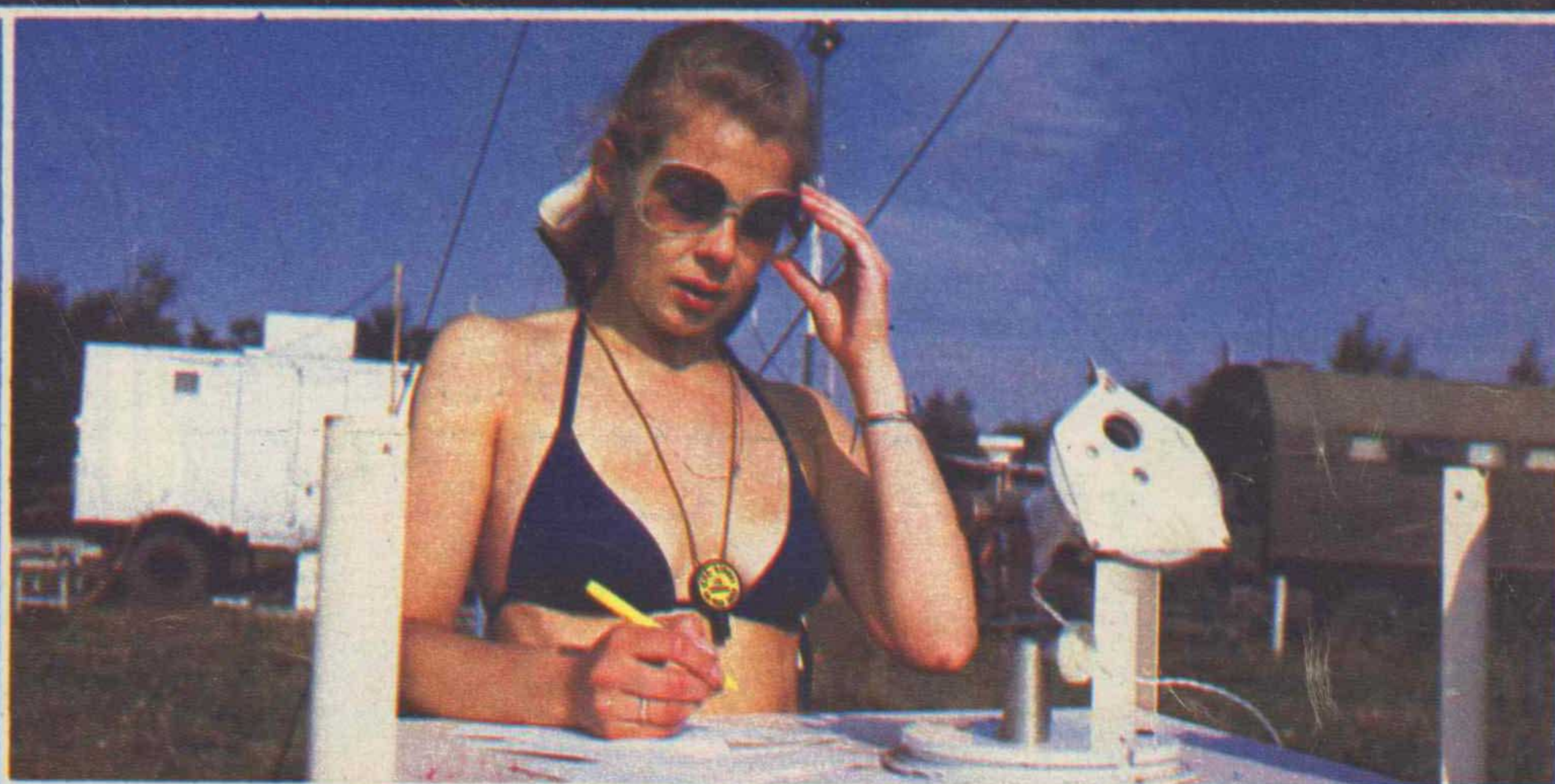
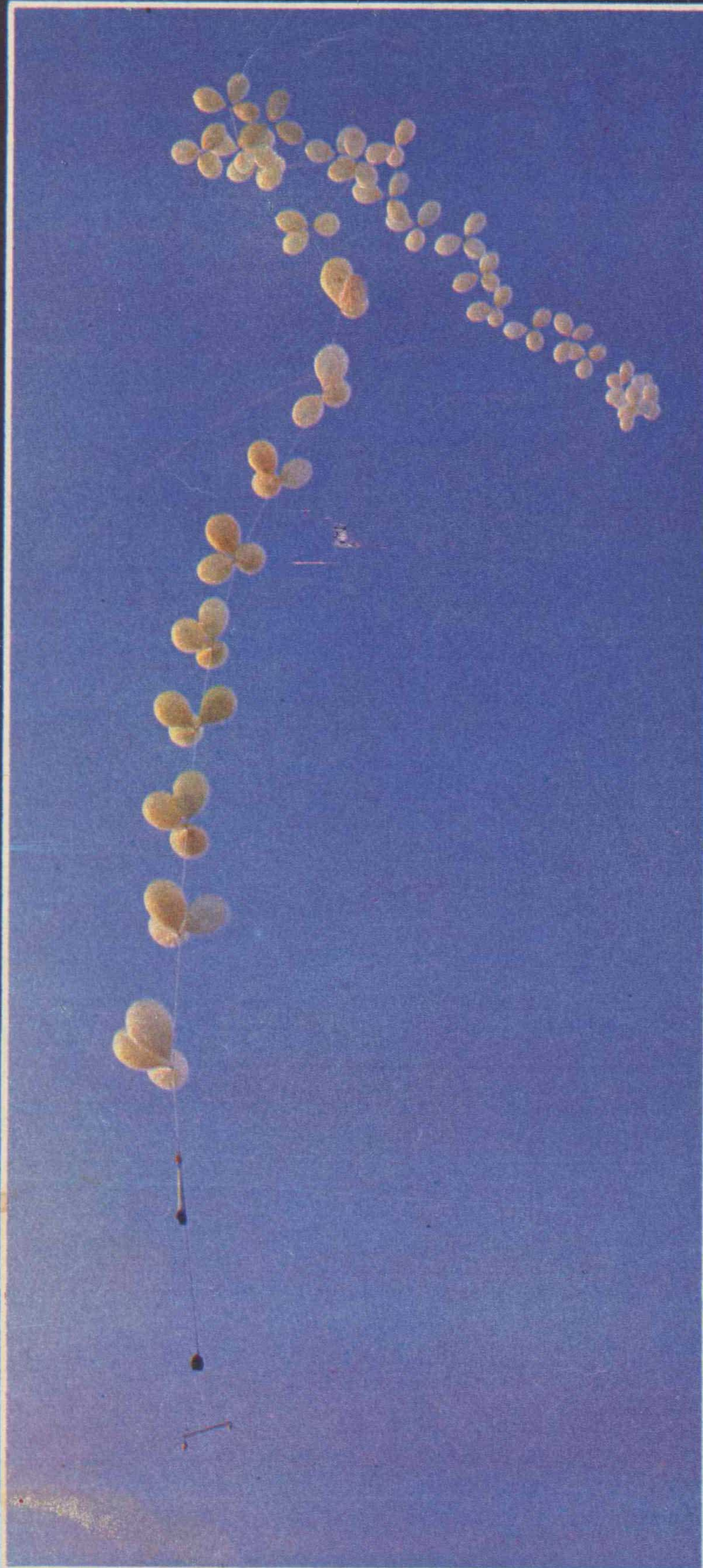
По горизонтали: 2. Просека. 6. Привал. 7. Лиотар. 8. Лесничество. 10. Кокс. 11. Плинтус. 13. Нис. 15. Пашенная. 16. Диктофон. 18. «Гуси». 20. Ротатор. 21. Гага. 23. Аллитерация. 26. Огурец. 27. Неврев. 28. Обнинск.

По вертикали: 1. Гродно. 2. Плес. 3. Сличенко. 4. Альт. 5. Мальта. 8. Лиственница. 9. Орнитология. 10. Кемпинг. 11. Пойнтер. 12. Синклер. 14. Спиноза. 17. Кваренги. 19. Убанги. 22. Галлей. 24. Лицо. 25. Цинк.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Василия ДУБОВА

Гигантская гусеница из воздушных шаров взмыла в небо. Так начался совместный советско-американский эксперимент «РАРЭКС-87». За аппаратурой для исследования верхних слоев атмосферы внимательно следит Земля...

СМ. В НОМЕРЕ РЕПОРТАЖ «ОХОТА ЗА ПЫЛЬЮ».

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

ОГОНЁК